

Ардикт. Ветра ледяных пустынь

Предыстория

История, о которой я хотел бы поведать, берёт своё начало в странном мире под названием Ардикт. Бескрайняя прекрасная земля, богатая интересными историями, славными героями и легендами, которые рассказывают шепотом. Правда, так было не всегда: очень давно, когда великие Создатели сотворили этот мир, им правила жестокость и злоба. Две противоборствующие стороны никак не могли ужиться вместе, даже их характеры казались полной противоположностью: свободолюбивые Хилонсы и железные Эпифираты.

Хилонсы были кочевниками, закалёнными жителями бескрайних северных земель: никто лучше них не был приспособлен к тяжёлым условиям обитания в суровых пустынях, их навыки выживания граничили с невероятными. Хилонсов отличал от Эпифиратов небольшой рост, крепкое телосложение, часто густая борода, а также буйный, даже немного дикий, нрав. Бесстрашные, безрассудные, они, словно вихрь, могли пронестись над рядами врагов, заставив тех бежать, поджав хвост, а же сами стояли на смерть, не жалея себя и защищая своих товарищей. Жили Хилонсы в простых, но просторных и уютных юртах, которые были сделаны из шкур убитых ими животных. Ввиду их образа жизни, юрты всегда можно было быстро сложить и, привязав к быкам, перекочевать на следующее место стоянки. Передвигались Хилонсы на длинношёрстых северных быках, которые славились своей выносливостью и силой.

Эпифираты были, по большей части, точной противоположностью Хилонсов: если одни сделаны из огня, то вторые принадлежали водной стихии. Эпифираты вели оседлый образ жизни: они занимали центр Ардикта, его прекрасные равнины, неподалеку от непроходимых лесов. Столицей Эпифии был великий Клеон – город, раскинувшийся на тысячи вёрст. У Эпифиратов было хорошо развито торговое дело, на высоте также было и ремесло. Они, конечно, сильно уступали Хилонсам в кузнечном деле, но в столярном мастерстве превосходили почти на голову. Отлично организовано у Эпифиратов было животноводство и земледелие. Изучение различных точных наук, таких как алхимия и физика делало их намного прогрессивнее и умнее своих врагов. Магия также имелась в наличии у Эпифиратов, правда, её использовали в основном в медицине. Однако, чем чаще происходили столкновения с Хилонсами, тем чаще она находила применение в военных действиях. Жители Эпифии особо ничем не отличались друг от друга, разве что характер одного человека был намного тяжелее, чем у другого. Они были очень замкнуты в своих мирах и редко показывали эмоции в обществе.

Война между этими двумя расами то утихала, то вспыхивала с невероятной силой — иной раз после их встречи вся земля была усеяна трупами, а реки переполнены кровью. Так продолжалось из поколения в поколение, из века в век, и, казалось, нет конца этим кровопролитным баталиям, пока однажды Создатели не решились на отчаянный шаг ради мира

в Ардикте. Если двух детей не способны унять, то их рассаживают в разные углы — так поступили и с двумя народами.

Все, кто жили в те дни, вспоминают их с содроганием: тогда солнце затмила чёрная пелена, и, казалось, было слышно, как сами Создатели выносят приговор этому миру. Задрожали скалы, затряслись вековые деревья, земля под ногами затрещала. Звери бежали из лесов прочь, люди метались в панике, не зная, что же происходит, даже маги с их величием поддались ей. В тот день единый материк распался на отдельные крупные части и множество мелких островов, надолго заставив забыть о вражде Хилонсов и Эпифиратов.

Так два вечных врага оказались в полной изоляции друг от друга, и каждый из них пошёл своим путём. Хилонсы вследствие катастрофы разбились на мелкие кланы и разбрелись по своей ледяной пустыне в поисках лучшего места для обитания. Вскоре одни смогли обжиться в новом мире, другие, гонимые голодом, начали развязывать феодальные войны. Эпифиратов же, наоборот, ждала спокойная жизнь без набегов Хилонсов, что позволило им наращивать огромную мощь и превратиться в империю. Однако, время их тоже не пощадило: империя погрязла во лжи, бедности и разврате. Не сумев обуздать свои амбиции, Эпифираты решили отомстить старым врагам и направили свой флот к берегам ледяных пустынь.

Первые дни войны были настоящей бойней: Хилонсов застали врасплох. Разрозненные кланы, располагающиеся у берегов, не смогли оказать практически никакого сопротивления. От полного краха их спасла лишь родная земля: тяжёлые холода, к которым приспособились защитники, убивала Эпифиратов даже вне сражений. Тяжёлые потери они несли практически каждый день. Война, которая должна была закончиться в течение нескольких недель, затянулась на месяцы. Постоянные мелкие стычки с врагом изматывали, а порой и вовсе заставляли отступить агрессоров. Сенаторы были в ярости, война превращалась из грандиозного плана в грандиозный провал: высокие налоги, постоянно требующая пополнения и кормёжки армия, подогревали чан недовольства общественности. Кампания казалась провальной, и уже рассматривался вопрос об отзыве войск, но вследствие политических интриг, предательств и болезни императора, на трон раньше положенного срока взошёл его наследник. Августа Третьего в народе знали как любителя магии и тайных знаний. Однако, к всеобщему удивлению, первым делом новый император настоял на своём личном присутствии в ледяных пустынях.

Ступив на берег, Август Третий сразу же издал странный приказ, который требовал донести до людей весть о прибытии спасителя и призвать все разбросанные по острову войска, заверив, что все они уплывут домой, а сам император уйдёт на последнем корабле.

Гонцы были разсланы немедленно, и уже через неделю практически вся армия Эпифиратов была готова к отплытию. От дома людей отделял лишь один отряд, который так и не прибыл к кораблям. Подождав несколько дней, император решил, что оттягивать убытие более невозможно и приказал отправлять корабли.

К полудню большая часть войск уже убыла, как из-за горизонта показался потерянный отряд — изуродованные пытками, закованные босыми ногами в

цепи, они ступали по обжигающе холодному снегу, а вели их Хилонсы. Оказалось, один из гонцов попал в руки клана Стальных Молотов, которые путём пыток вытащили из него всю необходимую им информацию. Действовать пришлось быстро, созвав в кратчайшие сроки совет старейших. Грим Громогласный, предводитель клана Стальных Молотов, призвал всех объединиться против общего врага и нанести удар, когда половина армии Эпифиратов уйдёт на кораблях, оказавшись в меньшинстве. К долгим дискуссиям прибегать не пришлось — уже через несколько дней кланы со всей ледяной пустыни прибыли, готовые примкнуть к Громогласному.

— Эти проклятые твари не достойны быть похороненными на нашей земле, поэтому мы погрузим их трупы на корабли и отправим к чёрту! — прорычал Грим, и, вынув свой громадный топор, понёсся на врага, обезглавив одного из пленных. Войска ринулись вслед за своим лидером, началась самая кровопролитная битва из всех, что когда-либо были на этой земле. Несмотря на тысячное превосходство со стороны Хилонсов, Эпифираты с невероятной яростью приняли бой. Летели головы, бездыханные тела сотнями падали в объятия ледяной пелены — пощады не было никому. Громадные волны всё выше вздымались и бились о скалы, неистово шумел северный ветер, пронизывая врагов Хилонсов, снежная буря ещё сильнее забила по доспехам Эпифиратов.

Долго длилась эта битва, трупы полностью застелили землю, а где-то у берега последние крики издавали отчаянные Эпифираты — маленькая группа людей, не желая мириться с судьбой, до конца обороняла палату императора. К сожалению, их попытки были тщетны, они падали один за другим под натиском превосходящих сил. Но железные Эпифираты сражались до последнего — ведь они были верны своим убеждениям и своему Императору.

Снег не прекращал идти ни на секунду, природа, словно не сумев перенести всего творившегося безумия, старалась прикрыть трупы павших своей белоснежной рукой. Грим Громогласный победоносно шествовал по поверженным врагам, его тяжёлый топор, словно переполненный кровью, молча волочился за ним, оставляя алый след, накинута на кольчугу шкура белого медведя была изрезана вдоль и поперёк. Император стоял у своей палаты на коленях с накинутым мешком на голове — в тот момент вся их чёртова империя стояла перед Громогласным.

— Братья! — прорычал Грим. — Вы видите этого жалкого человека?! Как он дрожит и боится?! Его воины пришли на нашу землю, в наш священный дом в поисках войны. Они принесли нашему народу столько бед и несчастья: целого океана не хватит, чтобы смыть с их рук кровь наших отцов, наших братьев и сыновей! Посему властью, данной мне советом старейших и великим Джабалом, я, Грим Громогласный, приговариваю тебя к смерти! Взгляни же в последний раз на не покорившийся тебе народ!

С этими словами Грим резким рывком снял мешок с головы императора. В толпе воцарилась молчание, люди не могли поверить своим глазам. Даже Громогласный выронил топор от удивления: перед ними стоял не император.

— Но как... — еле слышно выдавил из себя Грим.

Перед толпой на коленях стоял обычный солдат, одетый в королевские одеяния, он молча глядел на ошарашенную армию Хилонсов.

— Дикари... Император всемогущ... — выплевывал воин. — И вы думали... Что ему не под силу одолеть кучку жалких идиотов?!

— Вождь! Вождь! — послышался голос из толпы, — Враги... они взяли нас в кольцо!

— Я надеюсь, вы готовы встретиться с праотцами?! Ха-ха-ха!

Смех оглушил Грима, холод не кусал его более, раны не обжигали тело, а время, казалось, замерло на века. План, что мог навсегда избавить их народ от напасти, рушился прямо у него на глазах. Спаситель привел всех на погибель.

— Вождь, прикажете готовить оборону? Вождь?

— Оборону? Оборону?! Нам нечего более оборонять, мы собственноручно отдали им нашу землю. Моё последнее слово как вождя... Мой приказ... Сдаться.

Приказ, который никто не ожидал услышать. Но что могло сделать ослабленное тридцатитысячное войско против семидесяти тысяч воинов, обученных драться в открытую с противником.

Сдавшихся ждала жалкая судьба: кого-то отправили в тюрьмы здешних фортов, других сковали цепями и бросили в корабельные трюмы. Огромный флот империи нёс радостные вести о победе, враг был не просто разгромлен — он был унижен, раздавлен и обещен. Августа встретили как героя. Неделю они чествовали этот триумф, по всей империи разошлась молва о том, как молодой император придумал хитроумный план, заставив Хилонскую змею вылезти из подполья и, сделав вид, что возвращается домой, высадить войска в тылу противника, застав того врасплох. Так потом напишут летописцы в истории Эпифиратов.

Прошли годы, на ледяных землях возвели несколько полноценных городов, заставив некогда гордый кочевой народ работать в рудниках и полях. Вскоре, помимо добычи драгоценных металлов, Хилонсы стали заниматься и его ковкой, зарекомендовав себя как искусных кузнецов, даже на землях Эпифиратов их поделки ценились в три раза дороже. Самым главным бичом пленных стала работоторговля. Каждый день сотни Хилонсов отправляли в Клеон, Флепрас и другие города империи, где их перепродавали золотой элите, либо отправляли на арену, сражаться друг с другом на смерть. Ледяную пустыню нарекли Пятой колонной, и на долгие сотни лет заковали в цепи рабства.

Глава 1.

Перемены грядут.

В королевской библиотеке было темно и сыро. Единственная свеча медленно догорала на красном дубовом столе в углу, освещая старинные рукописи, покрытые толстым слоем пыли книги. Любителей читать всегда было мало, и единственными постоянными гостями в этой комнате были большие серые крысы, которые жадно дрались за те единственные крошки, что оставлял за собой страж. Причём перепалки эти были не шуточные — частенько, проходя мимо библиотеки, можно было услышать звуки этих боев на смерть за жизнь.

Также сегодня, в очередной раз, закончив свой обход и поменяв свечу на столе, страж медленным шагом, чуть прихрамывая на правую ногу, пошёл к выходу, напевая себе под носом детскую песенку. Крысы же, словно ожидая команды, молча занимали свои позиции, на книжных полках, наблюдая, сколько же еще по дороге хлебных крошек выронит хромоногий человек. Дверь закрипела и захлопнулась, воинствующие грызуны вихрем вылетели из убежищ, стараясь как можно быстрее добраться до заветных крошек; но стоило только начаться потасовке, как снова послышался скрежет двери.

Первым в библиотеку вошёл сторож.

— Кыш, подлые твари! — прорычал он, притоптывая здоровой ногой, разгоняя собравшихся крыс.

— Проблемы? — послышался голос из-за двери.

— Простите, господин, от этих вредителей житья нет.

Дверь распахнулась сильнее, почти стукнувшись о косяк. Порог пересёк серый бородатый старик в чёрной мантии с накинутым на голову капюшоном.

— Вам принести фонарь, тут темновато? — спросил страж, осматривая книжные полки.

— Не переживайте, в данный момент мне нужно лишь немного тишины и уединения, — пробормотал старик и прошёл в дальний угол комнаты.

Страж шмыгнул носом и, пробормотав что-то невнятное, скрылся за дверью. Старик, не обращая на того внимания, снял свой капюшон и медленно подошел к книжным шкавам. Он не знал, какая именно книга ему нужна, но был точно уверен, что она хранится здесь. С ювелирной осторожностью незнакомец вынимал рукопись за рукописью, осторожно сдувал с них пылинки и еле слышно читал названия. Книжные шкафы были расставлены по периметру комнаты, и практически каждый был наполнен различными старинными книгами, от которых, к сожалению, из-за крыс и времени осталось не так уж много.

Около часа старик перебирал книги, даже крысы, считая его предметом интерьера, медленно выползли из своих убежищ и уже всю делили вкусные хлебные крошки. «Если их желание жрать заменить на любовь к книгам, то можно было бы у них поинтересоваться об этой чертовой книге», — подумал он и тут же раздался громкий звук падения. Старик подскочил на месте.

— Да чтоб вас! — выругался он.

Обернувшись, незнакомец заметил, как четыре крысы быстро убежали от дальнего шкафа, догоняя собратьев. Поняв, что они что-то опрокинули, старик

поставил находившуюся у него в руках книгу на место и направился к месту шума. Подойдя к книжному шкафу, он заметил валяющуюся на полу толстую книгу в грубом бордовом переплете, на вид которой было несколько сотен лет, не меньше. Старик подошёл и поднял рукопись. На лицевой стороне отсутствовали какие-либо надписи, её украшала лишь чёрная печать, на которой был выбит череп, она плотно удерживала книгу закрытой. Завидев эту печать, тонкие сухие руки старика затряслись, на лбу проступил холодный пот, в некогда мёртвых глазах зародился неподдельный интерес. Еле удерживаясь на ногах, он медленно подошёл к столу и осторожно положил книгу, при этом его глаза ни на секунду не отрывались от черепа.

— Жнец приветствует тебя. Я принимаю проклятье, скрытое в тебе. Открой свои тайны, — прошептал старик.

Никогда ещё тишина не была настолько громкой — казалось, от любопытства все вокруг замерло. Глаза черепа сомкнулись, щелчок пронёсся по комнате, словно раскаты грома, послышался звук проржавевших шестерёнок и снова гробовая тишина. Старик вытер рукавом пот и трясущейся рукой взялся за лицевую часть книги. Та с легкостью подалась. Открыв рукопись, он перевернул несколько страниц.

— Разлом, Новые государства... Ветра ледяных пустынь... Всё не то... Где же... Оно.

Рука старика замерла на середине книги, оглавление на ней гласило: «Трёхсотлетнее рабство». Глаза его начали быстро бегать по страницам. Складывалось ощущение, что им завладел дикий азарт, который намертво впился в тонкую шею старика. Дыхание учащалось с каждым прочитанным им словом, сомнения пропали — то, что было утеряно веками, просто лежало на самом видном месте.

Страница, ещё одна — всё складывалось в единую картину. События, описанные в книге, точно повторяли сценарии тех и нынешних дней.

— И грянет гром среди ясна неба, когда огонь сменяет темнота, из светлой тьмы заснеженных вершин родится феникс, пришедший из глубин.

Дочитал старик и перевернул страницу, но там была лишь пустота, чистые листы молча смотрели в его потерянные глаза. В ярости он принялся листать книгу, стараясь найти любую заметку, но получил лишь разочарование.

— Надувательство, — прорычал он сквозь зубы. — Бред. Это невозможно, столько лет поисков, и всё впустую, чёртова книга! — воскликнул старик и ударил по открытой книге. По комнате пронёсся холод, послышался демонический смех, книжные полки закрипели, по деревянному полу послышался громкий топот. Книга с силой захлопнулась. Не успев вынуть руку из книги, старик издал истошный вой и упал на колени.

Печать чёрного черепа с тем же смехом открыла глаза, свеча, стоявшая на столе, пошатнулась и погасла. Старик, поняв, что произошло, медленно поднялся с колена, насколько ему позволила книга, всё ещё удерживающая его руку, и молча уставился на череп.

— Ты пришёл сюда, Кровавый жнец, дабы сыскать мою милость к себе, но твои деяния темнее глубин вод Арона, — произнёс череп.

— Нет, выслушай меня, прошу, в тех темных делах я участвовал не по своей воле! — старался как можно спокойнее ответить старик, но тут же загнулся от боли.

— Молчать! Я вижу тебя насквозь, ты рассчитывал узнать свою судьбу, дабы переписать её, боязнь смерти привела тебя! Ну что же, внемли мне, жнец, лишь только феникс из глубин раскроет свои огненные крылья, судьба твоя будет предрешена, лишь только солнце третий раз уйдет в затмение! Погибнешь ты под тяжестью презрения! — прорычала книга, и старик, почувствовав на своей руке адскую боль, взвыл в агонии. Глаза его наполнились кровавыми слезами, он был похож на дикого зверя, который из-за всех сил старался вырвать свою лапу из капкана. Попытки были бесполезны, с какой бы яростью старик не бился, пытаясь освободиться, книга не отпускала.

— Мастер Роланд!? — послышалось из-за двери.

В комнату ворвался юнец, одетый в темно-красную мантию, не теряя не секунды, он выхватил из одежды тяжёлый тесак и ударил старику по кисти. Раздался крик, затем в помещении повисла гнетущая тишина. Мастер Роланд, всё ещё находящийся в шоковом состоянии, молча лежал на полу. Парень же, проверив рану учителя, принялся с интересом разглядывать странную книгу, которая была плотно закрыта печатью.

— Отойди от неё, Годрик, — очнулся Роланд.

— Простите, мастер, я думал, вы... вы в порядке?

Вместо ответа старик молча протянул парню целую руку, и тот осторожно помог ему подняться.

— Ты всегда носишь тесак, или мне просто повезло?

— Простите, мастер, но когда речь идёт о поисках такого рода, лучше вооружиться. Позвольте Вашу руку.

— Не стоит, Годрик, лучше забудь всё, что здесь увидел, — сказал Роланд и обернулся на книгу.

— Хорошо, мастер. Однако, я тут не совсем для спасения Вашей жизни.

— Вот как, так для чего же? — спросил Роланд, направившись к двери, делая вид, что ничего не произошло.

— Габриэль Праш просил Вас быть завтра в добром здравии, дабы встретить высокопоставленных гостей. Сама Изабель Феодарис обещала почтить город своим присутствием. И... — прервался Годрик, когда заметил, что его учитель замер у выхода из библиотеки и устало смотрел на него.

— Я понял тебя, мой мальчик, а теперь ступай, мне нужно доделать небольшое дельце.

— Но, мастер...

— Доброй ночи, Годрик. Доброй ночи.

Глава 2.

Город на крови.

Утро выдалось на редкость солнечным. В краях вечной мерзлоты и постоянных снежных бурь это было большой удачей. В такие дни работа у замка начинала кипеть очень рано, например, в специальных прилегающих к замкам фермах уже всю начали сбор Прона — так называли здешние

заменители обычного зерна, из которого получался серый чёрствый хлеб, практически не имевший веса. Особенность этих зерновых культур была в их живучести — стоит семени добраться до земли – и оно прорастёт. Самое странное, что это растение произрастает не только на промёрзшей почве, но и на раскалённых от солнца добела песках. Вот и возле Сероса, города, построенном Эпифиратами, располагались такие фермы.

Серос был своего рода столицей ледяных пустынь, его воздвигли полностью на рабочей силе Хилонсов. День и ночь трудились те под гнётом своих хозяев, что в итоге прославило город. Более тридцати тысяч погибших покоились под толстым мрамором, которым были выстланы улицы Сероса, среди Хилонсов он навсегда останется городом смерти. Славился город и не только как могила тысяч, но и как речной град. Серос имел в себе несколько десятков каналов, которые мирно протекали по большей части города. К слову, эти каналы не только его украшали, но и выполняли разграничительную функцию. Так, если вы решите посетить город, пройдя через главные ворота, то первоначально попадёте на торговую площадь, где, преимущественно развернуты небольшие палатки с различными яствами и различного рода товарами — такое решение было принято в связи с частым посещением города купцами. В Серосе всегда можно было найти что-нибудь себе по душе, если уж не в плотных рядах палаток, то в дорогих лавках выше по торговой площади. Лавки представляли собой двухэтажные деревянные строения, у которых на первом этаже располагались различные безделушки, например такие, как: кухонная утварь, драгоценные украшения, дорогая одежда и тому подобное. На верхних этажах жил сам продавец вместе со своей семьёй, порой, если таковая отсутствовала, то соседние комнаты можно было сдавать постояльцем, которых в городе, поверьте, хватало. Сам же район, дабы не путать приезжих, именовался Рыночным.

Выходя из узких торговых улочек, человек попадал прямым ходом на Имперский мост. Шириной это архитектурное сооружение выходило в сто пятьдесят метров, и двести в длину. Мост был воздвигнут знаменитыми архитекторами старого времени, и, поверьте, занятие это было не из лёгких. Сначала к месту строительства были доставлены не меньше сотни различного размера гранитных столбов, затем инженеры собрали специальное оборудование по типу гильотины, с помощью которого постепенно вбивали столбы. Работу усложняли сильное течение и страшные в те времена морозы, но архитекторы смогли закончить за месяц. Ввиду своей грандиозности и сложности, мосту присвоили имя Имперский.

Перейдя через мост, вы попадёте на главную городскую площадь, которая напоминала, скорее, небольшой остров из-за протекающих каналов. Брусчатка на площади была единственным не заснеженным местом во всём городе — каждую ночь сотни рабов выпускали на нее, чтобы они следили за этим. Как только вы попадете на площадь, вам сразу бросится в глаза огромная серебряная статуя самого Августа Третьего. Он стоит в своих боевых доспехах, гордо поднимая свой меч, рассекая им сами небеса, а правой ногой прижимает к земле шлем вождя Хилонсов, говорят, самого Грима Громогласного — именно из-за этого монумента площадь именовали в честь Августа Завоевателя. Тут происходили самые значимые праздники в городе, такие как: Солнечный

раскат, который праздновался два дня, он был примечателен тем, что солнце не садилось, Великая смена годов и, как не странно, золотой Пан. Праздник золотого Пана, к слову, ознаменовывал приход весны — это день, когда один из четырёх богов проливает свою чашу золота на природу, пытаясь одарить людей. Этот праздник пришёл в землю вечной мерзлоты вместе с Эпифиратами. Помимо праздников, жители также приходили на площадь и ради казни, причём народу было даже больше, чем на праздники — просто не протолкнуться. Порой удивительно, откуда в людях столько жестокости.

Площадь также была знаменита красным храмом титана Гелы, находящегося по правую руку от статуи Августа. Храм был построен преимущественно из колонн красного мрамора и имел округлую форму, внутри него было небольшое кристально чистое озеро. Согласно древним верованиям, Гела была богиней плодородия и изображалась в виде головы быка. Во время празднования Дня смены года люди должны осуществить несколько жертвоприношений в её храме и окропить озеро кровью, дабы этот год принёс богатый урожай. Внутри храма также располагались монументы различных богов, которым можно было принести жертву и произнести соответствующую молитву. Считалось, что чем больше божеств восседают под одной крышей, тем более величественен город, а у каждого бога обязательно имелось по одному голосу или, попросту, священнику.

Насытившись духовно, вы можете утолить и свою культурную жажду — ведь в Саросе был один из лучших театров даже по столичным меркам. Важную часть театра составляет круглое пространство, в середине — алтарь, а по окружности с трёх сторон — деревянные сиденья для зрителей. На четвёртой стороне круга была расположена сцена, а между сценой и зрителями был устроен специальный проход в оркестру. Сам театр из-за внутреннего построения снаружи смотрелся как подрезанный овал. Из-за практически постоянных летних погодных условий Эпифиратии он строился открытым, но в Саросе это было здание с крышей и стенами, которое хорошо обогревалось двумя трехметровыми каминами.

Глава 3.

Выжженное пламенем.

Во дворце все были обеспокоены встречей столь важных персон — практически никто не сидел на месте, каждый шаг порождал десять, а любое движение — ещё два. Повара бегали по кухне, не зная, за какое из блюд им взяться, слуги метались из комнаты в комнату, в очередной раз вылизывая всё до блеска. Даже герцог не мог усидеть на месте, наматывая круги в тронном зале. Он бросал задумчивые взгляды то на картины, то на стол, за ним бегал и мальчик паж, который то и дело пытался поспевать за своим хозяином с вопросительным взглядом.

Двор переживал не меньше — подъездной мост успели трижды перекрасить и пять раз отмыть стальными щётками. Садовники всё ни как не могли оставить в покое кусты с белыми листьями и серыми цветами, стараясь придать им, казалось, простую форму квадрата. Красную брусчатку полностью отчистили от ледового слоя, бордюры заменили на белоснежные новые, только

обработанные в мастерских. Работа не прекращалась ни на секунду, умудрялись даже завтракать на ходу.

Лишь один человек во всём замке спокойно следовал по его коридорам. Годрик никогда не признавал высоких чинов, чем часто вызывал у этих самых чинов приступы гнева. Возможно, именно поэтому много лет назад Роланд предпочёл его в качестве ученика. «Несносный мальчишка, — поговаривал он, — если бы не я, висеть бы тебе на площади и считать ворон», — а потом добро улыбался. Годрику, к слову, было весьма несподручно смотреть на всех сверху вниз — ведь его рост был каких-то метр восемьдесят, тёмные короткие волосы, монотонный взгляд, тонкие черты лица и самая главная его особенность — глаза: один небесно-голубой, другой — зелёный, цвета лесов.

Продолжая свой поход, Годрик вышел из коридора в большой зал формы ромба. Посередине зала практически до самого потолка бил прекрасный фонтан, высеченный из гранита. Пормон, бог воды, грозно держал свой топор над головой, весь усеянный шрамами и драгоценностями моря. Поодаль от грандиозного монумента высились пять искривлённых колонн, которые, скорее, выполняли работу декора, чем поддерживали звёздный потолок. К слову, до Годрика доходили слухи, что этим потолком занимался сам Атенус : наставник Роланда, и, если в ночь погасить свет, то звёзды оживут и прольют свой свет, для этого даже пристроили специальные балконы.

Внимание Годрика привлекла дубовая дверь, метров десять в высоту и пять в ширину, сделанная из чёрного дуба и обшитая золотом: она находилась на другом конце зала. Приблизившись, парень заметил, что её охраняли два рыцаря в лёгких парадных доспехах. Правда, рыцарями оказались два высоких огра, что были доставлены лично герцогу здешних земель.

— И по какому случаю достали мундир? — приблизившись, спросил Годрик.

— Так как же, сегодня ведь весь дворец на ушах, а вы не слышали? — начал было один из охранников.

— Замолчи, Урф! Тебе платят не за разговоры! — перебил его второй.

— Тебе то что, длинноносый?! Хочу, и разговариваю! — огрызнулся первый.

— Длинноносый! Как только я сниму эти доспехи, тебе несдобровать!

— Замолчи уже, старый пень! Прости моего несносного друга, мальчик, ему всюду мерещатся шпионы. Хотя всем известно, что эту дверь не открыть без силы десятерых, так что ты хотел... Парень?

Тем временем дверь тихо захлопнулась за спиной охранников. «Хорошо быть магом, и силы десятерых не понадобились», — подумал Годрик, медленно спускаясь по ступенькам. Тронный зал предстал перед гостем во всей красе: богатые яства, длинные ряды из стальных столов располагались на зеркально белом полу. Сводчатый потолок казался недостижимым даже для птиц, тридцать ровных колонн располагались у стен и, конечно же, в конце находился трон правителя замка. Трон из серебра и белого шелка, над которым располагался мраморный барельеф с изображением Августа Третьего. Император возносил свой меч и гордо восседал на своём боевом коне. Ходили слухи, что три художника были казнены, пока рисовалась эта картина.

Пройдя через банкетные столы, Годрик остановился у величественной картины и замер.

— Величественно и прекрасно, не так ли? — слышался голос из-за колонны.

— Император — это лицо империи, а империя Эпифиратов действительно величественна и прекрасна, господин Габриэль.

Габриэль Праш стоял у крайней колонны, которая находилась слева от трона. Высокий, статный, рыжеволосый, он излучал непоколебимость и мудрость. До этого момента Годрику не приходилось видеть управляющего городом, но когда он обернулся, то словно почувствовал, что должен преклонить колени.

— Ваше Высочество, — твердо сказал он.

Не смотря на презренное отношение к знати, Годрик всегда крайне почтительно относился к тем людям, что внушали ему доверие, а маги чертовски хорошо в этом разбирались, порой даже слишком.

— Встаньте, юноша, в этом городе Вы мой гость, а я не привык принимать гостей на полу, — улыбнулся Габриэль, — я слышал, что Вы не особо чувствуете знать.

— Моя слава бежит впереди меня, но поверьте, Ваше Высочество, я не глупец, и за Ваш вечер можете не волноваться.

Годрик встал с колена и поднял голову. Управляющий был одет в тёмно-серый плащ, белую тунику и чёрные штаны, лицо его было суровым, с чёрными, горящими, глубоко посаженными глазами, тонкий нос и губы, ухоженная и тщательно подстриженная борода. Рука его была украшена серебряным перстнем, на котором красовался силуэт быка — знака города, что означало высокое положение человека в обществе, а татуировка на шее в виде короны относила владельца к приближённым к королю, герцогом.

— Простите, что проник в Ваш тронный зал, я гулял по дворцу, и любопытство взяло верх в самый неподходящий момент... — начал оправдываться Годрик.

— Извольте, момент, как раз подходящий, — ответил Габриэль и трижды хлопнул в ладоши, — Выпьем?

После этих слов со стола в воздух поднялся графин и осторожно налил вино в два кубка. Когда оба наполнялись, графин опустился на стол. Годрик, ничего не понимая, посмотрел на герцога.

— Вы маг? — поинтересовался он.

— Увольте, с детства мечтал овладеть хотя бы одним заклинанием, — усмехнулся Габриэль, — Вам известно, кем был построен этот зал? Атенус был великим магом, когда-то его имя было на устах каждого, но времена шли. После войны маги углубились в свои книжки, а Атенус, который привык к славе, всё не мог найти себе место. Тогда-то он и отправился в свой знаменитый второй поход на север. Первый, как ты догадался, был с Августом Третьим, второй же он вёл самостоятельно, стараясь оказать людям помощь.

— Ну, а причём тут зал? — вопросительно посмотрел на герцога Годрик.

— Зал был своего рода платой Атенуса, однажды... прости, ты не мог бы воспользоваться своей магией, а то стол только наполняет бокал, но никак не приносит их?

Годрик одобрительно кивнул и поднял руку вверх, два кубка, наполненные вином, пролетев через зал, оказались прямо у него.

— Ваше Высочество, — предложил один кубок Годрик.

— Благодарю, и так, однажды Атенус заплутал среди ледяной пустыни, как Вам известно, её просторы до сих пор не отражены на картах, а в те времена тут и шагу нельзя было делать за проложенные тропы.

— Что же спасло Атенуса?

— Жители города — ему повезло, что теми путями раз в месяц пользовались караваны, когда шли из Пирбольда. Атенуса отогрели, накормили, напоили, а он взамен помог с постройкой дворца, и, когда праздновали окончание постройки тронного зала, один из рабов случайно разлил на моего прадеда вино. Тот был человеком суровым и сразу приказал отрубить голову тому рабу, но тут вмешался Атенус, предложив прадеду решение проблемы в виде вот такого чудо-стола. Так что за Атенуса! — закончил Габриэль и залпом опустошил кубок.

— Занятно, — осушив свой кубок, сказал Годрик, — а раб?

— Было назначено наказание в виде ста ударов кнутом... Погиб на девяносто девятом.

Звон колоколов наполнил тронный зал, и без того встревоженный двор превратился осиный улей, жужжание которого устремилось к городским воротам.

— Прибыли. Ну что же, рад был поговорить, увидимся, юноша, — закончил Габриэль и пошёл в сторону выхода. Годрик же не спешил. Поставив кубок на стол, он в привычной манере, гордо поднял голову и зашагал в сторону выхода. Подойдя к двери, он остановился, еще раз обернулся в сторону тронного зала и вытащил из кармана потрепанную книжную страницу.

— По всей видимости, Атенус оставил после себя не только тронный зал, — прошептал он и сжёг маленький клочок бумаги, на котором прерывистым почерком было написано « Не для чтения. Распи Атенус»

Глава 4.

Гости. Гость.

Золотистая карета, запряжённая двумя белыми медведями, вздымая снежные комья, быстро приближалась к городским воротам. По обеим сторонам неслись одетые в серебряные доспехи, верхом на белых конях, величавые всадники Эпифирата, славившиеся своей храбростью и стойкостью. Позади золотой кареты ехали и другие, сделанные из обычного дерева, по большей части из двулетних елей, которые достигали десяти метров в высоту, а после окончания пятого года своей жизни уменьшались в размерах, пока не погибнут.

Приближаясь к встречающим, медведи замедлили свой ход, а после и вовсе остановились, их примеру последовали и другие. Кучер, восседавший на королевской карете, был одет в великолепную серую двубортную шубу с золотыми «крыльями», на его ногах красовались двое белых сапог, а на голове была того же цвета высокая шапка. Остановив медведей, он ловко соскочил со своего места и окликнул двух сидевших позади пажей. Те так же, не мешкая,

подбежали к дверям кареты и, словно давно репетируя, синхронно распахнули её.

Изабель Феодарис была девушкой небольшого роста и хрупкого телосложения, её бархатного цвета кожа, изящные тонкие дамские ручки, прекрасные алые губы, длинные тёмно-русые кудрявые волосы аккуратно собранные за спиной. В этой девушке, казалось, всё дышало жизнью и лучом небесного света, всё, кроме глаз... Глаза её были черны, как смола, заглянув в них, можно было поклясться, что смотришь в глубокую бездну, полную злобы и ненависти. Из одежды на ней была чёрная поглощающая свет шуба со вставленной в ней серебряной розой и того же цвета кожаные сапоги.

За Изабель из кареты последовала ещё одна девушка, одетая в серебряный плащ с двойным меховым воротником и спрятанными в муфте руками. Елена Феодарис мало чем была похожа на свою старшую сестру: короткие огненно-рыжие волосы, яркие зелёные глаза, небольшой рост, более спортивное телосложение, и лишь их лица имели некое сходство. В вопросах характера сёстры были словно огонь и вода. Изабель, как старшая сестра, с детства воспитывалась в строгости, её отец Артур Феодарис так хотел мальчика, что чуть не убил жену, когда та родила ему дочь. Елена же была желанным ребенком в семье, а её рвение к воинскому делу сделала ей репутацию в глазах отца. И пока старшая занималась бумажными делами поместья, младшая участвовала в различного рода соревнованиях, не уступая своим ровесникам, даже мужского пола.

— Большая честь приветствовать вас в моем городе, — произнес Габриэль и поклонился, его примеру последовали все вокруг.

— Позвольте и мне выразить свою благодарность в столь тёплом приёме, — ответила Изабель и поклонилась в ответ.

Когда обмен любезностями произошёл, из остальных карет тоже стали выходить люди крупных мастей. Политики, торговцы, маги — до сегодняшнего дня такого никогда не было, посему день был очень важен как для города, так и для самого Габриэля.

— Надеюсь, вы хорошо добрались? — спросил он.

— Отлично ехать по заснеженным тропам в этих санях-каретях, весьма удобно, правда, прохладно, — сказала Изабель.

— Вы очень удивитесь, насколько далеко мы сумели продвинуться, обитая здесь.

Герцог учтиво поклонился и жестом предложил девушкам пройти за ним.

Экскурсия по городу началась с торгового района, который хорошо подчистили, избавив улицы не только от мелкого мусора, но и от попрошаек. В тот день торговцем было велено выставить на прилавки всё самое лучшее: прекрасные золотые ожерелья, украшенные тёмно-зелёными алмазами, серебряные перстни самой необычнойковки, мастерски выполненные шкатулки из красного дерева и всевозможные наряды. Разумеется, подумали и о других гостях, поэтому иных товаров тоже хватало в избытке. Провернуть такое было крайне сложно: торговая гильдия, правившая этим кварталом, крайне негативно отнеслась к приходу гостей такого масштаба, несмотря на привлечение множества путников и покупателей с других городов — по закону

эти две барышни могли позволить себе взять всё, что они хотят, абсолютно даром.

К концу экскурсии за девушками шли две доверху нагруженные тележки, что, конечно, немного расстроило купцов. Но помимо бесплатной раздачи было продано и множество другого товара, который ушёл неместным гостям. В общем, все были довольны, и экскурсия перенеслась на Имперский мост, где Габриэль затянул долгую лекцию. Герцог поведал и о ширине моста, и об особенностях его постройки, даже рассказывал о том, как лично армия самого генерала Франце ходила по этим камням, а там немного-немало шестьдесят тысяч человек, а из них двадцать тысяч одна только конница. Гости какое-то время интересовались, а порой восхищались, но к концу доклада выглядели, словно сонные мухи.

Венцом же творения всё же стала площадь; зайдя на неё, поражению и удивлению гостей не было предела. Зевающие бароны с оживлением принялись рассматривать стоящую перед ними огромную статую, пытаясь понять, откуда в этих краях столько золота. Приехавшие священнослужители, не упуская возможности, быстро зашагали в сторону храма. Что же касается магов, то они довольствовались лекциями Габриэля и обществом различных высокопоставленных людей.

Площадь была отличным местом для такой разношёрстной кампании, но, сколько бы сил герцог не прилагал, а рабов спрятать на открытой местности гораздо сложнее, чем на том же рынке.

— Если Вы не против, — обратился Габриэль к Изабель, — то нам не стоит надолго тут задерживаться.

— Я согласна...

— А я нет! — вмешалась Елена.

— Но, мадам, я считаю, что столь представительным девушкам не стоит находиться настолько близко к этим животным.

— Елена, герцог прав, нам тут не место, — повторила Изабель.

— Это такие же люди, и я не вижу смысла нам...

— Простите!

Возмущения Елены прервал детский крик, исходивший от толпы, идущей за ними. Герцог и девушки в недоумении обернулись и пошли посмотреть, что же произошло. Придя к месту происшествия, они увидели, как толпа гостей и жителей обступили небольшой участок. Подойдя поближе, девушки увидели, как маленький мальчик лет десяти плакал, съезжившись от боли, а над ним стоял разъяренный маг.

— Что тут происходит!?! — выступила Елена.

— Этот раб оскорбил меня! — сильнее разозлился маг и сжал руку в кулак, от чего мальчик закричал еще сильнее.

— Живо прекратить, это приказ Никанор! — прокричала Елена, — я сказала — это приказ!

Маг оскалился, но руку всё же отпустил, крик прекратился, мальчик, еле дыша, лежал на земле. Елена медленно оглянулась на свою сестру и герцога, те неодобрительным и холодным взглядом смотрели на неё. Толпа так же негодовала, тяжёлое молчание прерывалось в короткие перешёптывания.

— Червь! — отрезал маг и вытянул вперёд руку.

Толпу озарила яркая вспышка, стоявший неподалеку Годрик быстро вытянул Елену и укрыл своим плащом.

Мальчик молча лежал на холодной земле, он не понимал, жив или мёртв, глаза не слушались от страха, руки тряслись, а ноги были тяжелее железа. Он не знал, сколько пролежал, сколько должен пролежать, но через какое-то время снова услышал голос мага, только в этот раз не злобный, а скулящий и жалкий. Медленно мальчик открыл глаза и осторожно поднялся. Картина, представшая перед его глазами, казалась простым помешательством, дурным сном или галлюцинациями, чем угодно, но не правдой. Некогда могущественный маг, который пытал его, сейчас катался по земле, словно бешеная собака, и жалко скулил от боли, а его рука валялась неподалеку.

Елена очнулась достаточно быстро. Она, не раздумывая, оттолкнула Годрика и шагнула вперед, но тут же замерла. Перед ней стоял воин, облаченный в серую шкуру волка и чёрные легкие доспехи, на его плечах красовались два стальных демонических черепа, руки были одеты в коричневые кожаные перчатки. Окружающие были поражены, неизвестный молча смотрел на страдающего мага, словно он был отстранён от этого мира и случившееся ни как не касается его.

Первым очнулся Габриэль.

— Схватите его! — прорычал он в ярости.

Стражники подступили к неподвижному воину, но тут же были отогнаны двумя магами, которые недавно подбежали к собравшейся толпе.

— Ничтожество! Да как ты посмел поднять руку на мага?! — кричал один из них — Ещё и на нашего брата?!

— За эту неслыханную дерзость, — начал второй и поднял руки, — ты будешь сожжён заживо.

Воин стоял всё так же неподвижно, он не внимал ни одному из слов двух братьев, а те тем временем, закинув капюшоны, они образовывали на своих руках языки огненного пламени. Годрик, оторвав свой взор от происходящего, начал глазами искать Елену, которая, буквально минуту назад, стояла практически рядом с ним, а сейчас пропала и она, и мальчик.

Маги могли призывать большое количество различных заклинаний от простых огненных шаров, которые испепеляют противника, до специальных огненных змей, чьё предназначение пытаться и медленно поглощать свою жертву. Разница состояла лишь во времени подготовки каждого заклинания — одни вызывались в долю секунды, на другие требовалось чуть больше времени. Важно было и то, какую магию, какой школы изучал волшебник — их могло быть две, три или пять. Заклинание, направленное на незнакомца, должно было подвергнуть его адской пытке — огонь, что обжигает, но не убивает.

Люди уже в предвкушении машинально съежились в ожидании адского пламени. Когда два мага закончили заклинания, на незнакомца ринулись две огненные твари, по виду напоминающие змей. С шипением и яростью они рассекали воздух, несясь к своей жертве. Словно два хищника, языки пламени приблизились к незваному гостю, желая впиться в его плоть, но стоило огню коснуться незнакомца, как он тут же погас. Оба волшебника застыли в недоумении, а воин, не теряя боле ни секунды, двумя взмахами топора раскроил черепа братьев, которые пали на землю в мгновение ока.

Шокированные люди завопили в ужасе и бросились бежать прочь от воина, тот же перевёл свой взгляд на свою первую жертву. Волшебник уже смешался с толпой и улепётывал, чуть ли не впереди всех, забыв о своём обидчике и братьях.

— Довольно, — холодно ответил Габриэль и поднял правую руку.

Солдаты и лучники ринулись со всех сторон, окружив незнакомца. Страх пронизывал их с ног до головы — перед ними стоял человек, которому впервые за сотни лет удалось убить мага, человек, чьи возможности им были неизвестны.

— Положи оружие, и ты будешь жить! — громко скомандовал один из солдат.

Поначалу незнакомец всё так же отстранённо смотрел на трупы двух братьев, не выказывая ни какого интереса к словам солдата, но через некоторое время он медленно поднял свой тяжёлый звериный взгляд. Стража уже тряслась в ужасе, еле сдерживаясь от того, чтобы пуститься в бега, как вдруг воин поднял над головой свой меч и с грохотом вонзил его в цельный камень брусчатки.

— Она, — указал он после в солдат, — пусть она заберет его.

Елена находилось за защитниками города, и очень удивилась: «Как ему удалось понять, что я не убежала вместе с остальной толпой, а осталась здесь». Стражники расступились, стараясь не упустить из виду незнакомца. Девушка, сама того не ведая, медленно зашагала в сторону меча.

— Не стоит рисковать, миледи, — остановил ее Годрик, — нам хватит и этого, взять его!

Стражники принялись осторожно обступать воина со всех сторон, и с не меньшей осторожностью связали ему руки. Гость молча смотрел на Елену, которая стояла на том же месте, где её и остановил Годрик.

— Сержант! — крикнул маг.

— Слушаю, Ваше Превосходительство.

— Проводите юную Елену к её сестре.

— Есть! — отсалютовал сержант, — А с этим? И трупы...

— Этого...

— Этого в тюрьму, — перебил Годрика Габриэль, — Там я уже найду ему применение.

— При всём уважении к вам, герцог, — возмутился Годрик, — этот человек должен быть повешен.

— Я ценю твои старания, мой мальчик, но законы обязуют меня провести суд над ним, а уже потом выносить приговор, мы должны считаться с правилами, иначе наступит хаос и анархия, которая погубит устои империи, а потом и саму империю.

Годрика такое не устраивало, его кровь пылала, желая смерти незнакомцу, но, уняв свой пыл, он сделал шаг назад.

— Прошу прощения, герцог, — поклонился Годрик, гневно взирая на заключённого.

Габриэль кивнул в ответ. Герцог приказал увести воина и поместить в темницу своего дворца, а сам быстро удалился в том же направлении.

— Господин Годрик, — обратился один из стражей.

Парень обернулся.

— Что делать с трупами? — продолжил солдат.

— Вы слышали приказ герцога — нужно навести тут порядок, так что передайте тела их брату и выясните, откуда взялся этот убийца и как он попал в город.

Сержант отсалютовал магу и быстро удалился в сторону жилых кварталов. Годрик же, проводив его взглядом, невольно обратил внимание на торчащую из земли рукоять — на нём была какая-то надпись, которая отражала солнечные лучи. Подойдя поближе и присев рядом с ним, маг провёл руками и прочёл про себя странные закорючки.

— Праксикс, — еле слышно прочел он.

— Феникс, — добавил Роланд, возникший буквально из ниоткуда.

Глава 5.

Предзнаменование.

Мальчик бежал по улицам района Рабов, словно за ним гналась стая разъярённых собак, ему не верилось, что всё это произошло на его глазах: этот воин, маги и эта девушка... Он не мог вспомнить, поблагодарил ли он её после своего спасения, ведь всё произошло так быстро: пока воин отвлёк на себя внимание всей толпы, девушка быстро выхватила его за руку и, вытащив из кольца, велела быстро убегать. Совет, конечно, был дельным, и мальчишка им воспользовался, но когда сердце перестало колотить в ужасе, стали появляться насущные вопросы. Например: кто же тот незнакомец и почему заступился за него? Что с ним стало? Что это за девушка? С чего это вдруг аристократка с богатой семьи будет помогать рабу? Всё это крутилось в голове юного Кифа, но он даже представить не мог, какие масштабы примут сегодняшние события на площади.

Тем временем Елена была вся на взводе, произошедшее пугало её и одновременно интересовало. Габриэль приказал проводить её и сестру в специально подготовленную комнату, заверил их, добавив, что им не стоит волноваться насчёт произошедшего — виновные будут наказаны. Елену такой ответ не устроил, и та попыталась допросить герцога о судьбе незнакомца, но всё тщетно: тот лишь грозно отмахнулся, закрыв за собой дверь.

— Тебе это так необходимо? — разбирая вещи, спросила Изабель.

— Необходимо, что? — кинула в ответ Елена.

— Тот мальчишка — он ведь и вправду был виновен, а Никанор всего лишь хотел наказать...

— Убить! — оборвала Елена — Убить, ты хотела сказать?! Этот мальчик просто убирал снег и случайно попал им на обувь Никанора! Это, сестра, ты считаешь достойно убийства?!

Изабель ничего не ответила, но Елена прочитала в глазах сестры ярое несогласие с её мнением, и для неё это было привычным делом. Давно, когда они еще только родились, их пути начали расходиться, где одна видела белое, другая — чёрное, где для одной было шесть для другой — девять, соответствующие различия и в характере. Для Елены жизнь любого человека

была чем-то ценным, тем, что нельзя было забрать или отдать. Изабель же была приверженцем своего времени, того времени, где некоторых людей приравнивали к рогатому скоту.

— Мне нужно прогуляться, — не выдержав напряжения, сказала Елена.

— Ты слышала герцога... — не успела закончить Изабель.

Впервые за все годы пленения Хилонсы вернулись домой еще до обеда — такого не бывало даже в праздники, не говоря уже о будничных днях. Поначалу в районе Рабов было непривычно тихо, и лишь лёгкий ветер носил по небу странные слухи. Слухи о том, что явился в их город необычный воин, непохожий ни на Эпифиратов, ни на Хилонсов, человек, чьё тело не боится жара пламени, тот, кто впервые за сотни лет убил мага, да не одного. Через час слухи превратились в фактическую правду, и тогда весь район поднялся на уши. Разумеется, информация, дошедшая до людей, была несколько искажена. За одним углом шептались, что воин тот спустился с небес, дабы покарать всех за невежество, другие говорят, мол, глупости, и что они слышали из достоверных источников, как убийца магов одним ударом положил тысячу стражей гвардии города, третьи, конечно, уверяют своё.

Слухи умудрились опередить мальчика, пока он бежал с площади своими обходными путями, чтобы не попасться охранникам. Попадать, кстати сказать, ему было нельзя — ведь Габриэль приказал оказать помощь Никанору в поимке молодого зачинщика, из-за которого и погибли его братья. К счастью, на эту цель был выделен лишь один патруль, который дежурил у входа в район Рабов. Помог мальчику и старый люк, находившийся в торговом районе, созданный много лет назад Хилонсами для тех немногим обменов с торговцами.

Дом мальчика находился рядом с внешними стенами города — это была обычная ветхая лачуга, которая уже давно должна была развалиться. Его родителей в доме не было, в отличие от других, они работали во дворце, а там службу несли постоянную. Мальчик буквально влетел в дом и так же быстро запер дверь и упал без сил. Он не знал, что испытывает — это был страх, удивление, смятение, возможно, и всё сразу. В тот же момент в дверь постучались, мальчик затаил дыхание — неужели его преследовали до самого дома? Неужели он не заметил этого и привёл стражников напрямик к своему дому? Стук становился всё сильнее, юнец вскочил, словно ошпаренный, его глаза забегали по комнате. Мебели в жилищах рабов не хватало, поэтому спрятаться было негде, но в доме мальчика располагался маленький тайный подвал, который его отец пристроил не так давно. Стараясь не терять, ни секунды, он руками нашёл деревянную вставку в полу и, открыв вставку, нырнул в неё, закрыв за собой дверцу.

Стук вскоре прекратился, и дверь заскрипела, мальчик запаниковал, он точно не помнил, закрыл ли он дверь. Деревянный пол затрещал под шагами неизвестных, юнец ещё сильнее съёжился от страха. Зайдя в дом, стражники остановились. Эти несколько секунд показались для прячущегося вечностью, он слышал каждое биение своего сердца, дыхание казалось самым громким звуком, когда-либо услышанным им. Невозможно передать, какой страх испытал мальчик, когда неизвестный зашагал к люку и остановился рядом с ним. «Конец», — всё, что успел подумать он перед тем, как подвал открылся.

Ламбр был не обычным Хилонсом: потомок великого наследия вождей северных кланов, которые последними перешли под власть захватчиков. Высокий, темный, крупного телосложения, он был одновременно мудрым и справедливым. После покорения Ламбр служил во дворце захватчиков на конюшне. Герцог часто посещал его, дабы узнать настрой в нижних слоях общества. Сегодняшний день оказался для Ламбра крайне насыщенным: когда к нему пригнали коней прибывших гостей и медведей, он краем уха успел услышать о происшествии на площади. Поначалу мужчине казалось, что это не более чем слухи — настолько невероятной была эта история. Однако, ему пришлось поверить, когда вечером, возвращаясь домой, он увидел яркое красное пятно на снегу у порога. Опасаясь худшего, он, словно разъяренный бык, влетел в приоткрытые двери дома.

— Ламбр, ты что вытворяешь!? — испугалась сидевшая за столом женщина.

В доме мирно сидели два его сына и жена.

— Отец, ты нас напугал, — встал старший.

— Леонард, Цирия, Киф, что тут произошло? Я видел кровь у входа!

— Кровь? Это всего лишь нектар галты, который я случайно пролил, ища, чем открыть дверь, — ответил Леонард и перевел взгляд на младшего брата.

— Киф?

Мальчик, белый от недавних событий, молча сидел рядом с матерью, которая гладила его по голове.

— Ты слышал о событиях на площади? — спросила Цирия.

— Да... Киф... Он там был?

Цирия ещё раз пересказала своему мужу историю, которую ей поведал сын, когда она вернулась с работы. Также эту историю впервые услышал и Леонард, потому что когда он добрался до брата, прятавшегося в подвале, не смог выдать из него ни слова, а поведал всё лишь наедине с матерью.

— Интересно.... - заключил Ламбр, - значит, потом ты прибежал домой? А как же ты нашёл его, Леонард?

— Это было просто — он оставил за собой след из растаявшего снега. След тянулся до самого подвала, так что тут особых навыков не требуется.

— Хорошо, с этим мне понятно, а воин? Что стало с ним?

Все в комнате переглянулись, вплоть до этого момента все слухи повторялись: странный незнакомец одним ударом перерубил двух магов, не моргнув и глазом. Дальнейшая же судьба воина была окутана тайной.

Всю следующую ночь Ламбр провёл без сна, и не то, чтобы он пытался, даже наоборот — гонял мысли у себя в голове, словно скакунов. После того, как никто в семье не смог ответить на вопрос о воине, он лично велел всем ложиться спать, самого же его что-то мучало, не давая нормально сомкнуть глаза. Ламбр всю свою жизнь был рабом, когда-то, много лет назад, он родился в этом ещё строящемся и растущем городе. Мать отправилась в загробный мир еще при его родах, отец же погиб при строительстве, когда ему было всего десять. Ламбр долго не мог свыкнуться с мыслью, что остался один в этом и без того безжалостном мире. День за днём мальчик выполнял непосильный труд за горстку жалких крошек наравне со взрослыми людьми, каждый день он старался выживать на улицах района Рабов. Однако, не смотря на все эти

обстоятельства, Ламбр всегда помнил слова отца, слова, которые тот произносил постоянно: он говорил, что они — великий народ, чья богатая история проистекает из глубоких веков древности, должны свято соблюдать древние обычаи своего народа, и что он один из потомков великого рода вождей Ледяных пустынь. Одним из таких древних обычаев гласил о выплате долга тем, кто помог тебе или твоей семье в горе.

Очередная ночь проходила в том же духе. Он тихо встал с постели, поцеловал свою жену, и, стараясь побороть скрипучий пол, удалился. Накинув совсем дряхлую шубу, Ламбр с усилием натянул старые сапоги и вовсе покинул дом.

Погода в эту ночь была, как всегда, жестокой, яростный ветер носился по улицам города, вздымая белую пелену снега. Дома спали, наполняя всё вокруг тишиной, и лишь вечно куда-то спешащая вода в канале нарушала постоянную тишину. Ламбр, не отходя далеко от дома, нетерпеливым движением руки ощупал карманы шубы.

— Это ищешь? - послышался знакомый голос.

— Леонард, тебе тут делать нечего, - приказным тоном отозвался Ламбр.

Леонард слегка приподнял правый уголок губы и протянул отцу маленький сверток. Причем он именно «приподнял» правый уголок губы — эмоции такого рода ему давались очень плохо, он был всегда нахмуренный и задумчивый, так что попытки улыбнуться походили больше на кривляние. Леонард был средним сыном в семье, внешностью напоминавший отца: тёмные коротко стриженные волосы, с ярко серыми глазами и вздернутым носом.

— Как и тебе, отец, - спокойно ответил Леонард, - ты тут из-за него, да?

Ламбр некоторое время молчал, врать собственному сыну он не собирался, но стоило ли говорить и без того очевидные факты? Потянув еще немного времени, он аккуратно развернул сверток, укрывая его от ветра.

— Мы должны его вытащить оттуда, - набравшись решимости, заключил Ламбр, - я должен.

— Ты в своем уме, отец!?! - воскликнул Леонард.

— Тише, - забивая трубку, спокойно попросил Ламбр.

— А как же Мама?! Как же Киф?! Ты представляешь, что с ними сделают, когда узнают!?! Отец, прошу тебя, заклинаю всеми Создателями, светлыми и темными, здесь на кону не только твоя и моя жизнь, а жизнь нашей семьи!

Слова Леонарда громом гремели в узкой улочке, отец никогда не видел сына настолько встревоженным. Он знал, что вырастил не труса и понимал, как нелепо и громко звучали его слова, даже громче слов сына.

— Леонард. Упокойся, ты просто ещё слишком юн, твои двадцать пять лет рабства не дают тебе возможности увидеть много того, что скрыто. Этот человек, воин, появившийся на площади, спас Кифа от ужасной участи, и, боюсь, твоя мать бы не пережила ещё одну потерю, — выпуская едкий дым, говорил Ламбр, — уже только за это он достоин спасения.

— Но... — хотел было перебить Леонард.

— Но, помимо спасения, он так же показал, что не восприимчив к магии. Леонард, маги сидят по правую руку от императора. Если они узнают, что есть человек, способный противиться их силам, то ни перед чем не остановятся, чтобы убить его.

— Он убил лишь двух магов, с сотнями ему не справиться.
— Двух за последние века, представляешь, в какой ступор впадут маги, узнав об этом?

Леонард ничего не ответил, лишь понимающе кивнул головой.

— Спасибо, сын, а теперь иди домой.

Глава 6.

Перемены Судьбы.

Годрик медленно шел по коридору, в его голове всё больше не давала ему покоя мысль о смерти сразу двух магов от руки одного простого человека, но настолько ли простого? Вопросы возникали на пустом месте — кто этот убийца, зачем он появился в городе, почему именно сейчас, но самое главное — куда именно отправил его Габриэль? После случившегося Годрик более не видел герцога, хотя именно сейчас он был бы необходим для остановки общественного резонанса.

Дверь в комнату Роланда была слегка приоткрыта, сам маг с задумчивым видом вглядывался в пергамент, лежавший на его столе, поэтому даже не заметил, как вошел Годрик. Кабинет Роланда напоминал небольших размеров музей: различные скелеты, подозрительного вида животные, законсервированные в банках и горы различной рукописи. Маг везде таскал эти вещи с собой, все время, пополняя свою коллекцию странностей.

— Мастер? — обратился Годрик.

Роланд не отвечал.

— Мастер, — действительно повторил Годрик, — я прошу прощения, но не могли бы Вы уделить мне немного внимания?

Роланд продолжал игнорировать ученика, всё так же всматриваясь в развёрнутый на столе свиток. Годрик часто сталкивался с таким состоянием учителя, и происходило это в самые ответственные моменты, что порой раздражало ученика.

— Отец, прошу тебя! — не выдержал он, — сейчас не время для твоей медитации, ты же даже не знаешь с чем я к тебе пришёл, а уже старательно игнорируешь!

Выпалил Годрик, сжав руки в кулак, от такой неожиданности старая люстра медленно покачнулась, звеня навешанными на неё кристаллами. Роланд же продолжал гнуть свою линию, медленно и безучастно водил глазами по строчкам интересующего его свитка. Годрик уже было хотел развернуться и уйти, но тут рука мастера медленно опустилась на стол, указывая на точное место, где остановился маг. Ученик приблизился к свитку и увидел древние иероглифы, напоминающие те, что он видел в заброшенных храмах Хилонсов.

— И придет тот, чьё имя не будет дано произносить простым смертным, обладающий силой десятков мужей, он сокрушит состоявшийся строй и ввергнет города захватчиков в хаос. Пробудившись, взмахнёт Феникс огненными крыльями и сожжёт два глаза Чёрному быку. Взлетит Феникс, и разойдутся воины земли, ввергая врагов его в тёмную бездну. Подобно

огненной стреле, пронзит он сердце Чёрного быка, оставив молча умирать презренного носителя имперского герба.

Годрик застыл в изумлении, свечи, освещающие кабинет, падали на его задумчивое лицо, отражая в глазах события прошедших дней.

— Учитель, при всём моем уважении, — отмахнулся он, — это, вполне возможно, просто совпадения. Нет никаких прямых доказательств подлинности этой рукописи. Эти события говорят о характерных разрушениях, в масштабах намного больше, чем высокомерный маг и его братья.

— Из какой школы эти два мага? — не отрываясь, спросил Роланд.

— Я точно не могу сказать... На них были накидки, характерные для школы Оракула... Ученики Гатры, вроде как, так что в этом нет никакого смысла.

— По легенде Гатра — это покровительница огня, но до того, как она вышла замуж за Тъела кузнеца, она была личной видящей Создателя, можно сказать, его глазами в нашем мире. Знак Гатры и до сих пор неизменен — три окружности, вписанные в две другие.

— Совпадение.

— Возможно, а сейчас попрошу тебя оставить меня, у меня есть дела, да и у тебя тоже, проведай лучше гостей.

— Мастер, Вы уверены, что нам стоит тут оставаться? Уверен, есть и другие библиотеки Эпифии, где Вы можете меня игнорировать.

— Мальчик мой, пойми меня правильно, но я слышу страх в твоём голосе?

— Ни в коем случае! — отрезал Годрик.

— Отлично, пойми, мы с тобой многое прошли вместе, многое преодолели, и никогда не отступали. Ты же знаешь, что я очень горжусь тобой. Поэтому прошу — оправдай мои ожидания в последний раз. Поверь, это займет буквально пару дней, и мы отправимся в Эпифию, навсегда забыв о Ледяных пустынях.

— Слушаюсь, мастер.

Решив, что достаточно разузнал от учителя, Годрик повернулся и зашагал в сторону двери. Выйдя из комнаты, он не мог выкинуть мысль о смертоносном Фениксе из головы. Получив не совсем те ответы, которые он ожидал услышать, парень на время растерялся. Пророчества всегда были его слабой стороной, слишком уж расплывчато писали в них свои послания древние. Да и не всегда можно было понять, что было написано великими магами тех времён, а что намалевала бабка ведунья, с базара старательно обманывая доверчивых людей.

Коридоры в замке были наполнены вновь прибывшими гостями и старыми постояльцами. Следуя в неизвестном для себя направлении, Годрик учтиво приветствовал каждого встречного на своём пути. Разумеется, с некоторыми приходилось поделиться впечатлениями о случившемся на площади, что крайне раздражало его, но Роланд просил быть чуть более учтивым, ибо этот приезд должен решить судьбы многих горожан. Продолжая своё скитание, он всё дальше удалялся в восточную часть замка, где влачили своё скудное существование прачки, повара, горничные и остальная прислуга. Красивые белые стены парадной части замка сменились на зеленовато-чёрные, золотые подсвечники превратились в проржавевшие, дорогая мебель из красного дуба обернулась полуцелыми стульчиками. Годрик этого не замечал, ему было

абсолютно всё равно, он бежал от всех этих людей, стервятников, чья главная задача обглодать тело жертвы. В данной ситуации роль тела досталась Габриэлю, всячески стараясь полить его грязью, они старательно искажали слухи, дошедшие до них, и делали всё, дабы об этом узнало как можно больше людей. Для парня же они были не больше, чем тараканы, разносившие чуму.

Неизвестно, сколько бы еще брёл маг, если бы на его пути не выросла стена. Годрик был готов упереться в неё головой и, хотя бы на несколько минут, забыть о том инциденте на площади, но его покой потревожил внезапный громкий железный лязг. Обернувшись, маг увидел, как некий юноша пытается собрать разлетевшиеся вокруг него стальные тазы, бормоча себе под нос отборный мат.

— Поверьте, они не слышат вас, – прокомментировал Годрик.

Юноша, услышав незнакомый голос, быстро выпрямился, да так, что все тазы снова покатались в низ, а самый верхний даже зарядил ему по пальцу правой ноги. Годрик, не ожидая такой реакции, кивнул головой в знак своего извинения.

— Прошу меня извинить, можете не волноваться, я прикажу прислуге, она всё здесь приберёт, – в старательно учтивой манере сказал Годрик.

— Не... не стоит, я и сам справлюсь, – ответил юноша, – видите ли, я сам стараюсь заниматься некоторыми вещами, да и тут моя очевидная вина.

У Годрика лицо застыло в изумлении, он настолько редко видел Эпифиратов высокого ранга за работой, что уже давно считал их недееспособными.

— Это весьма похвально, – заметил он, – Вы не из замка, не так ли? Значит, Вы прибыли три дня назад, верно?

— Да, конечно, именно так, – ответил юноша, складывая тазы.

— Мне очень жаль, что Вам пришлось такое пережить. Обычно у герцога всё под контролем, и такие ситуации...

— Я считаю, герцог поступил очень мудро, – неожиданно для Годрика ответил юноша, – он смог оперативно изолировать, эту угрозу, неизвестно чем бы закончилось это безумие и сколько жертв мы могли понести там... А сейчас прошу прощение.

«Неужели он так считает?», — пронеслось в голове у Годрика, услышав эти слова. «Пронесло!», — пролетело в голове юноши, который всё быстрее удалялся от мага. Леонард и представить себе не мог, насколько ему повезло.

Пару дней назад при разговоре с отцом Леонард всеми силами пытался отговорить отца от идеи спасения неизвестного воина, но так и не сумел переубедить его. Тогда идея родилась сама собой; дабы защитить свою семью Леонард на следующий вечер после очередного неудавшегося разговора тайно проник на рынок к своему старому знакомому портному, у которого выпросил за несколько монет одеяния высокой знати. Объяснял он это тем, что случайно порвал костюм своего хозяина, и, чтобы не получить ряд ударов кнутом, он решил потратить некоторые свои сбережения. Портному этой истории было достаточно, к нему часто приходили с такой просьбой, частенько приходящие даже не догадывались, что вещи были порваны самими хозяевами и тихо подброшены своим рабам.

Заходившее солнце ознаменовало окончание третьего дня. Леонард, решив, что ждать уже нет времени, переоделся в купленную им одежду и проник во дворец под именем никому неизвестного Тифа. Проникать, правда, он решился всё-таки через вход для прислуги, дабы избежать лишних вопросов у главного входа во дворец и очень пожалел, наткнувшись на стоящего практически вплотную к нему мага. Однако, это была лишь маленькая оплошность, и Леонард, обрадовавшись, что проскочил её, стараясь не привлекать к себе особого внимания, пошёл в западную часть замка.

Первое, чему поразился Тиф, было не столько роскошью, представленной во дворце в избытке, а теплоте. Морозы были неотъемлемой частью жизни его народа, с которой древние Хилонсы отлично справлялись, но, превратившись в рабов, всё, что они могли себе позволить, — это поесть специальные травы, повышающие температуру тела, тем самым согревая их по особенно морозным ночам. Разумеется, такой способ бесследно не проходил, и на следующий день многие еле передвигали ноги. Леонард даже поначалу решил, что идея была не такая плохая, и будь его воля, он бы проникал во дворец хоть каждый вечер. Вернул мечтателя на землю проходивший мимо охранник, ничего необычного он, конечно, не сделал, просто шёл по своим делам, но, увидев Тифа, принял строевую стойку и прижался к правой стене. Такое поведение заставила Леонарда немного содрогнуться, но быстро сориентировавшись, что это всего лишь вежливость, кивнул головой и продолжил свой путь. Сердце Тифа, правда, пришло в нормальное биение не так скоро.

Коридор закончился выходом в большой зал формы ромба, людей в нём не было, кроме двух охранников в сияющих доспехах, а из-за огромных дверей, которые те охраняли, доносились громкие звуки. Леонард замер, коридоров по которым он мог продолжить свой путь, было слишком много. «Тут можно бродить неделями».

— Вам чем-то помочь? – послышался громкий голос одного из охранников.

«Вы не подскажете, где у вас тот преступник, что убил двух магов?» — подумал Леонард и обернулся в сторону охранников. Он сразу узнал Огров: когда-то давно эти миролюбивые здоровяки встали на сторону Хилонсов и сильно об этом пожалели. Практически оказавшись на грани исчезновения, они, склонив головы, пришли к Августу Третьему, дабы прекратить охоту на себя. После того дня огров более не видели в Ледяных пустынях.

— Да... Нет, наверное, – растерянно ответил Леонард.

— Это самый противоречивый ответ, который я когда-либо слышал, – подметил один из охранников.

— И не говори, а мы тут и не такое слышали, – подтвердил второй.

— Простите, просто я еще не отошёл от последних событий, – выдохнул Леонард, стирая пот с лица.

— Понимаю, тут как-то одного дебошира проводили, так на нём следа живого не было, хорошо же его покусали псы герцога.

Леонарда словно поразила молния, но был ли это тот, кого он ищет?

— Неужели, — включился в разговор Тиф, — прям, живого места не осталось?

— Ага, говорят, самому герцогу угрожал! — побледнел охранник, — а такое не прощается!

— Казнили? — спросил Леонард.

— Нет, посадили под замок, герцог несколько раз к нему навевывался, выходил, правда, мрачнее тучи, видать, разговор у них не заладился.

— Интересно, так он в замке? — обрадовался Леонард.

— Да... — начал было один охранник.

— Заткнись, простофиля! — перебил второй. — А вдруг это шпион!

— Опять ты за своё, Урф! Хоть перед гостями будь вежливее!

— Вежливее, я сейчас покажу тебе вежливость!

— Так смирно! — скомандовал Леонард, настолько громко, что огры как две веревочные куклы замерли в тот же миг.

— Меня зовут Тиф Блар, я руковожу северной армией столичных войск! И я вас поздравляю, вы с честью прошли проверку на бдительность! — не сбавляя голос, продолжал Леонард, а для большей убедительности принял строевую стойку и задрал голову, как можно выше. Он помнил рассказы отца о неимоверной силе и глупости огров, на чём и решил сыграть.

— Есть! — отрапортовали два огра и ударили кулаком о доспехи.

— Я сообщу о вас в столицу, а сейчас мне нужно поговорить с заключенным, он тоже прибыл с нами. Так, где вы сказали его найти?

— В западном подземелье замка! Его там поместили в третью кладовую!

Леонард поняв, что медлить лучше не стоит, быстро побежал в западную часть замка.

— Урф, тебе не показалось это странным? — удивился один из огров.

— Немного.

— Ага, как он сообщит в столицу, если не знает наши имена?

Западная часть замка частенько принимала у себя гостей, поэтому разительно отличалось от восточной: яркий свет от свечей, не прогнившие от старости двери, большое количество знаменитых картин и дорогой мебели. Одним словом, там хранилось всё то, что должно создать репутацию герцога, не обошлось тут и без вмешательства магии, которая отвечала за вьющиеся по стенам коридора вечнозелёные растения. Для Леонарда всё это было новинку, таких растений он никогда не видел, особенно удивил зелёный цвет.

Вскоре идеальный план показал свои огрехи — Леонарду в тот момент и в голову не приходило, что западная часть сильно превосходит восточную по размерам. Полчаса он бродил по идентичным коридорам и лестницам. В голове парень понимал, что должен спускаться всё ниже и ниже, дабы достичь подземелья, но на деле замок оказался лабиринтом с тупиками и закрытыми дверьми. Леонард несколько раз проклял это место и уже хотел вернуться к ограм, чтобы уточнить местоположение заключённого, но обернувшись, осознал, что потерялся.

Положение казалось безвыходным, Леонард уже прокручивал варианты своей казни, наиболее подходящими ему казались повешенье и четвертование, но, по последним слухам, придумали некую железную деву, что тоже весьма ему приглянулось. Спасти могло лишь чудо, которое произошло, когда юноша свернул в очередной коридор и увидел двух спорящих молодых девушек. В городе он ни разу их не видел, иначе бы точно запомнил, но заинтересовался он не только их внешностью: у барышни с рыжими волосами, стоявшей к нему

спиной, явно виднелась татуировка в виде треугольника — знака, который наносили на девушек знатных семей.

— Он обезумевший убийца! И точка! — повысила тон одна из них.

— Отец бы не одобрил такое! Он учил нас быть рассудительными, а он просто защитил мальчика! Маленького мальчика!

— Хорошо, Елена. Что ты ему скажешь? Что сожалеешь о случившемся? Что поддерживаешь его?!

— Я всё равно хочу знать, и точка!

— Отлично, иди, иди к нему!

Последнюю фразу девушка практически прокричала, сжала руки в кулаки и, развернувшись, пошла в сторону Леонарда.

— С дороги! — прошипела она и почти снесла того с ног.

Елена тоже не осталась на месте и пошла в противоположную сторону. Леонард же, оправившись от такой наглости, принялся поправлять картину, которую он зацепил, уступая дорогу разъярённой даме. «Защитил мальчика!» — фраза пронзила его разум, словно удар молнии и он, обезумевши, понесся на звук удаляющихся каблучков. Мальчик, спасённым мальчиком был Киф, и девушка направлялась напрямик к нему, это было величайшим совпадением, которое выпала на долю Леонарда, и как нельзя вовремя.

Коридоры казались всё темнее, своды лестниц уводили всё дальше, об этой части дворца знали все, но ходить туда никто не осмеливался. Герцог не доверял никому, боязнь восстания вгрызалась ему в голову всё сильнее, и поэтому большая часть нижних туннелей замка занимал арсенал. В самом городе оружие было под строжайшим запретом, любой уличённый в этом сразу попадал в тюрьму. Разумеется, об этом обо всём Леонард знал не понаслышке, но когда он лично увидел, сколько места занимает этот арсенал, его бросило в дрожь. «С таким запасом можно трижды захватить любой город», — пронеслось у него в голове. Рассматривать, правда, времени особо не было — рыжеволосая девушка не замедлялась ни на секунду.

Звук каблучков пронесся по глухим коридорам, заставляя ожить мёртвую тишину. Двое охранников, стоявших у последней двери, со скрежетом повернули свои головы в сторону приближавшейся девушки. Ужаса, подобному этому, Леонард не испытывал никогда. Еле успев зайти обратно за угол, он постарался привести дыхание в спокойное состояние. Воины, охранявшие вход, были личной тайной свитой герцога Габриэля, профессиональные убийцы, созданные для служения своему хозяину, всего пятеро таких могли положить сотни солдат врага. Говорят, они неуязвимы для простого оружия, мол, это духи павших воинов, пленённые магами и подаренные герцогу. Заключённых душ можно было узнать по чёрной мантии с начертанными на них символами, лицо их скрывала белая металлическая маска, на которой так же проходил ряд надписей на неизвестном языке.

Шансы вытащить заключённого таяли на глазах, но Леонард не намерен был поворачивать обратно. Ситуацию изменил скрип двери тюрьмы, из-за которой показалась та самая рыжеволосая девушка, что привела его сюда. Ждать было нельзя, Леонард быстро отошел на несколько шагов назад и спрятался за следующий угол.

Елена была в смятении, она понимала, что это не правильно, но сделать ничего не могла. Она молча шла, не поднимая головы, ей казалось, что тот человек, сидящий в клетке, ни в чём не повинная жертва, но могла ли она пойти против закона, можно ли то, что творится сейчас в мире, называть законом? Возможно, она бы никогда не нашла ответ на этот вопрос, если бы не Леонард. Дождавшись подходящего момента, он с кошачьей ловкостью выпрыгнул из-за угла, за долю секунды оказался позади девушки, обхватил её рукой и приставил нож к горлу. Разум девушки помутнел, Елена оказалась бессильна в такой ситуации, годы тренировок не смогли оказать никакого воздействия на ситуацию, она поддалась панике, а, возможно, и какому-то непонятному интересу. Леонард же почувствовал, как его решительность моментально улетучилась, руки незаметно задрожали, ноги подкосились, но, к его счастью, он взял себя в руки быстрее пленницы.

— Слушай меня внимательно, я повторять дважды не буду, мне нужно попасть в комнату с заключённым, вреда тебе я не причиню... Если будешь слушаться, — выдавил Леонард.

Девушка медленно покачала головой, она всё ещё была под большим давлением, и поэтому делала всё это машинально. Стараясь не отпустить лезвия, Леонард осторожно накинул на Елену свой плащ, и, стараясь не терять бдительности, спрятал под ним нож с левого боку, так что лезвие оказалось у сердца.

Парочка появилось рядом с охранниками через несколько секунд.

— А сейчас играй, — прошептал Леонард и начал путаться в ногах, — и тут я говорю Габриэлю: «Да так не бывает! Что он придумал все! Я вас спрашиваю — ну, как кто-то может убить мага?! Невероятно!» — Приветствую!

Последние слова Леонард практически выкрикивал, стараясь быть похожим на подвыпившего. Охранникам было всё равно, даже когда парочка приблизилась к двери, те не пошевелились.

— Чего вы встали, как истуканы?! — продолжал Леонард, — герцог обещал мне показать пленника! Вы что, оглохли?! Барышня, прошу Вас сказать хоть слово, а то мне придется жаловаться Габриэлю!

Елена не говорила ни слова, она лишь молча смотрела перед собой. Леонард поблелел, он знал, что эта тишина могла для него значить. Он чувствовал, как даже сквозь эти чёрные повязки воины пристально смотрят, и для него остался лишь один вопрос — забрать ли девушку с собой в мир мёртвых?

— Да... герцог лично просил сопроводить... этого господина... — вымолвила Елена.

После этих слов солдат зазвенел связкой ключей и со скрипом отворил дверь темницы.

— Вам повезло, а то вас бы завтра уже четвертовали! — выпалил свою последнюю театральную фразу Леонард, и шагнул в тёмную комнату, прихватив с собой Елену.

Войдя в комнату, Леонард даже немного обрадовался столь удачному стечению обстоятельств, так сильно ему еще никогда не везло. Оказавшись в темнице, девушка и юноша увидели висящего на цепях практически раздетого мужчину. Сильно покалеченный, он был словно кукла, болтающаяся на

веревочках. Голова его была закрыта мешком, туго перетянутого у основания, на теле практически не было нетронутого места, казалось, его держали тут больше месяца.

— Чёртовы уроды... — пробормотал Леонард.

« Отец был прав...», — подумал он, представляя на месте незнакомца Кифа. Тело его переполнило злоба, не чувствуя более себя неуверенно, Леонард сильнее схватил Елену. Та, почувствовав это, отшатнулась, но от этого нож лишь сильнее впился в неё.

— Попробуй дёрнуться ещё раз, и я подарю тебе немедленную смерть, — процедил Леонард сквозь зубы.

Девушка подчинилась. Стараясь не ослаблять хватку, Леонард сделал два шага в сторону заключённого.

— Эй, ты можешь говорить? Как тебя зовут? — прошептал он.

Незнакомец не ответил, он висел на своих нитях неподвижно, и даже его грудь не вздымалась от дыхания. Леонард снова почувствовал лёгкий холодок.

— Проверь его пульс, — приказал он.

— Но...

— Я сказал, проверь пульс...— ослабив голос, произнес Леонард.

Елена не решилась перечить и медленно поднесла руку к горлу висевшего заключённого. Леонард почувствовал, как по девушке пробежал холод, глаза её опустели.

— Мёртв... — пробормотал Леонард.

— Забавное замечание для трупа, — прозвучал неизвестный голос позади юноши.

Глава 7.

Побег.

Незнакомец медленно расхаживал по комнате с задумчивым лицом.

— И так, ещё раз — ты пришёл, чтобы спасти меня?

Леонард вяло покачал головой, сидя у стены.

— А Вы — та особа, что хотели поговорить со мной, когда я был закован в кандалы?

— Да... — ответила Елена.

— Ну, стоило предупредить, — закончил незнакомец.

— О чём? Войти и закричать на всю комнату, что я пришёл организовать побег? Ты мне чуть голову не расколос этим ударом!

— Не, не расколос бы — слишком твёрдая кость, ощущение, что она занимает всё черепное пространство.

— Прости, я бы посмеялся, но нет.

— Не бери близко к сердцу, и так, значит, ты пришёл вытащить меня из этой тюрьмы за то, что я спас твоего брата? А юная леди просто случайное стечение обстоятельств. Ну, первую часть плана ты исполнил «на ура».

— Кто это?

Голос Елены был мёртвый, она словно говорила где-то в стороне, указывая в сторону висящего трупа.

— Не знаю, он особо не разговорчив, когда меня сюда привели, он отдыхал в том углу, где сейчас корчит из себя больного Лео, а что, хочешь у себя в комнате такого же повесить?

Елена посмотрела на незнакомца гневным взглядом, возможно именно в тот момент она, наконец, увидела его сквозь пелену забвения — высокого роста, с сильно развитой мускулатурой, чёрные, слегка поседевшие волосы, прозрачно-белый цвет глаз и чёрная татуировка в виде неизвестного символа.

— Я была о Вас лучшего мнения, похоже, моя сестра оказалась права, — спокойно сказала она.

— Возможно, ладно, Лео, уходим, — ответил незнакомец и подошёл к двери.

— Не хочу тебя расстраивать, но там не обычные рядовые солдаты...

Не успел Леонард закончить, как воин спокойно постучал в дверь, и та закрипела. Комок застрял в голове парня, который хотел было остановить безумца, но не успел. Первому досталось правому охраннику, который перегородил путь незнакомцу: от удара в грудь он отлетел на два метра и, возможно, продолжил бы свой полет, если бы ему не помешала стена. Второй же даже не успел опомниться, как получил апперкот и почти проломил головой потолок. Леонард и Елена чуть опять не упали на свои места от удивления, но, удержавшись на ногах, оба медленно вышли в дверь. Победитель молча сидел у трупя одного из охранников, стащив с него шлем — он пристально рассматривал пустые доспехи.

— Ты прав — воины действительно необычные, — заключил он.

— Вы, Вы... Через сорок минут придёт новая смена караула... Вас поймут... — стараясь сдерживать гнев, говорила Елена. — Казнь для Вас неизбежна!

— Ага. Слышал, Лео? — не обращая внимания, продолжал незнакомец, — у нас есть около получаса, какова вторая часть плана?

— Под городом идут тысячи тоннелей, пару из них могут вывести нас из замка, ещё два — из города, — быстро выпалил Леонард, не сводя удивлённых глаз с трупа.

— Отлично, хватай её и бегом из города, я присоединюсь позже.

Елена, воспользовавшись моментом, ударила Леонарда в живот, и быстро заломив руку, выхватила нож.

— Только через мой труп! — сказала она.

— Как скажешь, — отрезал воин.

Пораженный непонятным ответом, Леонард вопросительно посмотрел на незнакомца, тот мрачно улыбнулся и резким движением руки схватился за лезвие ножа. Кровь медленно побежала по пальцам и каплями забарабанила по полу, воин, не подавая вида боли, сильным движением руки вырвал оружие из рук девушки. Елена, не ожидая такого, рухнула на пол.

— Убьешь её, — сказал воин, направляя рукоятку в Леонарда.

— Что? Но... Почему я? Мы не можем...

— Нет, не можем, если ты оставишь её в живых, она сможет найти тебя и всех твоих родных. Даже если она сама этого не сделает, то герцог найдёт способ выбить из неё правду. Решай, Лео.

Леонард молча смотрел на сидящую на полу девушку, он смутно представлял, как смог бы убить человека, виновного во всех смертных грехах, не говоря об обычной девушке. В его голове было так много вопросов к самому себе, он словно находился вне своего сознания и одновременно в нём. Именно в таком состоянии Леонард протянул трясущуюся руку незнакомцу и крепко сжал рукоять. По щекам девушки покатались прозрачные слезы.

— Сестра была права! Вы все убийцы, я вас ненавижу! Надеюсь, когда вы сдохнете...

Прозвучал звон металла, окровавленный нож упал рядом с девушкой.

— Она пойдёт с нами, — сурово сказал Леонард.

— Ты готов навсегда попрощаться со своей семьёй, и всё ради незнакомой тебе девушки? Благородно, недолго протянешь, но раз ты так решил, бери вон тот меч, — незнакомец указал на труп охранника, — дабы твоя новообретённая спутница не решилась на побег, и ждите меня за стенами города, я ненадолго.

Леонард хотел было возразить, но незнакомец поднял вверх руку и, развернувшись, быстро побежал в сторону лестницы. Так и не получив ответа, Леонард, собравшись мыслями, обратил свой взгляд на девушку. Удивлению не была предела: та спокойно спала, а на её шее виднелся красный след.

Воин, не сбавляя скорости ни на секунду, неся по лабиринтам из лестниц и бесконечных коридоров, не останавливаясь ни на одном из поворотов, ни минуты не тратя на раздумья. Через несколько преодолённых метров герой замер, остановившись у небольшой деревянной двери. Тёмную комнату наполнил скрипящий звук. Бывший пленник осторожно заглянул в неё. Казалось, обитатели давно съехали, тонны пыли вздымались от каждого шага, разбросанные по разным углам книги напоминали кучу сброшенной одежды. Воин без особого интереса обошел большой круглый стол и спустился на одну ступеньку в низ. Комната по форме была круглой, с большим количеством книжных шкафов у стенок.

— Убогая лачуга, — отметил он.

— Возможно, но времени обустроиться, у меня особо не было, — послышался незнакомый голос.

От неожиданности непрошенный гость развернулся и, не разбираясь, нанес ряд ударов.

— Хорошая попытка, — не умолкал голос.

— Кто ты такой?

— Это уже не имеет значения, — ответил голос, — важно то, что ты тот, кого я ждал.

Воин, не опуская руки, медленно начал пятиться назад, стараясь разглядеть источник голоса в темноте, но всё тщетно.

— Может, покажешься? Так убивать легче...

Не успел договорить воин, как ударился правой ногой о стул. На нём лежало бездыханное тело старика без руки.

— Интересно, и зачем я тебе нужен? — опуская руки, спросил он.

— Ты тот, кого я искал все эти годы.

— Ну да, а умер от счастья, что нашёл?

— Не паясничай, времени мало, тебе нужно попасть в Риг — город в глубине ледяных пустынь, там, и только там лежат ответы на вопросы,

которые ты ищешь. Я бы рассказал больше, но он может услышать, не теряя бдительности и не доверяя никому, особенно тем, кого подпустишь слишком близко.

— Кто он? Что за Риг? Зачем ты мне помогаешь?

На свои вопросы воин получил лишь молчание, присутствие духа больше не ощущалось. «Хотел ли он помочь или же направлял на верную смерть?» — размышлял воин, переворачивая труп, сидевший за столом. Лицо его было обглодано до костей, из одной глазницы всё ещё сочилась белая жидкость, можно было с уверенностью сказать, что умер он в страшных мучениях. Остаться и выяснять, что именно это было, воин не собирался. Сбросив труп со стола, он, не теряя времени, пробежался рукой под столом, и, нащупав выступающий рычаг, силой повернул его. Один из библиотечных шкафов задрожал, остававшиеся в нём книги из-за малого количества посыпались на пол. Воин подошёл к ожившему предмету и, не дожидаясь, пока он откроется, вырвал шкаф из стены, швырнув на труп.

Годрик бежал к кабинету мастера во главе со стражей замка, постоянно натываясь на людей из тронного зала, которых с просьбой не поддаваться панике разводили по комнатам. Звон колоколов становился всё звонче и сильнее, тяжеловесы в один голос разносили по городу тревогу. Жители в недоумении старались выяснить друг у друга, что же случилось, но разлетевшиеся войска без особых объяснений разводили всех по домам. Громадные ворота, некогда впускавшие различных торговцев в город, с грохотом, впервые за столько лет, сомкнулись, тяжелая решётка, звеня цепями, тоже опустилась.

— Никто не покидает замок без разрешения герцога! — слышались команды офицеров. — Никто его не покидает!

Герцог первый узнал о несчастье с Роландом; стоило колоколам пробить первый звон, как он тут же велел организовать перехват беглецов. Годрик тоже не заставил себя ждать: бросив все свои дела, он немедленно выдвинулся в сторону кабинета и уже через несколько секунд был на месте. Комнату наполнял смердящий запах трупной вони, казалось, что полегло целое войско огров, стол был расколот напополам, а из всех углов торчали деревянные щепки. Не успел Годрик ступить за порог, как путь ему тут же перегородил один из охранников, вытолкнув за дверь.

— Нам велено Вас не пропускать, господин Годрик. Приказ лично герцога, — аргументировал охранник.

— Что за бред ты несешь, солдат! — процедил сквозь зубы Годрик.

— Сожалею, господин, но таков приказ... — пожал плечами охранник.

— Если ты сейчас же не сделаешь шаг в сторону, солдат, то очень сильно об этом пожалеешь!

— Годрик! — окликнул Габриэль мага. — Прекрати!

— Ты приказал им меня не пускать?! Что происходит?! — не сбавляя пыл, прорычал Годрик.

— Сейчас там делать нечего — маги проводят обыск в его комнате! Пойми ты, случилось нечто большее, чем убийство твоего учителя! Сбежал самый опасный преступник этих земель, и мы просто обязаны его поймать!

— Так это было убийство?

Герцог кивнул головой, Годрик отступил на несколько шагов, развернулся, и скрылся из виду.

Глава 8.

Феникс.

Караван из двух белых медведей и трех путников, выбившись из сил, медленно брёл по ледяной пустыне, лёгкий ветер вздымал небольшие снежные хлопья и наполнял холодный воздух, серые тучи, стянувшие небо, медленно ползли в сторону гор.

— Риг... Ты вообще понимаешь, куда ведешь нас? — проговорил Леонард трясущимися губами. — Этот город настоящая каторга для рабов, туда отправляют наиболее непокорных и делают из них живых мертвецов!

— А также заставляют их сражаться за еду на арене. Ты говорил, — перебил его воин.

— Зато ты так и не рассказал, откуда достал этих двух медведей!

Воин слегка улыбнулся — достать двух белых медведей оказалось намного проще, чем думал Леонард. Убежав из комнаты призрака, ему всего-то надо было наведаться в конюшню, где транспортное средство мирно дремало, запряжённое в упряжку. Разумеется, охране и в голову не пришло, что кто-то будет настолько нагл, что спокойно украдёт карету герцога и поедет по главным улицам, беспрепятственно выйдя из замка. К Леонарду и Елене воин вышел с двумя медведями на поводке, позаботившись о том, чтобы карету нашли абсолютно в другой стороне.

— Я уже говорил, бродили тут в округе, — ответил воин.

— Отлично, еду в город Некрополь, с незнакомыми мне людьми на двух медведях, нарисовавшихся из воздуха!

Елена, сидевшая позади Леонарда, молча ехала, уставившись в бесконечную белую мглу, остававшуюся за ними. Девушка очнулась лишь спустя несколько часов после того, как они отъехали от города. Оклемавшись, она практически сразу предприняла попытку к бегству, вывернувшись и слетев с медведя. Елена со всей оставшейся силой постаралась убежать от захватчиков, но метровый снег практически по пояс поглотил её. Испугавшись, что похитители уже слезли с медведей и сейчас поймут её, она с грозным видом обернулась на них. Однако, что Леонард, что воин, лишь с интересом смотрели на воинственную леди, не предпринимая никаких действий.

— Не дотянет и до заката, — констатировал один из надзирателей, разворачивая медведя.

— Принимается, когда проиграешь, платить будешь золотом? — поддержал Леонард.

Лишь тогда до Елены дошло, что она даже не знает, в каком направлении и сколько ей идти, а двое похитителей уже медленно удалялись в белую мглу. Поняв это, она развернулась и с еще большими усилиями стала прорываться к медведям.

— Подождите! — окликнула она всадников.

Леонард и воин, недолго думая, похлопали по спине медведей, те замерли.

— Быстро Вы передумали, принцесса! — говорил Леонард, помогая Елене вскарабкаться.

— Я не принцесса... Спасибо...

— Не имеет значения, отец говорил: лишь медведи герцога способны прокладывать собственные пути в этих землях, остальные же просто навеки застревают в снегах.

— Буду иметь в виду...

— Я, кстати Леонард, а это... Эм... А у тебя имя-то есть?

Воин, следовавший впереди, угрюмо посмотрел на заснеженные склоны гор Имя — это то, чего пытался выпытать из него стервятник герцога. Сначала несколько ударов тяжелой дубиной по рёбрам, потом ряд — в живот, и в завершении — парочку прямо по лицу, вопрос был всё тот же: откуда, цель появления, как смог выжить в том огне. Когда ответов не было, процедура повторялась с некоторыми изменениями. Прибывший герцог довольно ухмылялся, видя работу своих подручных и, не теряя ухмылки, просил назвать имя.

— Не помню, — ответил воин Леонарду.

— Не помнишь? Они сильно приложились к твоей голове?

— Нет, я помню лишь отдельные моменты. Помню, как очнулся в кромешной темноте, это было где-то на дне океана, скорее всего, неподалёку от города. Я запаниковал, вода проникала в легкие, давление всё усиливалось, я перестал ощущать руки и ноги. Однако, буквально через мгновение, я увидел небольшой пляшущий огонёк во тьме, поначалу он просто плясал вокруг меня, затем их стало два, три, пять, их становилось всё больше...

— А потом? — спросил Леонард.

Воин ничего не ответил, лишь пожал плечами и повернулся в сторону бесконечной белой пустыни.

— Феникс, — неожиданно перебила тишину Елена, — однажды, когда я была еще мала, мама взяла меня в храм, и там один монах рассказал мне о книге, в которой великие маги описывали магических существ. Никто не знает, как им это удалось, но они смогли проследить путь перерождения птицы Феникс из пепла. Погрузившись в бездну страха и отчаяния, они делают то, чего не может сделать ни один человек: однажды оступившись, идти на свет.

— Феникс. Что думаешь? — продолжил Леонард.

— Думаю, пора переходить на пеший ход, а медведей отпустить. Дальше идём пешком, — крикнул Феникс, дойдя до небольшого холмика.

Леонард вопросительно огляделся — вокруг была всё та же белая пустыня, состоящая из льда, и только небольшой холм возвышался посреди всей этой глади. Спустившись сам, и спустив девушку, он, еле переставляя ноги, подошёл к стоящему у подножья холма Фениксу. Воин, еще минуту подумав, взялся за рукоять своего меча и, наполняя скрежетом железа, вынул его из ножен. Звук мощи стали эхом разнёсся по окрестности, ветер, внимая ему, остановил на мгновение идущий снег, вознося его обратно к небесам, и в этот же миг герой со всей яростью ударил оружием о землю. Стоявшие позади Леонард и Елена ели устояли, когда сильный поток воздуха, исходивший от удара меча, размёл в стороны залежавшийся снег. Твердая почва под их ногами треснула, медведи, издав рык ужаса, помчались в разные стороны.

Оторвав взгляд от земли, Леонард увидел, что в холме от удара образовалась глубокая и тёмная пещера.

Подняв свой меч и забросив его лёгким движением, Феникс не спеша прошёл в образовавшийся проход. Пещера была приличных размеров, тёмной и насквозь промёрзшей. Последовавший за Фениксом Леонард сразу приметил, что у неё когда-то имелось продолжение, которое сейчас завалено камнями.

— Заночуем здесь, через несколько минут проход заметёт.

— А медведи? На них были палатки, огни, и ...

Елена хотела спросить про провизию, но зашедший с двумя тюками Леонард уверил, что беспокоиться не стоит, медведи уже вернулись и спокойно ждут дальнейших распоряжений. Феникс покачал головой и, рассудив, что долго на воле они не протянут, приказал парню снять с них всё, что может пригодиться, а затем выпроводить домой. Выполнив поручение, Леонард поблагодарил белых громадин и приказал следовать к их дому, те со всей своей мощью медленно последовали обратной дорогой.

Как оказалось, до пещеры путники добрались вовремя — ночью всё окутала непроглядная снежная буря. К счастью, Леонард и Феникс успели стащить несколько камней из дальнего конца пещеры и залатать дыру в холме. Довольные своей работой, герои принялись трапезничать высушенным Проном. Говорят, что сохранить его надолго можно только в таком виде. Спать легли по разным частям пещеры, Елена — на правую, Леонард — на левую, Феникс лёг прямо у входа. Казалось, от холода ему становится только лучше.

И всё, казалось, шло по плану, вот только стоило заснуть двум спутникам, как зелёные глаза Елены Феодарис заблестали во тьме. Осторожная и тихая, словно кошка, она аккуратно пробралась к залежам камней, и, выбрав наибольший из тех, что могла поднять, медленно пошла к спящему Леонарду. Тот, к слову, спал, словно убитый, и уже досматривал пятый сон, как страшная угроза нависла над ним. Однако, стоило только Елене приблизиться к спящему парню...

— Миледи, на Вашем месте я бы не делал того, о чём пожалею, — невозмутимо попросил Феникс, лежавший спиной к ней. — Вы же помните, что случилось с теми двумя у тюремной комнаты? Так вот — лучше положите этот камень, возьмите из наших запасов немного воды, листьев высушенного Бана и огниво.

— А если я откажусь от Вашего предложения и размажу твоего новообретённого друга по полу?

— Вы знаете, а я сразу узнал в вас кошку, играть жертву вы умеете. Давайте рассуждать логически — ударив моего компаньона с такого расстояния эти булыжником, Вы максимум оставите у него на голове шишку, для убийства Вам нужен размах. Однако, стоит Вам лишь немного занести камень, я тут же запущу в Вас свой меч, который разорвёт Ваш череп и откинет труп, а вместе с ним и камень метра на два. Но Вы можете попытаться.

Небольшой смешок случайно вырвался из уст Елены, она была в некотором роде удивлена и восхищена. Положив камень в сторону, девушка спокойно выполнила поручение Феникса.

— Прекрасный чай, не находите? — слегка отхлебнув, спросил он.

— Отнюдь, для меня он крепковат. Зачем вы взяли меня с собой? Какой в этом смысл?

— А Вы не помните? Там, в клетке, когда я был подвешен на цепях? Вы сказали, что хотите мне помочь и что сожалеете о случившемся. Поймите меня правильно, миледи, Вы — это представитель тех немногих, кто задаётся вопросом: а правильно ли всё это? Почему человек не равен человеку? Отчего одним дано решать свою судьбу, а другим нет? Когда ты появилась на пороге, с этой мыслью...То есть, Вы...

— Звучит утопично, я уверена — дело в чём-то другом, но сейчас меня интересует другое, а насчёт моих мыслей... Я хочу сделать всё вышеперечисленное мирным путём... Зачем нам идти в Риг, что там?

— Этого я не знаю, меня словно что-то ведёт по правильному пути, заставляет идти, если быть точнее. И знаешь, что ещё мне говорит это самое чувство? — обратился Феникс к девушке, допивая чай, — народ на взводе, мирным путём тут ничего не решить, всё, что мы можем — встать во главе и свести жертвы будущего восстания к минимуму, либо просто отойти в сторону, смотря, как этот кипящий вулкан взорвётся и уничтожит всё вокруг. Поразмысли над этим, Елена Феодарис, спокойной ночи.

Эта ночь показалась для девушки целой вечностью, в словах Феникса она видела отражение своих мыслей, которые не покидали её всю дорогу в ледяные пустыни. Леонард же, наоборот, всё так же спал, как убитый, даже не догадываясь, что был крайне близок к смерти, несмотря на всю свою выносливость; недавние события заставили ощутить сильный эмоциональный взрыв. Парню снилось, как он снова бродил по тому замку, из которого недавно сбежал, что он уже там не изгой, а желанный гость, одетый как подобает высшим сословиям общества. Видел Леонард и свою мать, которая спокойно сидела на скамейке, напевая песню из его детства, а неподалёку, смеясь и играя с собакой, бегал младший брат, даже вечно серьёзный отец тут был на седьмом небе от счастья. Но не успел Леонард насладиться моментом, как по его спине пробежал легкий холодок, он почувствовал, что тело сковала неизвестная сила, не давая и шанса пошевелиться. Светлую комнату за секунды затянули чёрные тучи, по стенам ручьём побежала бордового цвета кровь, из-за углов показалась свита герцога; слова рождаясь из тьмы, они один за другим заполнили коридоры замка, по которым эхом прокатывались крики боли и отчаяния. Первую убили мать Леонарда — старушка, стараясь уберечь маленького Кифа, прикрыла его своим телом, но тщетно — пронзившее её копье прошло и сквозь маленького мальчика. Обезумевший от горя отец одного за другим рубил наступавших воинов, глаза его пылали огнём, тело не чувствовало ранений, руки верными ударами разрубали на части врагов. Солдаты герцога один за другим наносили удары по убитому горем человеку, но никакой из этих ударов не ранил его сильнее, чем утрата близких. Леонард не понимал, что происходит, с глаз его падали слёзы, всем телом он боролся, стараясь сделать хоть что-то, но всё тщетно — вскоре и отец, истекая кровью, пал у ног врага. Однако, те не успокоились — все, как один, продолжали кромсать тело убитого Ламбра; закончив своё грязное дело, воины замерли. Леонард кричал от боли, сердце в его груди бешено колотилось, ему хотелось разорвать себе грудь, чтобы остановить, унять эту боль.

Когда Леонард открыл глаза, холодный пот бежал с него ручьём, не чувствуя своих конечностей, он видел перед собой лишь белую пелену. Парень не понимал, снится ли ему очередной сон, или всё это происходит на самом деле. В реальность его вернул холодный звон металла, который он уже слышал у входа в холм. Клинок быстро скользнул вдоль замотанного Леонардо, и он, освободившись, распластался по земле.

— По всей видимости, яд всё ещё действует. Попробуй пошевелить рукой, — вкладывая меч в ножны, попросил Феникс.

Попробовав последовать совету, Леонард, преодолевая сильную боль, медленно приподнял свою руку. Помимо самой руки, о себе не давала забыть и голова, которая с каждым усилием словно раскалывалась на две части. Феникс пожал плечами — всё оказалось хуже, чем он думал: на руке было отчётливо видно темно-синее пятно, какое часто остаётся от укуса.

— Что это? Я умру? — стараясь не поддаваться панике, спросил Леонард.

— Нет, не умрёшь, но то, что оставило этот след, явно вернётся, дабы продолжить трапезу. Так что придётся потерпеть, — заключил Феникс и быстрым движением поднял Леонарда на ноги. У того, к слову, от боли чуть не выкатились глаза.

— Я не уйду далеко, — процедил сквозь зубы Леонард.

— Нам этого и не требуется, — сказал Феникс и развернул Леонарда. Не сдержавшись, тот высказал всё, что думает о сложившейся ситуации, но, разжав глаза, тут же забыл о боли. Место, где содержали путников, оказалось вырезом в пещерной стене, к которой тянулась шёлковая паутина. Преодолевая боль, Леонард сделал ещё несколько шагов, подойдя поближе к краю. Как оказалось, паутина, тянувшаяся к ним, была своего рода дорогой, соединяющей с небольшим городом, висевшим над глубокой бездной. Состояло построение в основном из коконов, тесно сплетённых между собой.

Ходить по паутине оказалось затруднительнее, чем герои могли себе представить. Липкая, словно горячая смола, она практически намертво цеплялась к героям, но счастье было на их стороне: ведь она была крепче, чем та, что разрезал Феникс. Ворот в город пауков не было, так что они оба без труда проникли в него. Размеры у строения, как оказалось, намного больше, чем виднелось издали. Огромные коконы тянулись прямо к сводам пещеры, образуя там подвесные гнёзда, разного рода постройки были не только из паутины. Для зданий также использовались гладко отшлифованные камни, скреплённые клейкой паутиной.

Стараясь особо не привлекать внимания, Феникс и Леонард, словно две небольшие тени, скользнули (насколько это позволила паутина) внутрь города. Как оказалось, в нём жизнь текла своим бурным чередом: огромные пауки, являющиеся основным населением, быстро носились по свисающим паутинам, занятые своими делами. Героям это как раз было на руку — стараясь быть как можно незаметнее, они медленно зашагали по паутинным улицам. Это им удалось намного легче, чем преодолевать путь от пещеры, ведь, как оказалось, в своём основании чудо-город имел вполне твердую каменную поверхность. Быт пауков мало отличался от людского: небольшие торговые лавочки, своего рода, священные храмы и, конечно, нечто издали напоминающее ремесленные

мастерские. Обувь, конечно, пауки не носили, но утварь для хранения воды пользовалась большой популярностью.

Возможно, герои ещё долго бы рассматривали местные достопримечательности, если бы не заметили, как по улицам города шагала целая армия, состоящая из закованных в доспехи пауков. Форма на них не давала разглядеть точный цвет, но у всех торчали чёрные, блестящие, похожие на гребни, конечности, в шлемах были сделаны около восьми разрезов для глаз, под ними также располагались специальные отверстия для клыков.

— Им только копий не хватает, и точно наша гвардия, — прошептал Леонард.

— Яд их жал будет похлеще копья вашей гвардии, — ответил Феникс, всматриваясь в толпу пауков. — А вот и наша пропажа.

Леонард сразу понял, о чем говорил Феникс, и его взгляд также устремился к грозной охране. Пауки, как оказалось, окружали Елену, которая спокойно стояла рядом с другой девушкой и что-то рассказывала. Не говоря ни слова, Феникс быстрым движением руки вынул меч из ножен и, перехватившись за лезвие, протянул его Леонарду. Парень, словно ожидая такого подаяния, не отрывая глаз от девушек, схватился за ручку меча.

Как гром среди ясного неба, налетели герои на конвой из пауков. Одним ударом руки Феникс сразу же откинул двоих пауков на другую сторону улицы, Леонард, не отставая от напарника, с первого размаха отсек пауку одну из лап, заставляя того удалиться на задний фронт битвы. Началась полномасштабная битва, удары клинков и кулаков с большой интенсивностью бились о металлические доспехи.

— Остановите это безумие! — эхом пронёсся крик Елены по городу.

Девушка, словно бешеный бык, встала между дерущимися, глаза её пылали огнем, руки сжались до бела, даже волосы словно встали дыбом. Два воина, переглянувшись, медленно опустили руки, пауки, казалось, тоже последовали их примеру и снова собрались в парадный строй.

— Так вот они, твои друзья, — послышался незнакомый голос из-за спины Елены, — а вы умеете появиться эффектно.

— Друзья? — удивился Леонард.

— Прошу простить меня и моего товарища, — прервал Леонарда Феникс, — уважаемая...

— Сивилла.

Представившись, девушка вышла из-за спины Елены. Леонарда бросило в дрожь — Сивилла казалась бледнее смерти, волосы девушки были серыми, но большее внимание привлекли глаза, чёрные, словно сама бездна.

— Вы задолжали моей охране пару лап, — продолжала Сивилла, медленно приближаясь к героям.

— Мы очень сожалеем, но, учитывая, что они напали на нас, мы, скорее, просто защищались! — выступил Леонард.

Сивилла, правда, не обратила внимания на его слова, её больше занимал Феникс. Девушка практически вплотную подошла к стоящему неподвижно воину и без лишних слов принялась осматривать его.

— Как я уже говорил, мы приносим свои извинения, — слегка смутившись, продолжал Леонард.

— Принято, — закончив осмотр, ответила Сивилла, — а сейчас прошу за мной. А ваше оружие сдайте, я ещё не до конца уверена.

С некоторыми колебаниями Леонард протянул свой клинок ближайшему пауку, тот быстро выхватил его и убежал в конец строя.

Экскурсия по городу показалась весьма занятной — как оказалось, пауки жили небольшой колонией, из-за их близкой расположенности друг к другу никаких площадей город не имел, поэтому больше походил на лабиринт. Сотни путей переплетались, образуя всё новые и новые улицы, по которым медленно шагали герои, привлекая к себе всё больше внимания. Пауки были разных размеров от мала до велика, самого большого, которого отметил Леонард, был практически в два человеческих роста, а маленький чуть превышал размеры собаки. Концом экскурсии оказался огромный каменный мост, державшийся на стальных, как канаты, паутинах, вёл он к входу в другой стороне бездны.

Пещера, в которую вошли герои, оказалась сухой и просторной, по сторонам располагались небольшие летающие в воздухе светящиеся огни. Леонард сразу узнал в них редких светлячков, доставляемых из самых глубоких закровов ледяных пустынь. В пещере также было раскидано множество различных картин и статуй, но ни одного следа паутины.

Сивилла не торопясь прошла к центру помещения, немного погодя, она подняла руку вверх, а затем бросила короткий взгляд в сторону стражи; те немедля покинули пещеру. Наступила загробная тишина, было слышно дыхание каждого находящегося в помещении, даже их мысли словно летали в воздухе, касаясь друг друга.

— Королева рада приветствовать вас, приклонитесь же в уважении к ней, — промолвила Сивилла.

После её слов стены затряслись, картины попадали, светлячки быстро забегали из стороны в сторону, а затем выстроились в ряд. В дальнем конце тёмной пещеры показался огромный паук, в несколько раз превышающий размеры тех, что встречались героям по пути. Сделав несколько шагов, чудовище замерло, Елена, схватив за рукав Леонарда, приклонилась, тот, не отрывая взгляда, медленно последовал её примеру, то же сделала и Сивилла.

— Она убьёт тебя, если ты сейчас же не преклонишься, — не поднимая головы, сказала Сивилла.

Леонард, оторвав взгляд от паука, заметил, что Феникс стоял неподвижно.

— Я ни перед кем не преклоняюсь, — проговорил он сухо.

Нависла тишина, герои смотрели на, казалось, гордого глупца и, перекидывая взгляд на паука, понимали, что шансы не равные.

— Действительно ни перед кем, она говорит — ты ни капли не изменился с последнего визита, — поднимаясь с колен, сказала Сивилла. — Из-за этого ей хочется убить тебя ещё сильнее.

Примеру Сивиллы последовали и остальные, взгляд их был прикован к Фениксу.

— Хотела, убила бы, — продолжил Феникс. — Вы меня знаете?

— Королева знает всех великих, что бродили по ледяным пустыням. Она помнит те страшные времена, когда материки были единым целым, времена, когда всё решалось щитом и мечом. Пауки были вынуждены сражаться на

одной из сторон, и не было конца тем битвам, а количество пролитой крови хватило бы, чтобы покраснели сами Великие воды. Твои хозяева были последними нашими союзниками в той войне, я была тогда ещё совсем маленькой, но отчётливо помню, как чёрные тучи заполонили небеса и мощные раскаты молний ударили в земную поверхность. Вспышки не прекращались ни на секунду, казалось, сами великие предки недовольны нами и мы бежали так быстро, как только могли. Земля сотрясалась под нашими шагами, потоки горящих вод сжигали всё на своём пути. В конце концов, мы оказались в Ледяных пустынях, твой хозяин построил для нас это место, скрыв его от нежелательных глаз.

— Хозяин? — спросил Феникс. — Это маг? Он был на стороне Хилонсов?

Паучиха задумалась, было видно, что её блестящие смоляные глаза медленно осматривали стоящих перед ней людей.

— Она не знает, это было очень давно, — ответила Сивилла.

— Больше похоже на то, что у нас когда-то были разногласия, и теперь она мне мстит. Ну да ладно, спасибо и на этом. Леонард, Елена, нам пора идти... — хотел было договорить Феникс, но тут же замер и пригнулся. Его примеру последовали Леонард и Елена, Сивилла с настороженностью взглянула на них.

— Леонард, Елена, быстро в сторону! Сивилла, уведи королеву! — скомандовал Феникс, а сам быстро побежал в сторону входа в пещеру. Но не успел он проделать и полпути, как прямоком в него прилетел огромный валун. Удар откинул Феникса прямоком в другой конец пещеры, где минуту назад стояла королева пауков, которая, к счастью, быстро удалилась.

— Далеко собрался?

Голос оказался для Леонарда знакомым, но он никак не мог понять, кому именно он принадлежит, пока в пещеру не вошел Годрик. Юный маг словно постарел за эти несколько дней: небольшая седина медленно, но верно окрасила виски, под глазами образовались тёмно-синие пятна, а весь лоб покрыли небольшие морщины.

— Не волнуйтесь, госпожа Феодарис, я разберусь с этими преступниками и доставлю Вас в замок, — сказал Годрик и вытащил из ножен за спиной два клинка.

Феникс к тому времени уже очнулся и понял задумку мага. Началась яростная дуэль. Несмотря на то, что противник Годрика был безоружен, уклонялся он от ударов так, словно предвидел всё. С каждым промахом маг злился всё сильнее, посылая в ответ ещё больше ударов. Феникс же сохранял хладнокровие, казалось, для него такая ситуация была рядовой, но он знал, что любое неверное движение будет стоить ему головы. Смертельный вальс переходил в неконтролируемое безумие, Леонард с яростью сжимал кулаки, но понимал, что если приблизится к магу хоть на несколько шагов, тут же превратится в кучку пепла. Елена тоже была полностью поглощена происходящим, пока не заметила, что от стоящей рядом Сивиллы и след простыл.

Бой шел добрых несколько минут; измотанный небольшими ранами Феникс уже еле переставлял ноги, примечая, какой следующий удар сделает противник. Тот не промедлил, проведя очередную волну атак, Годрик завершил всё толчком ноги. Удар пришёлся Фениксу в грудь и сбил его с ног. Юнец,

блистая в предвкушении триумфа, уже занёс клинки для финального удара, но стоило ему приблизиться к противнику, как по пещере прокатился звук щелчка.

— Недурно ты с безоружным, может, и детей убиваешь? — улыбаясь, спросила Сивилла.

Годрик было хотел обернуться и разрубить нахалку на части, но стоило ему повернуться, как он камнем рухнул на землю. Не понимая, что происходит, маг несколько раз пытался подняться с земли, но руки, казалось, превратились в веревки, в глазах всё расплывалось и смешалось, а ноги оставались неподвижны.

— Ведьма! — прокричал Годрик. — Что ты со мной сотворила?!

— Это называется изнеможение, оно бывает у обычных людей без сил магов, если преодолевать ледяную пустыню столько дней. А вот это, поднимая руку Годрика, продолжила Сивилла, называется браслет Немиры, он лишает чудесной силы магии любого, кто его наденет и снять его может лишь надевшая.

Разъярённый словами девушки, Годрик, собрав последние силы, схватился за один из клинков, постарался сделать атакующий бросок в её сторону. Сивилла, тут же поняв свою ошибку, постаралась отпрыгнуть назад, но оружие даже в таком случае достигло бы её. К счастью для девушки, Феникс уже стоял на ногах сбоку от неё и верным ударом ноги откинул Годрика на добрых восемь метров.

— Я его не ощущаю, похоже, он мертв.

Габриэль угрюмо посмотрел на стоящую рядом с ним ведьму. Одетая в свои серые лохмотья, сгорбленная старуха лет шестидесяти внимательно всматривалась в темную сферу, осторожно покручивая её.

— Значит, наша собачка погибла. Обидно, я-то надеялся, у него хватит сил... Идиот! Как он мог облажаться!

Ярость герцога эхом пронеслась по пустому тронному залу.

— Три дня. И всё впустую, — успокоившись, заключил Габриэль и поднялся с трона.

— Ты спровоцировал того парня и надеялся, что он решит твои проблемы?

— Он должен был убить, стереть убийцу своего учителя с лица земли!

— Хозяин будет не доволен. Мы не возьмём столицу, если не сможем подчинить себе того человека с площади.

— Не волнуйся, его создатели наверняка предвидели всё это и скоро он должен сделать свой следующий шаг, вот тогда... Ладно, спасибо и на том... И прими свой нормальный облик, у нас много работы.

Глава 9.

Новые возможности.

Годрик ещё раз ощупал землю вокруг себя, вместо твёрдой почвы он ощутил мягкий и густой мех. В непонимании маг постарался подняться и сесть, но от бессилия смог лишь приподнять голову, увиденное застало его врасплох. Годрик лежал на широкой меховой спине какого-то непонятного животного, а вокруг спокойно восседали герои.

— Очнулся, — заметил Леонард, сидевший напротив. — Я-то надеялся, ты уже сдох.

Годрик хотел было наброситься на наглеца и скинуть, но опять совершил лишь пару непонятных движений.

— Где...

— Где ты? Ну, если вкратце, ты мертв, а вон тот парень, — Сивилла указала на Феникса, — убил бы тебя, просто ещё раз ударив по твоему бездыханному телу, но, — девушка провела рукой по сидящим и остановилась на Елене, — но она спасла тебе жизнь.

Маг с трудностью перевел взгляд на Елену, девушка не поднимала глаз и что-то крутила в руках.

— Это не спасёт Вас... — пробормотал Годрик. — Мисс Феодарис...

— Грубо, однако, — перебил его Феникс, — мисс Феодарис спасла тебя от верной гибели, а ты всё огрызаешься. Я знаю, зачем ты здесь, но это не я убил твоего мастера, правда, прежде, чем ты начнёшь возмущаться, и снова будешь махать клинками...

Закончив на полпредложении, Феникс аккуратно вынул из поклажи небольшой белый мешочек и положил перед собой. Содержимое заставило Годрика забыть о боли, поверженный в шок, он трясущейся рукой потянулся к мешочку. Рука, та самая, которую маг отрубил своему учителю, высушенная, черная, на ней все ещё красовалась метка и рубиновое кольцо.

— Удивлен? Забавно, не правда ли? Только очень сильный маг мог заставить проклятье продолжать действовать, тебе показали труп?

— Учитель... Меня не допускали к нему долгое время, всё, что я видел, это его целую руку, торчащую из-под шкафа... Когда вы исчезли, Габриэль был в ярости... Он приказал отправить всех своих солдат на поиски...

— Как же ты нашёл нас? — перебил Леонард.

— Герцог сказал мне, что убийца был тот человек, что устроил дебош на улицах города. Желание мести захлестнула меня, и я, не медля ни секунды, отправился на поиски. Я не знал, где вас искать, пока огромный поток тёмной магии этого места чуть не сшиб меня с ног. Дальше всё просто: пещера с единственным путём привела прямиком к вам.

— Другие маги тоже могут нас выследить?! — очнулась Елена.

— Исключено, несмотря на масштаб вырвавшейся магии, маг должен находиться очень близко к источнику, чтобы точно определить его местоположение, — успокоила Сивилла. — А вот Феникс чует магию более точно, но сам не маг, занятно.

— Плевать, — уже более уверенно сказал Годрик, — если поможете мне добраться до герцога, я лично выбью из него всю правду.

— Помощь за помощь, господин маг, — продолжила Елена.

— Что вам нужно?

— Разрушить империю, — улыбнулся Феникс.

Опустилась занавес тишины, герои перевели свои взгляды на Годрика, тот всё ещё сжимал мертвую руку учителя.

— Хоть тысячи империй!

Ответ Годрика каждый воспринял по своему: Елена и Сивилла засияли от радости, Феникс одобрительно кивнул, передав ему белый мешочек.

Единственный, кто воздержался от эмоций, был Леонард — отец учил не доверять магам, и он не торопился.

Путь лежал не близкий, поэтому герои решили недолго подремать; ответственного за ввод в курс дела Годрика решили оставить Елену. Та с радостью согласилась, приняв извинения от мага. Она поведала ему, что тот пролежал со сломанными рёбрами четыре дня, и если бы Феникс ударил чуть сильнее, то убил бы его.

— Не забудь и про себя, — зевая, добавила Сивилла.

Добить Годрика, действительно, не дала именно Елена, правда, нанести ему удар хотел Леонард. Взяв один из выроненных клинков, он, полный решимости, ринулся к полумертвому телу мага. Но заметившая его Елена вовремя выхватила второй клинок и в последний момент отразила удар Леонарда. Звон металла сразу привлёк внимание Сивиллы и Феникса, которые еле оттащили разъярённого Хилонса от Годрика. Однако успокоить его смогло лишь обещание, что именно он отрубит голову магу, если тот откажется принимать их сторону. Об остальном позаботилась королева. Героев собрали за несколько часов, старые пожитки, к сожалению, найти не удалось, поэтому паукам пришлось быстро сплести им специальные походные мешки. Из еды же хозяева смогли предложить лишь шляпки съедобных грибов. Транспортным средством послужили гигантских размеров животные, на вид схожие с кротами.

Герои прибыли к концу пути в ночь, Годрик к этому времени уже свободно бродил по спине кротов. Отправив транспорт обратно к паукам, кампания, проваливаясь по колена в снег, продолжили свой путь. Риг, к счастью, оказался в двух часах ходьбы от места высадки, город-тюрьма, самое тёмное место во всей ледяной пустыни. Первыми показались чёрные башни, словно пронзая небеса, сливаясь с темнотой вокруг; к стенам тюрьмы никогда не приближалось ни одно животное, они излучали смерть и отчаяние. Леонард вспомнил, что когда он был маленьким, то слышал разговор двух знатных дам, которые с упованием рассказывали, казалось, об ужасных вещах. Они говорили, что город построен из двадцати семи объединённых тюрем, в которых содержали самых ярых бунтарей расы Хилонсов: не поддающихся дрессировки, смеялись дамы. Среди простого народа Риг носил имя Риготлос, что по древним письменам приравнивали к акрополю городу мертвых.

Герои не решились подходить слишком близко, и посему устроили перевал неподалеку от ведущей в Риг тропе, постоянно прокладываемой каретами с заключёнными. Леонард разложил специальную плетёную пауками палатку. Как уверяла Сивилла, такую даже огонь не возьмет. Елена всё так же спокойно общалась с Годриком, который вырыл из кучи вещей небольшой камень и спокойно точил свои клинки. Феникса потеряли ещё на подходах к устроенному лагерю, точнее, по его словам, он отправился на разведку и практически испарился в мгновение ока на добрые шесть часов.

Солнце уже было в зените, когда Феникс пришёл к назначенному месту. Встретил его Годрик, который вызвался постоять дежурным, так как он отдыхал добрых четыре дня. Проснувшись, все были рады увидеть друга и услышать, что хвоста за ними нет.

— Отлично, тогда, может, снимем с меня эту штуку! — обрадовался Годрик, указывая на браслет.

— Исключено, твоя сила известна герцогу и, думаю, запыляй она снова, сюда тут же слетятся маги из Рига, — отрезал Феникс.

— Что удалось выяснить? — спросил Леонард.

— Всё хуже, чем мы думали, на подступах к городу постоянно бродят патрули, чудо, что мы не застали их, проделывая путь в это место. Также у стен расположен огромный ров в несколько сотен метров и глубиной в тысячи миль: по всей видимости, не обошлось без магии. Единственный путь в город лежит через мост, который опускают несколько раз в сутки, чтобы принять вновь прибывших, — закончил доклад Феникс.

— А магия? — спросила Елена.

— Я не почувствовал сильной магии, но это не исключает большого количества слабых магов.

— Ну, вот и отлично! — подскочила Сивилла. — Мы возьмём и украдём карету, перевозящую преступников, переоденемся в их форму и проникнем в замок! Не так уж и сложно!

Все дружно переглянулись, план Сивиллы казался прост и гениален, особенно удивила скорость, с которой девушка его изложила.

— Нет, — сухо сказал Феникс. — Не получится, в каретах есть кучер и двое охранников, не более, остальные — это заключенные, сидящие внутри железной кареты. Однако, это полбеды, самые настоящие проблемы начнутся, когда мы прибудем в город. Там старая смена практически у самых ворот сдает карету с бунтарями другим возчикам.

— А те в, свою очередь, доставляют их в тюрьму, — закончила Елена.

Феникс кивнул, кампания приуныла. Было ещё много предложений, таких как: распутать мешки и связать длинную и прочную веревку, дабы перебраться через ров, а там вскарабкаться по стене, постараться вернуться в лабиринты пауков за помощью или же освободить силу Годрика. К всеобщему сожалению, практически все варианты рассыпались, не успев дозреть, но тут Годрик поднялся с места.

— Используем план Сивиллы, — заявил он, герои удивленно взглянули на него.

— Я уже сказал что...

— Согласен, Феникс, но иного пути у нас нет. Мы украдём карету и проберёмся в город, там двое из нас попадут в тюрьму, а ты с остальными перебыёте основной страх заключённых там: магов.

По палатке начался жаркий спор, одни были за, другие против. Сивилла и Леонард уверяли, что это крайне опасно и нужно подумать ещё, Годрик же с Еленой, наоборот, считали план весьма действенным, и только Феникс молча смотрел на эту картину.

— Хватит, — наконец выступил он, — план хоть и безумен, но не лишён здравого смысла. Нас сейчас интересует скорость и действенность, а этот план — единственное, что мы можем нам позволить. Леонард и Годрик, вы будете заключёнными, Сивилла и Елена пойдут со мной. Мы постараемся уложиться в пару дней, вам нужно лишь спокойно ждать, пока мы не убьём всех магов в

городе, а затем устроим революцию среди заключённых там. Правда, есть одно но — браслет должен оставаться на тебе, иначе нас легко вычислят.

Взгляд героев упал на Годрика, с задумчивым видом он потирал крепко вцепившийся в запястье браслет. Для мага в жизни не было ничего важнее своей силы, и лишиться её означало верную смерть.

— Просто постарайтесь не опаздывать, — заключил Годрик.

— А если его заметят? — Сивилла аккуратно коснулась браслета, и он слился с рукой мага.

Обсудив оставшиеся детали плана, герои поспешили уложить вещи по мешкам, затем, решив не брать ничего с собой в город, кроме оружия, спрятали пожитки неподалёку от дороги. Дальше дело оставалось за малым: карета с заключённым не заставила себя ждать, и появилась уже через час после того, как компания расположилась в засаде. Заметивший на подходах цель, Леонард быстро сбежал с дальнего холма, предварительно подав всем знак о готовности. Как и говорил Феникс, на приближающейся железной карете в чёрных меховых одеяниях восседали трое явно подвыпивших человека, которые громко распевали свои песни вперемешку с бранью. Первым выступил Феникс — закопанный под небольшим слоем снега у дороги, он с криком возник перед несущимися скакунами. Четыре лошади, увидев снежного человека, испугались, постарались свернуть с пути, но этим перевернули железную карету и снесли её Феникса. Восседавшие на карете охранники кубарем полетели в заснеженные сугробы, к которым, не теряя времени, подбежали Елена, Сивилла и Годрик; но, к их удивлению, пьяное сопровождение уже выбралось, и было готово биться насмерть. Завязалась драка, герои, рассчитывая на лёгкую победу, вынуждены были отбиваться от искусных фехтовальщиков, что значительно усложнило их задачу. Наиболее подготовленным оказался кучер: мастерски управляясь мечом, он успел ещё и давать свой комментарий к каждому движению Годрика, что изрядно бесило того. Сивилле же достался менее подготовленный, но превышающий её практически в два раза силач, чьим оружием был огромный топор, который он носил за спиной. Противником Елены и вовсе оказался не человек — брюхастый, волосатый монстр, с огромными клыками тяжело дыша, поигрывал булавой. Девушка, к счастью, была вооружена подаренным королевой пауков ятаганом: лёгкое оружие хорошо подходило ей. Елена играючи уклонялась от атак монстра, заставляя того практически задыхаться от каждого взмаха, клинок достиг его на третий удар. Сделав шаг вперёд, он занес булаву, но не успел опустить её, как ятаган сверкнул у самой шеи нападающего. Свиной визг было последнее, что издал монстр, скорчившись на красном снегу. Закончив с ним, Елена хищным взглядом взглянула на врага Сивиллы. В этот момент та, отражая последний удар огромного топора, отлетела на несколько метров прямоком в снежный сугроб. Однако, стоило палачу отвлечься, как ятаган вонзился в его ногу, заставив согнуться вдвое. Вынув клинок, Елена добила громилу ударом в шею. Оружие вошло по рукоятку, моментально убив противника Сивиллы. Дело оставалось за последним, самым сложным противником. Годрик уже еле отбивал удары фехтовальщика, клинок практически уже касался мага. Елена рассчитывала провернуть с ним тот же трюк — подкрадываясь, она уже занесла свой ятаган, но тот того и ждал.

Выполнив еще один выпад, он выбил из рук Годрика оружие, заставив того отступить на два шага, а сам с ехидной улыбкой развернулся к Елене, застав девушку врасплох. Мгновение отделяло её от гибели, мгновение, и клинок пронзил бы тело Феодарис, но подоспевший вовремя Леонард с ювелирной точностью запустил небольшой топорик в противника, отчего тот упал, поражённый в спину.

Спрятать трупы доверили выбравшемуся из-под кареты Фениксу. К сожалению, вместе с ними пришлось закопать в снегу и убитого заключенного. Старик, которого перевозили, скончался от сильного удара головой, но как не прискорбно было бы героям, такой расклад оказался им только на руку. Оставив свое оружие, Леонард и Годрик уселись на железный пол, в последний раз взглянув на переодетых друзей. Одежду пришлось сильно укоротить, но даже после этого меховая накидка еле держалась на всех, кроме Елены, которой досталась одежда фехтовальщика, что пришлась ей в пору и которую, по словам Сивиллы, она заслужила.

Путь у героев занял меньше получаса. За всё время сидевшие внутри кареты Леонард и Годрик ни разу ничего не сказали. Однако, подъехав ближе к стенам города, молчание набросилось и на других. Маленькие холмики, располагавшиеся по сторонам от дороги, постепенно превратились в небольшие по размерам горы... Горы из тысяч, а то и миллионов трупов, которые даже не удосуживались далеко убирать, хотя из-за низкой температуры этого и не требовалось. Убитые так и застывали с гримасой боли на лице.

— Некоторых так и убивали, — нарушила молчание Елена, — в Эпифии люди... Они говорили, что Хилонсов раздевали и выгоняли из города. Истекающих кровью, с отрубленными пальцами, изнеможенных, замученных чуть ли не до смерти.

Слёзы потекли по её щекам, казалось, сильная девушка, недавно убившая двух человек, сейчас смотрела куда-то вдаль.

— Помнишь, когда ты пришла в мою темницу? — спросил Феникс.

— Не заставляй меня напоминать о разговоре в ней. А теперь заканчивай, а то мы станем частью здешнего ландшафта.

Елена слегка улыбнулась и, вытерев слезы, подвинулась чуть ближе к Фениксу.

Вскоре карета уже ехала по каменистому мосту, проложенному над пропастью вокруг города. За вновь прибывшими героями тут же подлетели несколько солдат, одетых в чёрные доспехи и красные мантии. Стараясь скрыть Елену и Сивиллу, Феникс, опережая охрану, постучал по карете и провернул ключ в замке. По сигналу Годрик и Леонард, словно бешеные псы, налетели на своего перевозчика, завязавшаяся потасовка сразу привлекла внимание солдат. Разговор оказался короче, чем рассчитывал Феникс — не мешкая, охранники сильным ударом оглушили двух бунтовщиков и отволокли за стальную дверь.

Глава 10.

Город-тюрьма.

Рив, город, в котором нет дорог, ведущих из него, мрачный, тёмный, в нём обитали лишь солдаты со своими семьями и были построены специальные таверны для знати. В высших кругах Эпифиратов Рив больше известен как место развлечений. Тут на потеху большим людям, так обильно прибывающим изо дня в день, устраивались гладиаторские бои между заключёнными и, ещё чаще, казни. Фантазия в этом плане никогда не подводила, практически каждый день придумывали всё новые и новые способы как-то по-особенному лишить человека жизни. Нередкие для такого города бунты легко подавлялись преимущественно пятью магами города с достаточной военной силой. Однако, каждая такая выходка заставляла пересматривать архитектурные решения. Арену построили прямо в центре, она состояла из двадцати одной тюрьмы, соединенных между собой по окружности. Частенько на потеху публике из клеток выволакивали несколько Хилонсов, заставляя сражаться между собой. Помимо арены были и другие тюрьмы, различающиеся по заключенным — в восточной, например, держали главарей восстаний или мелких банд. Юго-западная славилась тем, что в неё набирали только специальных смертников, чья жизнь могла закончиться на следующий день для удовольствия тех, кто платит. В северной тюрьме обитали стальные демоны — люди, чьё лицо было заковано в железные маски, их личность тщательно скрывали, но, по слухам, там обитали самые серьёзные враги короны. Но слухи оставались слухами.

Больших площадей у города не было, практически все здания находились в двухшаговой близости, что превращало улицы в реки помоев. Плохая жизнь преследовала не только рабов, но и местных: частые болезни, перебои в доставке провианта. Солдаты Эпифиратов делали всё, чтобы не попасть в это гибельное место, а, попадая в него, навсегда утопали в крови.

Леонард почувствовал, как что-то сильно впилось в его ногу, и быстро подскочил от острой боли. Покусившееся на парня существо оказалось большой черной крысой, которая решила пожить.

— Пошла прочь, проклятая тварь! — рявкнул Леонард, но крыса и не намеревалась уходить, прорывав что-то на своем языке парню; она, сверкая жёлтыми глазами, уселась в тёмном углу комнаты. «Наглая, зараза, я ещё доберусь до тебя!», — пронеслось в его голове.

— Ха-ха, вы гляньте-ка, живой! — донёсся хриплый голос.

Тюрьма Годрика и Леонарда была расположена внутри на самом нижнем уровне, а если точнее, то это была вырытая огромная яма. Солнечного света в это место не попадало, и поэтому всё заросло ядовитыми бледными плесневыми грибами, чьи споры оседали в организме человека и через несколько месяцев прорастали, добираясь до мозга. К счастью для героев, такие события ждали тех, кто обитал в яме больше полугода, а таких было единицы: большинство погибало на арене.

Годрик очнулся чуть раньше Леонарда и уже спокойно разговаривал с сидевшими на каменных глыбах заключёнными.

— Значит, вы из самого Сероса? Как же вас угораздило попасть сюда? — продолжал заключенный.

— А вы не слышали? Там прошла волна негодований среди рабов, — ответил Годрик.

— Неожиданно, с чем же это связано? — заинтриговался заключённый.

— Феникс... — влез Леонард. — То есть, появился человек, способный убивать магов.

Закончив предложение, Леонард почувствовал, как все взгляды устремились к нему, двое из заключённых, стоящих неподалеку от него, повалили парня на землю и быстро скрутили.

— Что вы творите!?! — выкрикнул Леонард.

— Заткнись, идиот, — прорычал Годрик.

— Парень, слухи о вас уже давно расползлись по окраинам, даже самый последний раб в этой тюрьме знает, что про вашу кампанию, — спокойно пояснял сидевший на камне заключённый. — Разумеется, дабы не посеять смуту среди рабов, про твоего друга Феникса, правильно? Про Феникса умолчали, и тут ты практически выдаёшь нам вас на блюдце, думаю, за такую информацию меня не только помилуют, но и сделают почетным гражданином Эпифиратов.

— Только попробуй, я тебе и твоим головорезам перегрызу горло, а этого предателя выпотрошу, — огрызнулся Леонард.

— Хорошо, однако, отложим эту казнь. Твой друг, к счастью для тебя, немного умнее, и, прежде чем распространяться, выяснил, что сюда попадают самые отъявленные враги Эпифиратов.

— А если точнее, узнал великого всадника смерти Дариуса Тирона.

— Дариус Тирон! — поднявшись, удивился Леонард. — Я слышал о Вас, отец рассказывал, как Вы отбили целый город и продержались там больше трех месяцев, убив свыше десяти тысяч Эпифиратов!

— Дариус поможет нам в нашем деле, — перебил Годрик, — но распространять информацию он будет сам, нельзя вот так предлагать каждому встречному устроить бунт. Так что заткнись и постарайся посидеть спокойно пару дней, понял?

— Я сам прекрасно знаю, что мне делать, маг, — процедил сквозь зубы Леонард.

— Да неужели? Ты только что чуть не погубил весь план! Ты — импульсивный идиот, без чужого напутствия ты даже шага не сделаешь! Кажется, у вас с братом один ум на двоих!

Упавшая капля переполнила Леонарда, расвирепев, он накинулся на Годрика, пару ударов пришлось прямоком по лицу мага, от третьего он, к счастью, сумел уклониться. Если бы Елена тогда знала, что не стоит посвящать новообретённого союзника во все детали их путешествия, то, возможно, этого и не было, однако, случилось, что случилось. Драка между Леонардом и Годриком в секунды переросла в массовую потасовку — летели зубы, трещали черепа, ломались руки, и только Дариус молча восседал на своем камне, на нём даже не было ни единого клочка грязи.

У ямы с другой стороны уже собралось приличное количество солдат, толпа, не прекращая смеяться, повышали ставки. Возможно, пленники перебили бы друг друга, но тут из парадного входа вышел человек, одетый в темно-синюю мантию с золотистыми узорами. Лицо в темноте было не разглядеть, но как только один из солдат заметил приближающуюся фигуру, тут же скомандовал «смирно». Ферорал Бат был магом тюремного города, один

из пяти существующих, величественный, переполненный таинственностью, лицо его всегда скрывала чёрная маска, а с запястий свисали каменные кандалы. Ферорал медленно приблизился к яме, его сапоги, собирая всё больше грязи, замерли.

— Остановить, зачинщиков направить в одиночку, если не убьют друг друга сейчас, выпустить на арену завтра, — произнес он. — Что-то не понятно?

Слова мага словно хлыст подействовали на некогда расхлябанных солдат, подобно рою пчел, они вихрем доставили необходимую лестницу, и уже через несколько минут было убито трое наиболее ярых Хилонсов.

— Кто из вас, паршивых псов, это устроил?! Ты, — ткнул один из солдат в Дариуса, — ты точно знаешь, кто это был! Отвечай, живо!

— Леон, ты же знаешь, парни, как всегда, спорили, кто лучше ублажал твою жену этой ночью, вспыхнул небольшой конфликт...

— Заткнись! Шутки любишь? Ну что же, маг сказал найти зачинщика, похоже, они все тут зачинщики, — по толпе солдат прокатился гогот. — Тащите их всех, завтра у мантикор будет знатный пир!

— Жаль, конечно, особенно твою жену, — по рядам пронёсся смех, но он тут же утих, когда Леон проткнул мечом одного из смеющихся.

Достать пленников из ямы оказалось делом затруднительным, переломанные кости затрудняли передвижение, да и карабкаться из грязи по лестнице было не просто. Когда последний из Хилонсов выбрался, от Ферорала и след простыл.

— Всех разместить поблизости, завтра заковать в кандалы, оружие не выдавать, — скомандовал солдат.

Заключённые Рига впервые за много лет увидели столь массовый перевод заключённых. Восемнадцать человек шли по коридорам мрачной темницы, грязные, обросшие, бледные, хромающие, но живые, хоть и временно.

Леонард, Годрик и Дариус шагали друг за другом, посему были закованы в кандалы и брошены в рядом располагающиеся одиночки. Такие камеры были очень маленькие, едва ли полтора метра в высоту и три в ширину, людей там не кормили из-за довольно большого обилия крыс, которых заключенные так часто употребляли. Однако, вытащить заключенного из одиночки было не просто, прибегали к разным методам, например: разогревали железный пол или же использовали специальный крюк, у многих после него оставались небольшие отверстия размером с большой палец.

— День, один день, и ты не смог унять себя, — продолжил Годрик, когда ушли охранники.

— Я не смог, ты то...

— Довольно! — перебил Леонарда Дариус. — Видели бы вы себя со стороны, дети вырастут быстрее вас, знаете, в чем ваша проблема? Вы не видите перед собой цели. Человек может всю жизнь прожить, ставя перед собой ложные задачи, искать ответы на вопросы, которые ему не нужны. У вас есть цель, просто нужно выполнить эту миссию, забудьте о ваших мелких разногласиях. Ваш враг не дремлет и с каждым восходом солнца становится всё сильнее, а ваши друзья рассчитывают на вас!

Леонард и Годрик в один миг опустили глаза — и вправду, они забыли, зачем прибыли в Рив, что где-то там их друзья прилагают все силы, дабы покончить с тиранией ледяных пустынь.

— Годрик? — позвал Леонард. — Я ненавижу тебя, то, что ты есть, твою сущность и всё, что с ней связано. Но Дариус прав — мы тут не ради себя — Феникс, Елена, Сивилла, они надеются. Я убью тебя, задушу голыми руками, но сначала дело.

— Тогда твоим рукам придется заняться, чем-нибудь другим, пока я не достану убийцу... В общем, да, я убью тебя чуть позже, не так пафосно, — улыбнулся Годрик, — возможно, порублю на корм собакам.

Утро в этой части ледяной пустыни всегда было крайне холодным. Ветер медленно покачивал проржавевшие и обледеневшие клетки, которые в обильном количестве висели по обе стороны дороги. Толпы крыс с важным видом восседали на тележке с горой трупов, пируя недавно убитыми на арене. В отличие от Сероса, жизнь в Риве начиналась, когда солнце достигало своего зенита.

Проснулся Леонард от того, что услышал, как Годрик общался с Дариусом. Разговор начался уже давно и вёлся на абсолютно обыденные темы. Подниматься Леонарду не хотелось, он редко мог позволить себе так долго поспать, и даже холодный железный пол мало смущал его. Свернувшись клубком, он прокручивал в голове моменты своей жизни, дурачество с младшим братом, помощь матери и отцу, в те дни ему казалось, что он свободен.

— Леонард? Леонард? Хватит спать, а то твой друг уже нацелился на твою похлебку, — засмеялся Дариус.

После слов Дариуса Леонард взлетел, как ошпаренный — он знал, о каком друге идёт речь. Чуть не проломив головой потолок, парень вслепую выкинул вперёд сжатый кулак, который прилетел прямиком по «другу».

— Пошла прочь, чумная тварь! Я думал, тебя в той яме закопали!

От полученного удара крыса, издавая практически предсмертный писк, отлетела обратно к входу и быстро удалилась через небольшое окошко.

Похлёбка оказалась вполне приемлемым завтраком, состоящим из хорошо приготовленной курицы и пары кусков свежего хлеба, таких щедрых подаваний Леонард не получал даже за целые месяца работы.

— Если бы меня всегда так кормили, давно бы начал бунтовать... — приговаривал он, дожёвывая кусок курицы.

— Ты о чём это, я чуть последних зубов не лишился! — прозвучал незнакомый голос одного из заключённых.

— Похоже, повезло только тебе... — заметил Дариус.

— Возможно, не только, — перебил его Годрик, — хлебу?

Леонард и Годрик получили одинаковую, отличную от других, трапезу. Как потом рассказал Дариус, к ним ночью приходил один из солдат и что-то подложил через окошко для еды. Первым удалось разбудить Годрика, Дариус решил, что в посылке может быть что-то опасное, но маг успокоил его, заметив чашу с едой. Пробовать, правда, Годрик не спешил, опасаясь отравления, но особого смысла в их отравлении не было, особенно столь хорошим завтраком.

Вскоре солнце уже всю сияло над городом, холодные тени города мрачно бродили по лабиринтам улиц, приветствуя новых влиятельных гостей. Граждане принялись постепенно скапливаться к арене, бои на смерть для приезжих были главным развлечением, а для местных — это способ заработка.

Арена была выполнена в виде идеального круга, окруженная концентрическими кольцами, местами для зрителей. Натянутый серый тент защищал зрителей от порой яркого, но всё такого же холодного солнца. Крепился он на специальные деревянные балки, расставленные по краям стены. В арену помещалось, по меньшей мере, восемьдесят тысяч зрителей, которые располагались на местах согласно своим сословиям.

Первой на арену выпустили конницу. Запряжённые попарно лошади быстро тащили за собой колесницу со знатными гостями города и лично правителем Рига. Уже давно заплывший от жира, отупевший до уровня дряхлого пня, с неизменно стеклянным взглядом, он лениво махал своей рукой, пытаясь изобразить эмоцию радости и поприветствовать народ. Людей в тот день собралось немало, практически, как в первые дни существования арены. Колесницы, сделав всего пару кругов, по приказанию правителя замерли прямоком у подножья его ложа, там же, дождавшись остальных наездников, запустили хитрый механизм, который привёл в действие систему противовесов. Сначала послышался сильный треск под ногами правителя — он даже заволновался, что система опять не выдержит его веса и придётся подниматься пешком. Однако, слегка потрескивая, квадратная деревянная платформа затряслась под ногами наездников, и они, хоть медленно, но всё же поползли вверх. Правитель с облегчением вздохнул и, достигнув нужного уровня, плюхнулся на своё законное место, отдав глашатаю приказ начинать.

Снег вперемешку с песком задрожал под аплодисменты толпы и топот забегающих со всех сторон гладиаторов. Гладиаторы были хорошо подготовленные воины со всех уголков ледяных пустынь, от обычных воинов их отличали военная подготовка и сноровка. В такие бойцы чаще всего шли из-за долгов, за которые не могли расплатиться, а Эпифиратия всегда славилась своей банковской системой с, казалось, не такими уж и большими процентами, но это только так казалось.

По дрожащему потолку, с которого сыпались клубы песка и пыли, Годрик определял, насколько яростно протекали стычки. Он часто путешествовал с учителем, но об арене никогда не слышал, либо не обращал внимания. Сейчас ему казалось, что там над ним бьются огромные великаны, посыпающие друг друга сокрушающими ударами дубины. Откуда же было Годрику знать, что представление подходило к своему четвёртому акту, который включал в себя парад животных? Содержали зоопарк неподалёку от арены в старой более обширной тюрьме, которую использовали для огров, когда их было достаточное количество.

Время для Леонарда потеряло своего должного значения, ему казалось, что он сидел тут добрую вечность. Однако, услышав звук шагающей охраны, он насторожился.

— Пошевеливайтесь! Скоро приступаем к жертвоприношению! — прорычал один из подходящих к одиночкам охранник, в котором узнали Леона.

Большинство заключённых повиновались и спокойно следовали приказам, но один телохранитель Дариуса, не успев показаться из камеры, тут же налетел на одного из солдат. Одним ударом он сшиб того с ног и, насколько возможно, постарался вырубить второго, до которого дотягивался, но получил от того удар меча под ребра.

— Твоя свинка, Дариус? — ухмыльнувшись, пнул труп Леон. — Жаль, я-то думал, лично займусь им. Ну да будет, Тобиас, подъём, хватит валяться!

— Сэр. Тобиас мёртв.

— Жаль. Сержант, прикажите убрать тело, — отдал команду Леон.

— Приказать готовить яму? — спросил охранник.

— Нет, в общую кучу и за город. Остальные — за мной. Что уставились, живо!

Заключённые, гремя цепями, зашагали в сторону выхода на арену.

Глава 11.

Первый удар.

Толпа ликовала, большинство приходило на арену только ради этого момента. Город был не только тюрьмой, но и одним из самых больших скоплений религиозных фанатиков. Их было не меньше одной четвертой от основной части жителей, и это число постоянно росло, так что религиозное жертвоприношение приводило многих в благоговейный восторг. Манतिकоры: грозные стражи города-тюрьмы, священное животное, его символ, тело и голова красного льва, хвост скорпиона. Хищники имели три ряда зубов, зелёные глаза, густую чёрную гриву и золотые когти на огромных лапах. На арене манतिकоры выступали в качестве самого страшного наказания для Хилонсов, их острый хвост парализовал жертву, и со временем, растекаясь по всему телу, заставлял испытывать адскую боль. Зараженных хищники не ели. Их отлично кормили, и поэтому они просто совершали обрядные жертвоприношения; умирали люди чаще всего от болевого шока, более живучим отрубали головы. Умерших же проносили вдоль улиц, окропляя встречающиеся на пути жилища, а после свешивали со стен города, призывая благословение создателей.

Годрика, Леонарда, Дариуса и остальных заключённых провели через главный вход на арену под радостный гул толпы. Зазвучал бой барабанов, эхом разносившийся по городу, дополняемый церковными колоколами, шум действовал на жителей мистическим образом. Церемония продолжалась, пока все заключённые не вышли на арену, и закончилась, когда управляющий городом боров с явным усилием не поднялся со своего места.

— Дорогие жители величественного города Рива, я, Лобиард Грин, ваш правитель, с огромной радостью объявляю об окончании великого праздника! — толпа одобрительно заликовала, пока боров не поднял руку. — Этот век показал, как важна наша работа, как важно каждому из здесь присутствующих выполнять требования великих создателей! Враги империи должны быть преданы великому суду! Да сияет величие империи и пусть дарует создатель вечную жизнь императору!

Толпа разразилась ещё более радостным воплем, настолько сильным, что по коже Леонарда пробежал лёгкий холодок. Манतिकоры стояли смиренно, как статуи: эти мистические животные относились к одним из самых яростных и неприручаемых хищников. Однако, магия — великая вещь, Годрик сразу узнал выжженные на шее манतिकор старинные руны подчинения.

— А вот это интересно, — со спокойным лицом заметил Годрик. — Похоже, дело совсем плохо.

— Ты только сейчас это заметил? — приподняв бровь, поинтересовался Дариус. — Может, и ты выскажешься?

Леонард предпочел воздержаться, смерть ему казалась не лучшим поводом для шуток или острот.

По арене разлетелся удар самого большого барабана. Звук заставил манतिकор податься на несколько шагов вперед. Ведомые лишь установленными ритуалами правилами, сдерживая животные порывы, они, словно заводные игрушки, зашагали к жертвам. Пленники постарались было отступить, но цепь, зазвенев, дала понять, что намертво приколочена двумя концами к выступающим каменным платформам арены. Лишь один человек безразлично глядел на приближающихся существ.

— Надеюсь, ты мной подавишься, — произнёс Дариус.

Было видно, что манतिकоры не привыкли видеть на лицах людей что-либо, кроме ужаса. Страх — вот что они всегда вызывали у людей, а от этого представителя человеческого рода разило храбростью и непоколебимостью. Правда, надолго это хищников не задержало, первым набросился самый крупный из них. Мистическое существо с диким рёвом в один прыжок сбilo Дариуса с ног. За вожаком последовали и остальные, хвостами манतिकоры старались не орудовать, жертвы редко могли оказать должного сопротивления, а яд делал мясо сухим и твердым. Начался всеми излюбленный кровавый ритуал: с завидным преимуществом хищники разрывали находящихся в оковах заключённых, но были и те, с которыми справиться оказалось не так-то просто. Леонард относился именно к таким, умудрившись просунуть в пасть манतिकоре цепь, которую тот с легкостью перекусил. Воспользовавшись предоставленной свободой, Годрик быстро добрался до Дариуса и сильным ударом своего браслета отвлек восседающего над ним хищника. Дариус лежал в полуобморочном состоянии, его правая рука была полностью раздроблена, а он сам тщетно пытался подняться из лужи крови.

— Бр...Лет... бра... — пытался что-то выговорить он в полголоса.

Годрик хотел было нанести ещё один удар по манतिकоре, но та была уже готова, грозному хищнику такая дерзость оказалось не по душе. Хвост скорпиона со свистом полетел в сторону мага и насквозь пробил его. Кровавое пятно медленно выступило на его одежде. Увидевший это Леонард стремительно бросился к застывшему от неожиданности Годрику.

— Чертова тварь, я прикончу тебя! — прокричал он.

Однако, стоило Леонарду приблизиться к манतिकоре, как поднявшаяся рука остановила его. Парень чуть не упал от изумления — Годрик стоял по другую сторону от своего трупа.

Дальнейшие события повергли в шок всех находившихся тогда на трибунах арены. Оказавшийся в живых, маг одним ударом своего клинка

разрубил стоявшую на Дариусе мантикору, рубить пришлось слева направо, дабы случайно не задеть её жертву. Удивлению публики не было предела — откуда ни возьмись, в руках заключенных, как по волшебству, начало появляться разного рода оружие, которым они мастерски принялись отбиваться от хищников.

— Вытащи Дариуса, — приказал Годрик.

— Снова думаешь, что можешь мне приказывать? — спросил Леонард.

— Это скорее дружеская просьба, — ответил маг и, изготовив клинок, понесся на очередную мантикору.

После этих слов Леонард почувствовал, как его рука потяжелела и сжимает что-то похожее на рукоять меча. Опустив глаза, юноша увидел, что держит в руках сверкающий на солнце фламберг, оружие, каким пользовались его предки до рабства. Подарок пришёлся ему по душе, скинув со всё ещё живого, но еле дышащего, Дариуса труп мантикору, Леонард осторожно помог ему встать и медленно последовал к выходу.

Творившееся внизу безумство заставило всех восседающих на балконе нервно ёрзать на своих местах.

— Так и должно быть, Лобиард? — не выдержала одна из гостей.

Лобиард Грин ничего не мог ответить — случившееся на арене обязывало его немедленно всё прекратить и отдать команду магам разобраться с проблемой, но так правитель Рива подписывал себе приговор очутиться в железной маске среди заключённых, ведь император не прощал ошибок.

— Всё в порядке, мадам, прошу, не беспокойтесь, — послышался женский голос со стороны входной двери.

— Кто вы такая?! Сержант Леон, выведите её отсюда!

— Боюсь, проблема в том, что Вы не совсем видите полной картины. В общем... — она развернула небольшой пергамент — Приказываю, Лобиарду Грину, назначенного тираном императором, — девушка сделала паузу, так было прописано, возникший эффект возмущения был достигнут, — сдать город, сложить оружие, всех мирных граждан запереть на неопределённое время в своих домах. В случае... Ладно, если проще, Вас убью. Лично Вас прямо сейчас, если дадите неверный ответ, так что? Только быстро — там кровавая бойня, и я бы хотела...

— Заткнитесь, — возмутился и вскочил один из гостей, — как Вы смеете приходить в этот город и отдавать приказы!? Вас казнят! А тебя, ведьма проклятая, повесят прямо на...

— Убить.

После этого приказа стоявший неподалеку от возмущенного гостя сержант Леон одним взмахом руки перерубил наглеца в районе грудной клетки, тот даже не успел понять, что произошло. Гости от такого зрелища затряслись, словно осенние листья во время сильного ветра. Верхняя часть трупа тем временем медленно сползала, а под конец завалилась вместе со всем телом.

— Благодарю тебя, Леон.

Сержант стоял с пустым взглядом, его руки в момент покрылись синими трупными пятнами, на голове проступили седые волосы, а на одежде образовалось красное пятно.

— Эх, убили тебя вроде так давно, а кровь все хлещет, ладно, — сметая пергамент, рассуждала девушка, — хотели по-хорошему, но раз так... Леон уби...

— Сивилла.

В задней двери показалась еще одна женщина, но эту Грин узнал. Мария Ланарта была знаменитым мастером кузнечного дела, её привезли из далекого Торбада, где она производила клинки наивысшего качества для королевской армии, а как потом выяснилось, и для бунтовщиков. Мастер оружейного дела, она часами могла работать без отдыха, её широкие руки были стёрты от постоянных мозолей, лицо красное, словно она только отошла от печи, а волосы грубо отрезаны до уровня плеч.

— Феникс сказал, что наша задача снизить убийства до минимума, а не устраивать бойню, — сказала Мария, перекладывая молот с руки в руку.

— Скучно, — протянула Сивилла, — и ты скучная, надо было брать Елену, она бы не возражала. Может, хотя-бы толстого выкинем с балкона? Думаю, он весело шмякнется о землю... — словно взмолилась Сивилла.

От этих слов Лобиярду Грину сделалось дурно, если бы он в это время стоял на ногах то, несомненно, упал в обморок.

— Замолчи, пожалуйста, от тебя голова раскалывается, и займись своей частью плана.

Сивилла улыбнулась и, скорчив рожицу, высунула язык, но, поймав на себе взгляд Марии, развела руками.

На арене становилось всё жарче — все мантикоры лежали, порубленные на куски, либо корчились в предсмертных агониях. Компания из семи выживших под руководством Леонарда быстро продвигалась по опустевшим тюремным коридорам. Сильно изнеможённого от магии Годрика и полуживого Дариуса в середине строя несли два не сильно раненых бугая, замыкала строй та самая крыса, что чуть не поживилась Леонардо.

Город погрузился в хаос, разрозненные группировки солдат тщетно пытались остановить нарастающие волнения. Узкие улицы быстро заполнялись всё новыми трупами, постоянные удары колоколов становились всё громче, а нескоординированный гарнизон города в панике удирал со своих постов. Выйдя на улицу, Леонард чуть не поймал стрелу, но та, к счастью, прошла, практически коснувшись носа.

— Туда, живо! — приказал он, указывая на соседнюю выбитую дверь.

Помещение, на которое указал Леонард, оказалось таверной напротив арены, в обычные дни там собирались оставшиеся в живых гладиаторы. Сейчас же в таверне было несколько трупов и полная разруха, перевёрнутые столы, разбитые бутылки.

— Положите их на стол, перевяжите раны Дариуса, найдите целую бутылку спиртного, и обработайте раны. Вы, двое, займитесь, остальные — за мной.

— А что делать с парнем? — один из бугаёв указал на Годрика.

— Ему тоже стоит обработать раны, только душевные, налейте и дайте выпить.

— Эй... Леонард... — полуживым голосом позвал Годрик. — Если ты думаешь... Умереть там... Я тебя в загробном мире достану...

— Там и встретимся, маг, — усмехнулся Леонард и кивком указал назначенным людям на дверь.

Улицы восприняли их всё так же неблагоприятно, солдаты города реорганизовались и предприняли несколько попыток отбить хотя бы немного земли. Леонард со своей группой присоединились к одному из отрядов бунтовщиков, которые теснили Эпифиратов к воротам.

Глава 12.

Последствия.

— Они приняли еду и воду, — словно заранее зная вопрос, отвечала Елена.

— Ну, поздравляю! У нас прибавилось ртов, — сухо сказал Леонард и, допив пиво, поставил кружку на стол, по тронному залу Рива пронеслось эхо. Елена бросила грозный взгляд в сторону парня.

— Феникс приказал не трогать мирных граждан! — отрезала она.

— Согласна, — проснулась Сивилла, — одно дело убивать способных дать отпор, другое дело устраивать резню среди простого населения. Эй! Прекращай играть в мёртвого и налей мне, — возмутилась девушка и пнула спящего на подносе Годрика. Маг встрепенулся, в его голове всё ещё звучали звуки вчерашней пьянки. Он многого не помнил, например, как на его ноге оказался сточенный капкан и почему лежал на подносе. Вопросы так же вызывала комната, в которой он лежал — огромной высоты потолок, поддерживаемый каменными колоннами, меж которых располагались небольшие каминные. Стол, на котором лежал маг, был квадратным, по ширине не уступавший размерам комнаты, а в центре — со специальной сценой.

— Мы взяли город? — еле шевеля языком, выдавил он.

— О, как! Ему больше не наливать. А так три дня, как город под контролем Дариуса и своры его ребятишек, — доложила Сивилла. — Плеснёшь?

— А Феникс? — потянулся за кувшином Годрик.

— Ещё не оправился. Ты хоть что-то помнишь?!

Годрик измученно покачал головой.

— Ну, на самом деле Сивилла преувеличивает, так бурно реагируя, — вмешалась Елена. — В момент, когда ты потерял сознание, ваш отряд во главе с Леонардом присоединился к наступающей с восточной стороны группе заключённых. Битва была крайне кровопролитной, тяжело контролировать снующие толпы бунтовщиков, не так давно ощутивших свободу. Со стратегической точки зрения нам повезло намного больше, чем противнику, но... В общем, трупы, которые были разбросаны по улицам города, носили преимущественно одежду и доспехи Эрифиратов.

— Не ожидавшие такого резкого удара горожане, — продолжил Леонард, заметя смятение Елены, — поспешили к северо-восточной части города. Там они укрылись в старинной церквушке-крепости, по планировке не уступающей здешнему замку. Остальные, на своё несчастье, решили прорываться через южные ворота... Несчастье... Они... Они ещё мало заплатили за муки моего народа... Тысячи убитых... — усмехнулся Леонард и отхлебнул пива.

— Заткнись, идиот! Иди и проспись! — отрезала Сивилла. — Прости, Елена.

Леонард умолк, пьяный бред сняло, как рукой. Неловкое молчание продлилось еще несколько минут, но, так и не сумев ничего придумать, Леонард швырнул в горящий камин пустую кружку, затем, тяжело поднявшись, пошёл в сторону выхода.

— Я думаю, лучше повременить с дальнейшими деталями, — сказал Годрик.

— Люди, мирные, солдаты, большинство ринулось к воротам, — продолжила. — Это была моя оплошность, когда мы прибыли в город, Феникс составил временный план. С магами мы разобрались довольно быстро, никто из них не шёл ни в какое сравнение с Фениксом. Вскоре нам рассказали, что тебя и Леонарда закинули в «выгребную яму», тогда он решил переодеться. Ферорал Бат был первым убитым магом, так что именно его одежду одел Феникс и проник к вам, оттуда он перенаправил вас в одиночные камеры и готовил последние приготовления к новому плану. Плану, который я испортила... Из-за меня погибли те тысячи...

— Елена, пожалуйста...

— Сивилла, я в порядке. Всё казалось просто: Сивилла и Мария должны были убить последнего мага, который мог почувствовать тебя, потом Феникс съел бы мантикор и выступил с речью. Но всех бы он не убедил, тут нужна была моя помощь. Ворота в город должны были быть заперты, чтобы мы могли выпустить заключённых с западной части и таким образом дать время мирным жителям уйти к церкви, а солдатам — безуспешную попытку взять всё под контроль.

Сивилла дала мне пару упырей, мы должны были с легкостью разобраться с охранниками ворот и опустить решётку. Всё шло хорошо: мантикор вывели на арену, я и друзья Сивиллы уже сняли первый патруль, а Феникс готовился к своему триумфу. Но один из охранников привёл своего сына и жену, не знаю, что на меня нашло. У мёртвых был четкий приказ убить всех...

— Елена, — заговорила Сивилла, — постаралась защитить семью, она налетела на одного из упырей, тот увалень особо умом не блещет, в отличие от силы, кстати. Елена отлетела на пару метров и оказалась за стеной, я почувствовала, как что-то идёт не так, тяжело управлять сразу тремя трупами. Когда я сказала Фениксу, он забыл обо всём, выпрыгнув из окна, наш герой помчался к воротам. Не знаю, сколько понадобилось ему времени, чтобы добраться до места, но Елена говорит, что кирпичик, за который она схватилась, продержался всего секунд десять. Феникс успел, но поймать Елену оказалось сложнее, чем он думал...

— Из-за меня он подвернул ногу... Назад, разумеется, Феникс не успел, началась потасовка, все ринулись к воротам, охранники на верхнем ярусе заперли железную дверь и упыри не смогли добраться до рычагов! Я всех подвела!

Послышался скрип двери, в зале показался Феникс. Опираясь на скрюченную палку, он медленно шёл в направлении Годрика. Весь в ушибах и шрамах, с заплывшим глазом, Феникс осторожно опустился на стул рядом с Сивиллой.

— Елену чуть не убили, я не продумал план до конца. Люди побежали к единственному выходу. Приложив чуть усилий, небольшим прыжком я добрался до середины моста и перегородил путь бежавшим. К счастью,

первыми неслись солдаты, перепуганные до полусмерти. Пару ударов меча, затем ещё несколько — всё шло нормально, но тут я почувствовал, как по рукам потекла обжигающая кровь. Словно расплавленный свинец, только вынутый из печи, она растеклась по моим рукам.

Феникс запнулся и, немного прокашлявшись, потянулся к кружке с пивом, ожоги на руках оказались не просто оборотом речи.

— Это была девушка, юная, лет восемнадцати или двадцати, я не помню, как именно она выглядела, но чувствовал её желание жить. Хорошо, что я не видел того ужаса, что застыл на её лице.

— Когда упыри взломали дверь? — спросил Годрик.

— Они не взломали, — ответила Сивилла, — дверь оказалась рунической. Трупов становилось больше и больше, я не знаю, почему... Что их туда несло, когда можно было свернуть и бежать к церкви? В общем, последний из убитых Фениксом не поместился на той горе трупов и скатился в расщелину между городом и стеной. Когда мы с Марией добрались до Елены, то увидели, как она вынимала алебарду из его груди. Как, кстати, внутренности?

— Чувствую, как пиво попадает в лёгкие, но, к счастью, в меня пырнули ножом под ребра и проткнули их снизу, так что оно благополучно вытекает оттуда. Елена? Елена?

Девушка давно ушла в себя, и, пока Феникс не оторвал её от своих мыслей, была где-то на той горе трупов.

— Годрик, если ты уже пришёл в себя, отведи Елену в её комнату, — попросил Феникс.

— Да, конечно, — не дав девушке возразить, подскочил Годрик.

Елена, решив, что отказ будет бесполезен, осторожно поднялась из-за стола и вышла с Годриком за дверь.

— С такими ранами не живут, что ты такое? — повернувшись к Фениксу, спросила Сивилла.

— Вопрос, на который и я был бы не прочь узнать ответ. Ну а ты? Тогда я не подумал об этом, но как ты почувствовала Елену?

— Обычное дело, я чувствую упырей, и...

— Врёшь, — перебил Феникс, поднимая кружку, — твои силы — это что-то непонятное и неведомое. В архивах о таких магах смерти, как ты, тоже ничего не сказано. А хочешь, мою догадку? Когда мать пауков спасла новорождённую девочку, то не заметила, что та не дышит. Мёртвое маленькое тело перекачивалось в её мохнатых лапах, она терзалась и не могла понять, как же она упустила этот момент. Но тут произошло невероятное: рана, которую мать получила при бегстве, всё ещё кровоточит, а кровь постепенно стекает по одной из лап и — о чудо — попавшая на губы ребенка маленькая капля пробудила жизнь. Правда, жизнь ли?

— Откуда тебе...

— Упыри были основной боевой силой тех времён, пауков выжимали словно мух. К сожалению, для поддержания жизни в стольких мёртвых крови не хватало, и никто из них не мог продержаться больше пары недель. А вот тебя кормили кровью очень часто, если точнее — ежедневно, вначале по капле, со временем — побольше. Когда ты начала оживлять трупы?

Сивилла не отвечала, она лишь мрачно игралась с находящимся в руках ножом. Феникс так же не настаивал на ответе, попивая очередную порцию пива, он даже сделал вид, словно занят своей ногой.

— В детстве. Мать принесла мне ягненка на завтрак, такой весь белый, мягкий, мне стало его жалко, очень жалко, и тут... В общем, кроме пустых глаз и сгустка застывшей крови, это было идеальное воскрешение. Мать перепугалась, ягненка буквально разорвали на части, а мне запретили этим заниматься. Хорошо, я покаялась, а теперь ты...

— Ну, что же, хорошее пиво, мне пора, удачи, рад, что поболтали, — заторопился Феникс, стараясь выскочить из-за стола, даже не давая возможности Сивилле вставить слово. Возмущённая таким поведением, она отобрала у наглеца костыль, но тот с юношеской прытью вылетел из-за стола, словно никогда и не получал травм ног. У Сивиллы чуть не отвисла челюсть, но, взяв себя в руки, она швырнула в бегуна палкой.

— Попрактикуйся чуть позже в метании, ладно? — усмехнулся Феникс, подходя к двери.

— А почему бы не сейчас?

В этот момент удивился Феникс, не так явно, как Сивилла, но в знак своего изумления приподнял край брови. Некромантка появилась прямо между дверью и Фениксом, взглядом оба принялись сверлить друг друга, пока их расстояние не начало медленно сокращаться. Когда Феникс коснулся губ девушки, то ощутил их мёртвый холод, который медленно наполнялся теплом живого человека, он не понимал, но чувствовал, как целует не умершую.

— Я слышала, люди занимаются одной крайне приятной вещью, может, продемонстрируешь?

Коридоры замка были пусты, Дариус запретил простым заключённым в нём появляться и выставил охрану по периметру. Сам же властелин тюрем занимался охраной церкви и не прекращал попыток нормализовать жизнь новообретённого города, но тяжело контролировать десятки тысяч озлобленных людей. Правда, озлобленность Хилонсов и сдерживало Эпифиратов от необдуманных попыток покинуть церковь, которые не прекращались первый день их заточения, но два четвертования, пять избиений до смерти привели к временному перемирию.

Годрик проводил Елену до её комнаты и, убедившись, что девушке ничего не требуется, решил побродить по улицам города. Первым местом посещения он выбрал мост у ворот Рива. Трупов там он, разумеется, не нашёл — как ему сказал один из постовых, Фениксом было принято решение как можно быстрее привести город в исходное состояние, дабы прибывающие конвои с новыми заключёнными ничего не заподозрили. Правда, даже поднявшись на ворота и взглянув на размеры моста, Годрик невольно пожал плечами. Сидя в карете, он не мог знать, что его ширина равна сотне метров, а длина все триста. Разумеется, все измерения Годрик сделал навскидку, но гора трупов так и возникала перед его взглядом.

— Где их похоронили? — спросил он у дозорного.

Тот ничего не ответил, лишь мрачно посмотрел на мага, и, состроив зловую гримасу, плюнул за стену.

— Надеюсь, их души никогда не упокоятся, — добавил дозорный.

Годрик понял, что та самая бездна, над которой протянули мост, и стала братской могилой для сотен убитых Эпифиратов.

— Простите его, Нерн не лучший собеседник.

Обернувшись, Годрик увидел, что к нему обратилась незнакомая женщина.

— Меня зовут Мария, — сказала она и протянула руку.

— Годрик, — ответил рукопожатием маг.

— Нам просто не хватило времени их похоронить, поверьте, я не меньше вашего желала успокоения душам умерших, но если бы мы начали вывозить трупы, боюсь, не управились бы и за несколько часов. Поймите, если мы выдадим, что город взят, все эти жертвы напрасны.

— Да, всё верно, не отойдёте на пару шагов?

Мария удивилась, но выполнила просьбу Годрика. Маг поклонился в знак благодарности, и, подняв руки на уровень груди, принялся что-то бормотать под нос. Через несколько минут бормотание закончилось, и в руках Годрика начала образовываться небольшого размера огненная точка, пару манипуляций с руками, и начался её рост. Большого огненного шара создавать он не решился, так что, подождав ещё секунду, он бросил своё заклинание в пропасть. Послышался треск, бездна наполнилась ярким огненным пламенем, со стен города казалось, что под мостом протекает бурлящая лава.

— Не знаете никакой молитвы? — спросил Годрик.

Мария с неуверенностью скрестила руки на груди и принялась читать по памяти старинную Хилонскую молитву, из современных слов в ней Годрик узнал лишь «умершие» и «упокоение». Когда женщина закончила, полыхавший костер принялся понемногу угасать, а через пару секунд и вовсе потух. Вся стена превратилась в большой курятник с лисой внутри, каждый принялся громко кудахтать и беспорядочно бегать по кругу. Только Годрик и Мария спокойно молчали и смотрели в темную бездну.

— Думаете, хоронить Эпифиратов по традиции Хилонсов — это нормально? — не отрывая взгляда, спросила Мария.

— В этом и вся дилемма — жечь или закапывать, не поэтому ли мы убиваем? Пытаем. Ведём войны. Призираем и ненавидим друг друга. Простите, мне пора, не подскажите, где сейчас Дариус?

— Да, конечно, он готовится к вечернему совещанию в тронном зале, хотите, провожу вас?

— Думаю, не стоит, дождусь вечера, но спасибо за предложение. До свидания, — попрощался Годрик и пошёл к двери, ведущей вниз.

Маг бродил по городу до самого вечера, успев посетить стальных демонов, которых не стали выпускать из тюрем при восстании. Маски, правда, по просьбе Елены с заключённых сняли, многих из них оказались знакомы Годрику лично, о других он знал по слухам, третьих же никогда не видел из-за своего возраста. После стальных демонов маг направился к забаррикадированной церкви в надежде лично пообщаться с пленными горожанами, но те не подпустили предателя и на пушечный выстрел. Решив, что настойчивость излишне усугубит ситуацию, Годрик ещё раз прошёлся по периметру церкви и, пообещав вернуться, удалился в замок.

Путь обратного возвращения оказался чуть сложнее, чем рассчитывал маг. Узкие, переплетающиеся улочки создавали целый лабиринт, состоящий из

тупиков и поворотов, которые привели Годрика к чёрному входу в замок. Точнее, к конюшне, которая прилегала к нему и располагалась на заднем дворе. Просторная и тёплая, в её стойлах находилось, по меньшей мере, около сорока лошадей северных пород. К счастью для Годрика, конюшня оказалась не запертой.

— Знаешь, нужно стучаться, прежде чем зайти? — не отрываясь от кормления лошади, спросил Леонард.

— Так вот куда ты пропал, как голова?

Леонард презрительно фыркнул, Годрик с наигранным опасением зашел в конюшню и присел неподалеку от парня.

— Елена не сердится на тебя, просто ты так быстро ушел и...

— Мне всё равно, — отрезал Леонард.

Наступила тишина, её нарушали лишь лошади, которые спокойно пережёвывали предоставленный Леонардом корм.

— Твой отец работает на конюшне? — решил начать Годрик.

— Работал, тебе то что?

— Да так, пытаюсь влезть к тебе в доверие, чтобы потом всадить нож в спину и избежать дуэли, — ответил Годрик, на что Леонард улыбнулся, — ты говоришь, работал? Не веришь, что он жив?

— Я не глупец, Годрик, когда слухи о потере города доберутся до Сероса, начнётся массовая резня, Эпифираты не оставят никого в живых, — руки Леонарда затряслись. — А теперь представь, что каждый мой шаг приближает этот день, раз за разом мои руки сжимаются на шее моего брата, отца и матери всё сильнее. Какого это, по-твоему? Что мне делать? Как поступить?

— Я... Не знаю, — замялся Годрик, — но есть тот, кто знает.

— Феникс? — спросил Леонард.

— Феникс, — кивнул Годрик. — Ты пришёл за ним в ту темницу, думаешь, он забыл? Ему ничего не стоило просто перевернуть город и начать полноценную войну, начать полномасштабные перевороты во всех городах, постепенно наращивая мощь. Он выверяет каждый шаг, действует максимально скрытно и продумано. Верь ему, Феникс не подведет.

— А ты веришь ему?

— Мне нужно отомстить за учителя, это всё, что меня интересует. Так зачем тут так много лошадей? Разве содержать медведей не выгоднее?

Дальнейший разговор между Хилонсом и магом проходил в дружеской форме, если бы несколько недель назад он сам увидел бы такую картину, то от удивления отходил бы чуть ли не всю оставшуюся жизнь.

Солнце быстро опустилась за горизонт, но город более не пугал, мерцающие огни в окнах, радостный смех, живые улочки: впервые с начала своего основания Рив мог дышать. Однако, такая оживлённость на улицах города объяснялась не только его взятием, но и собранием старших в тронном зале. Замок всё так же был неприступен для зевак, поэтому все скопились прямоком под его стенами.

В самом тронном зале находилось пятьдесят двадцать шесть человек, в их числе были: Дариус, Сивилла, Елена, Годрик и Леонард, из основных гостей оставался лишь Феникс. Опоздававшего ждали с большим нетерпением как собравшиеся, так и караулящие снаружи. Однако, несмотря на нарастающее

беспокойство, без великого освободителя начинать никто не хотел, а торопить его считали невежливо и крайне непредусмотрительно для своего здоровья.

Феникс появился через добрых полчаса ожидания. Одетый в кожаные доспехи, немного поседевший, с лёгкой щетиной, но полностью восстановленный, он медленно шагал к своему месту в центре стола. Появление Феникса взбудоражило людей не меньше, чем появление самого императора, многие даже попытались встать от такого волнения.

— Постарайся не делать лишних движений, а то что-то ты больно важно выглядишь, — с иронией прошептала Сивилла присаживающемуся Фениксу.

Елена тоже услышала замечание некромантши и слегка улыбнулась.

— Я извиняюсь за опоздание, выравнивал позвоночник, — ответил на замечание Феникс. — Ну, начнём, пожалуй. Как обстановка в городе, Дариус?

— Спокойно, все прибывающие в город схвачены и помещены в церкви. Пленники приняли решение не умереть от голодной смерти и принимают еду в предложенном количестве. Посты контроля расположены по всему городу, комендантский час было решено не вводить, — Дариус прервался. — Из плохого: насильственное отношение к бывшим мирным гражданам остаётся на высоком уровне: найдено несколько трупов парней и изнасиловано множество девушек. Некоторых удалось спасти, зачинщики брошены за решётку, но это вызывает общественное негодование и лишние волнения среди народа.

— Сколько у нас людей? — спросил Феникс.

— Согласно архивным данным, не больше семидесяти тысяч, но это не точно, там сейчас бардак, — ответила Елена, — из них девять тысяч не способны держать оружие или долго передвигаться.

— Слишком стары? — поинтересовался Годрик.

— Больны. Опухоли, гангрены, изнеможения. Содержание в тюрьмах даёт о себе знать. Конечно, это есть практически у каждого бывшего заключённого, но не в таком запущенном виде, — закончила Елена.

— Ещё что-нибудь? — обратился Феникс.

— От лица... От лица простого народа...

Феникс с заинтересованным видом взглянул направо, дрожащий голос принадлежал маленькому, седому старику, с длинной бородой, практически касающейся пола.

— Впрочем, все хотят знать, как мы намерены отстоять города и какой ультиматум поставим Эпифиратам, а так же какой выкуп потребуем за заложников?

В зале начался гул, такой вопрос не раз мелькал в головах присутствующих, и каждый приходил к своим единственно верным выводам. Одним из вариантов был мирный путь к решению проблемы, его сторонники — Елена, Сивилла и Годрик — предлагали обменять пленников на обещание неприкасаемости Рива и его окрестности. Версия Дариуса, Леонарда и некоторых пришедших была намного радикальней: в неё входил план по сжиганию города и ухода в подполье для дальнейшей борьбы с империей путём молниеносных атак. Дедушка же был более консервативных взглядов и предлагал отстоять город, в кровопролитных сражениях организовав глухую оборону; волнения народа так же сказались и на его представителя, который

добавил, что для устрашения пленников можно посадить на пики вокруг замка, а для гуманности заранее обезглавить.

— Я то что? Всё народ... — пожимал плечами старичок на возмущенные возгласы Елены. К несчастью для девушки, сторонников у такого решения проблемы хватало, так что разразился нешуточный спор, переросший в беспорядочные крики и угрозы. За всем этим молча наблюдали Феникс и Мария, которая стояла у закрытой двери в тронный зал. Бушующих усмирил лишь удар по столу, который эхом отозвался во всей комнате.

— Какой хороший стол, — приговаривал Феникс, вынимая кулак из образовавшейся вмятины, — даже трещину не дал. Ну, да ладно, Мария, прошу прощения, но не могли бы Вы войти, ваш голос крайне важен.

Караулящая снаружи женщина обомлела, но, повинувшись осторожно приказу, медленно толкнула тяжёлую дверь и плавно вошла в комнату, встав у стены.

— Знакомьтесь, это Мария Нор из семьи знаменитого кузнеца Тарга Нор, — продолжал Феникс. — Видю, у мало кто из вас понимает. Мария, я могу просить Вас...

Никто из присутствующих в комнате действительно не понимал, с какой же целью была приглашена эта женщина. Однако, вопросительные взгляды спали с лиц присутствующих, когда Мария, кивнув головой, развернулась и приподняла свой серый свитер. Больше половины спрятали взгляды, другие с ужасом на глазах смотрели на обнажённую спину, по которой шли длинные ряды шрамов, усыпанные всевозможными язвенными воспалениями и клеймами различных городов. Годрик, немного растерявшись, даже не хотел видеть эту картину, но, собравшись с мыслями, все-таки взглянул. Знак орла города Варога, расположенного у ледяных озёр, медведь, представленный на флаге Ирии, города-крепости, даже волк, символ каторжников Балиги, красовались на одной из лопаток женщины. Казалось, каждый символ был знаком магу, он уже и помнить забыл, откуда, но мог с точной уверенностью отнести каждое животное к нужному флагу города, все, кроме одного. Лисица: это клеймо было выжжено у основания шеи, оно было сильно потрепано, частые удары плетью и время не пожалели его, но знак лисицы всё ещё проглядывался сквозь шрамы.

— Достаточно, Мария, — поблагодарил Феникс, — оденься, и, если хочешь, останься.

— Что это нам дало? — спросил старик.

— Поверьте, многое, каждый из вас имеет не одну печать на своей спине об отношении к разным городам. Кто-то работал в рудниках, некоторые на фермах или в домах. А вот Мария родилась и выросла в...

— Эрегре, — хрипящим голосом перебил Дариус.

Зал снова зашевелился, пошла волна негодования, в толпе было слышно удивление и нотки страха. В обсуждении не принимали участие лишь Елена, Годрик и Сивилла, которые и понятия не имели, о чём речь.

— Этот город, где он находится? — не выдержав, спросила Елена.

Шум прекратился, все взгляды устремились к девушке, непонимающие и даже осуждающие глаза принялись поедать девушку и двух соседей.

— Эрегра. Город белой лисицы, хранительницы кузнечного дела, дом ремесленников со всей ледяной пустыни. Легенда гласила, что когда-то в тех местах наш народ совершал частые переходы с одних земель в другие, ещё не затянутые пеленой убийственных морозов. Именно там, отбившись от своей группы, мать с грудным ребёнком заплутали в белых занавесах из снежных бурь. А холод, как известно, не щадит ни старых, ни молодых. Так и должна была закончиться история отбившихся, если бы сама Эрегра, великая богиня ремесленников, не проходила мимо, наслаждаясь ледяным ветром. Богине стало жаль девочку и мать. Эрегра вывела их из страшной метели, прикрыв своим прекрасным лисьим хвостом, но стоило ей показаться людям, как великий Создатель проклял добродушную богиню, сделав смертной. Многие горевали в тот миг, многие, но не сама Эрегра, она ободрила всех присутствующих своим звонким смехом и попросила ни в коем случае не печалиться, а исполнить последнюю её просьбу. Богиня не привыкла путешествовать и попросила построить ей небольшой дом меж этих гор. Отказывать в выполнении такой просьбы никто не решился: на следующее утро по просьбе богини брат ветер перестал обдувать привычным ледяным ветром, а старец небо не отказал в любезности остановить падение снега, и работа началась. Над домом богини работали лучшие из имеющихся архитекторов, весь день люди обрабатывали камень, превращая неуклюжие глыбы в идеальные кирпичи, и всё — под контролем Эрегры. Богиня научила ремесленников столько премудростям, что когда работа завершилась, многие изъявили желание остаться с ней навсегда, отказавшись от привычной жизни, дабы обучаться у неё.

— В общем! — не выдержав, перебил старика Феникс, — решила группа Хилонсов осесть и построили худо-бедно свой первый город, а главным смыслом города оказалось обучение ремесленников, а ремесло у Хилонсов тех времён включало в себя магию рун!

— Ваше неверие в богов может привести к беде, — возмутился старик.

— Ты эту сказку будешь до вечера рассказывать!? В общем, наряду с кровавыми жрецами были и рунные, их называли Граничащие с духами. Люди это были высокого интеллекта и высокого самомнения, когда был шанс отразить атаку Эпифиратов, они заявили, что способны сами себя защитить. Город дорого поплатился за эти слова. Первая армия Эпифиратов, к чести Граничащих, оказалась неспособна одолеть их, в тот день в плен было взято пять тысяч офицеров и свыше десяти тысяч воинов. Не страшные потери для многотысячного войска, но ужасный удар по самолюбию Императора.

— Отец говорил, — продолжил Леонард, — что никто не знал точное количество магов и воинов, которые отправились к городу, но тот был стёрт с лица земли за два часа. Катапульти и магия уничтожали всё, не пощадив даже своих собственных людей.

— Бог ремесла у Эпифиратов изображается как склонившийся над наковальней мужчина со стальными мышцами, но на группе выживших, ради смеха, набили именно изображение лисы, по словам Императора, Хилонсы должны видеть, что эти ложные Боги приносят лишь страдания. С тех пор вместо своих представителей на спинах рабов выжигали их символы Богов, разумеется, везде проводилась аналогия. Людей же с клеймом лисы все

ненавидели и старались сделать их условия жизни крайне невыносимыми. Считалось, что выживших не осталось. Считалось, — заключил Дариус.

— Император не стал мириться с проигрышем воинов, не думаю, что герцог милосерднее, — Феникс сделал паузу. — Бежать, прятаться, обороняться — всё это бесполезно, мы просто выбираем — умереть ли нам здесь, или же на просторах ледяных пустынь. А заложники? Ну что же, нашу общую могилу сделают немного шире.

В тронном зале опять прокатилась волна обсуждения. Феникс спокойно восседал на своём месте, наблюдая за тем, как в глазах людей начал проявляться охвативший их страх. В этом и была соль закрытого заседания, которое он организовал — если подготовленные люди так на это реагируют, то резонанс в необразовавшемся обществе мог привести к ненужным жертвам.

— Довольно, — поднялся Годрик. — Ты видишь, что мы в тупике и не знаем, как нам быть, может, расскажешь, к чему весь этот фарс?

Многие в комнате почувствовали, как по их спине пробежал легкий холодок, никто не привык видеть мага в таком состоянии. Годрик и сам не ожидал от себя такого, стараясь держать себя в руках. Он никак не мог отделаться от ощущения, что Феникс не просто так разбивает их планы. Ему казалось — он исполняет роль, в лучшем случае, ферзя во всей этой шахматной партии, разыгрываемой человеком, сидящем не так далеко от него. Феникс же не торопился раскрывать карты. Откинувшись на спинку своего «трона», он изнурительно потёр свои глаза и слегка улыбнулся — такие действия тоже возымели определённый эффект, нагнетая на ожидающую толпу большие волнения.

— Мы возьмём Нереил, — сказал он наконец.

Финал, как выразился Годрик, «фарса», заставил мага упасть на стул, а остальных просто ошарашил.

Нереил в переводе с языка древних: золотой источник. Город-крепость, раскинувшийся под огромной горой Сирен, славился своими богатыми рудниками, набитыми золотом, таким ценным для Эпифиратов. Нереил построили сразу же после Сероса, и он считался самым неприступным из всех воздвигнутых городов: огромные стены, толщина которых местами достигала до 50 метров, расположенные по обе стороны от города башни крепости и значительный гарнизон просто не оставляли шанса нападавшим. Также свою роль играло и расположение города — построенный, практически, в горе, на возвышенной скале, к которому вела лишь одна тропа, он представлял собой удивительное архитектурное чудо для тех, кто видел его впервые.

— При всём уважении, это нереально...— промолвила Елена.

— Это было нереально, пока у нас не было человека, построившего Нереил. Мария — одна из рунных магов, уцелевших в той бойне, — начал пояснять Феникс, — эти маги, в сущности, бесполезны как бойцы, но хорошие лекари и живут долго. Мария, прошу Вас.

Взгляды направились к девушке, она всё так же стояла, прижавшись к серым стенам, словно пытаясь в них исчезнуть.

— Город стоит на возвышенности, — голос Марии звучал грубо, хоть и немного растеряно, — тропа, ведущая к нему, крайне узкая и не даёт возможности расположить на ней большое количество воинов — максимум

тридцать в ряд, так что размер армии значение не имел. Однако, город нуждался и в полной автономии, дабы мог переносить долгую осаду. Решение нашлось быстро — под городом протекали подземные воды, зеркально чистые и пригодные для употребления. Я была одна из тех, кто занимался прокладкой канала. Каждый день, работая по двадцать часов, мы всё-таки смогли врезаться в реку и направить небольшой поток в сторону жилых домов. Подвох оказался обнаружен слишком поздно, когда был установлен последний блок. Один из проекторов выяснил, что подводная река тянется и касается лабиринта пещерных сводов. Завалить вход не решились — каменные коридоры простирались на много миль, и любое обрушение могло повлечь за собой ряд роковых событий, вплоть до разрушения доброй части города. Тогда-то архитекторы приняли решение укрепить турели и пригласить жрецов крови для помощи в защите единственного уязвимого места города-крепости.

— Я не понимаю...— проворчал старик.

— А Вам и не надо, — перебил его Феникс. — Я и ещё несколько доверенных лиц проникнем в город через тот самый тоннель, ведущий в город. Мария рассказывает, что этот лабиринт тянется много миль, боюсь, нам придётся достаточно побродить. Дариус же с вооруженным войском, тем временем, освободит близлежащие деревни, которые пока не ожидают такого вероломства, и, не теряя времени, направится к Нереилу ждать наш сигнал к атаке на город.

— Это требует долгих раздумий, — вмешался один из присутствующих.

— Заткнись! Он дело говорит! — огрызнулся второй.

— Болван, я не планирую умирать!

В зале начался хаос, Нереил словно возымел власть над разумом каждого, вселяя в души людей неподдельный страх.

— Молчать, псы! — рявкнул Дариус, — взгляните на себя! Мне стыдно за вас, Панилак Непобедимый, не ты ли в своей ярости мог зарубить троих одним ударом? А ты, Вео, тебе просто так прозвали Всадником смерти? Каждый из вас сражался там, на арене, просто так, на потеху толпе!? За свою рабскую жизнь и вот теперь, когда вам предложили вырвать свою законную свободу, вы сбежите, поджав хвосты?!

Дариус не кричал, он не рукоплескал и не подбирал дипломатические выражения, его речь шла глубоко из тех недр, которые некоторые называют душой, а его душа требовала свободы. Заразительное стремление вождя, словно снежная лавина, накрыла практически всех присутствующих с головой, рёв Хилонсов был слышен даже на улице. Лишь один в тот вечер кривил свои гнилые зубы, старику всё это казалось краем безумия.

Глава 13.

Дорога в никуда.

Неделя для Хилонсов оказалась насыщенной. Мелкие отряды наиболее подготовленных воинов практически сразу отправились во главе с новообретёнными военачальниками к захваченным деревням. Особо не тратя времени на дипломатию, они обрушивались на ничего не подозревающих

Эпифиратов и с легкостью разбивали охранные гарнизоны. При таком раскладе дел нашлись даже недовольные. “Они способны сражаться только с безоружными детьми и женщинами!” — жаловались они Дариусу, на что тот одобрительно кивал.

Тяжёлой это неделя была и для героев, каждому из которых предстояло основательно продумать план по проникновению в крепость и её захвату. Меньше всего за последние дни видели Феникса; поговаривали, что великий король сражений просит помощи своих создателей для великого похода; как оказалось, не зря.

Восьмой день плавного расширения границ нового государства Хилонсов подходил к концу, несколько отрядов, отправленные в длительные походы, постепенно возвращались. В этот день Дариус был крайне взволнован — план, который предложил Феникс, работал, приводя в стан бунтовщиков всё больше людей, а потери составляли единицы и казалось мало, что могло омрачить эти факты, но вождь ощущал зловоние, исходящее со стороны ледяных пустынь.

—Вождь! Вождь! — парень, облачённый в новые доспехи, буквально влетел в тронный зал. — Господин Дариус...

Воин подошел практически вплотную к стоящему у карт Дариусу и, словно мешок, набитый камнем, пал у его ног. Кожа парня был темно-бледной, на руках застыла некогда струящаяся по рукам кровь, а на нагруднике виднелся след отломанной стрелы.

—Необходим знахарь, живо! — скомандовал Дариус, склонившись над еле дышавшим воином.

— Вождь, старик предатель... Отряд уничтожен... Я должен был предупредить... помилуйте, не убивайте... Пожалуйста...

— Всё хорошо, сынок, ты поступил мужественно. Успокойся, где чертов знахарь?! — выпалил Дариус.

— Предали, нас предали... Старейший предал всех...

Издав последний тяжелый вздох, парень отпустил плечо вождя, безжизненная рука воина ударилась о холодный пол, глаза бедняги застыли на каменном своде потолка тронного зала, смерть догнала гонца.

Елена спешила, как могла, последние известия о предателях и мёртвом гонце коснулась её во время переговоров с пленными Эпифиратами. Девушка поначалу долго не могла поверить, что кто-то мог быть способен на предательство, но, согласно словам сопровождающего её Годрика, восстал целый отряд и под предводительством Старейшего перерезал ничего не подозревающих товарищей.

К чёрту, нам нужно атаковать немедленно!

Годрик и Елена застыли у входа в замок, прямо на пороге стояли Дариус и измененный до неузнаваемости, затянувшийся недосыпами, а так же напряжённой работой, Феникс. Девушка даже немного вздрогнула, когда красные запавшие глаза некогда идеальной машины убийств посмотрели в её сторону, небольшая щетина превратилась в полноценную бороду, короткие волосы на голове свисали уже до плеч, а воротник мантии скрывал похудевшую шею.

—Дариус, наша задача — это Нереил, а не погоня за отбившимися овцами, — парировал Феникс.

— Они пойдут к этому герцогу, будь он проклят, и наши планы рухнут, как карточный дом! Представь, что они сделают с моим народом, если мы проиграем.

Таким Дариуса не видел никто, вождь был силен духом и телом, мудрый, всегда решителен, он волновался за свой народ, за своих людей, а за это люди шли за ним. Дариусу было плохо от одной мысли, что из-за его неверных шагов он мог обречь преданных людей на верную смерть; каждый раз, отправляя войска в очередную освободительную атаку, он жалел, что лично не идёт с ними, возглавляя это, по его мнению, правое дело. Оттого вести о том, что он позволил погибнуть отряду, что он не доглядел за своими людьми, разрывало его сердце на части.

—Дариус, я знаю, как тебе тяжело, — Феникс положил руку на плечо скорбящего, — я сам виню себя в том, что случилось. Но мы не должны дать этой жертве забыться. До столицы путь не близкий, посему у нас есть ровно пять полных суток до того, как предатели придут в неё. Прошу тебя, соберите всевозможные войска в течении завтрашнего дня, дождитесь, пока последний отряд Леонарда и Сивиллы доберется до вас, и следуйте сквозь Скованные реки. Я же с Еленой и Годриком пойду к Нериилу через тот самый лабиринт, и на рассвете третьего дня подам сигнал, после которого вы можете войти в город практически без потерь.

—Что за сигнал?! — удивился Дариус.

—Древнее боевое знамя войска Хилонсов, водружённое над воротами в город, ведь оно именно там хранится, — усмехнулся Феникс.

Спор был исчерпан, стоявшие неподалеку Годрик и Елена не решились вмешиваться в разговор двух полководцев.

Через час у выхода из Рива уже стояло четыре запряжённых и нагруженных провизией коня. Годрик было хотел настоять на медведях, но Дариус заверил его, что для перехода через озеро хватит и обычных скакунов. Елену же беспокоила погода, которая может застать путников, поэтому снарядила все поклажи дополнительными специальными палатками, способными помочь героям в трудную минуту. Феникс, как и ожидалось, прибыл последним, отдавая последние важные указания Марии, он быстро застёгивал на своей накидке последнюю пуговицу.

—Я понимаю, это звучит практически невозможно, но Дариус поможет тебе всем, чем может, — заканчивал он, запрыгивает на коня.

—Да, мастер, будет сделано, — поклонилась Мария. — Да укажет вам дорогу Эрегра.

Всадники кивнули головой в благодарность женщине и, взяв поводья, помчались в снежную даль.

Кони неслись быстро, снежные бугры всё чаще мелькали по сторонам героев, засидевшиеся в стойлах животные с большой радостью преодолевали милю за милей. И вскоре сквозь массивные тучи тонкими лучами пробилась блестящие лучи солнца, ветер играючи следовал по пятам героев, стараясь поднять за ними как можно больше лежащего снега, и только мрачные великаны горы угрюмо смотрели на трёх смелых всадников. Радость такой поездки присутствовала не только у скакунов, Годрик, который так давно не

совершал подобных выходов, вдыхал воздух полной грудью: пусть Елена и укутала его с ног до головы, он всё равно пытался ловить этот момент.

Ближе к вечеру ощущение свободы постепенно пошло на спад, и лошади медленно принялись сбавлять шаг, а города за спинами героев словно никогда и не было.

— Ты уверен, что мы найдём нужный путь? — спросила Елена у Феникса.

— Ни в чём нельзя быть уверенным, девочка, — голос Феникса казался всё более старческим.

Такие перемены в нём вызывали беспокойства у Годрика, но, понимая, что перед ним не маленький мальчик, а великий предводитель и воин, не решался делать какие-либо замечания.

— Путь до лабиринта больше суток, в обход войскам идти чуть меньше трех дней, разве не легче было прибыть всем по короткому пути и застать город спящим? — подгоняя лошадь, не отставала Елена.

— Лабиринт — это проклятое место, — отвечал Годрик, — когда я искал вас, то ощущал два мощных импульса — один исходил от Сероса, другой — из Нереила.

— В Серосе? Но как? Ведь город никто не проклинал, и... — удивилась Елена.

— Не стоит переживать так, госпожа Феодарис, возможно, я и ошибся, энергия была незначительная, а вот от лабиринта Нереила бросает в дрожь. При таком раскладе нам не стоит кидаться всеми войсками, а то, знаешь, мёртвые в ближайшее не ходят.

— Сивилла бы поспорила, — ухмыльнулся Феникс.

Более дьявольской ухмылки не видели ни Елена, ни Годрик, вид Феникса вообще мало походил на человеческий: внушающих размеров, черный, словно смола, конь, облачённый в тяжёлые походные доспехи, нёс на себе укутанного в теплые одеяния всадника, чьи глаза скрывал накинутый меховой капюшон серого цвета.

Неизвестно, сколько ещё скакали герои прямо по заснеженным равнинам, но, когда ночь окончательно укутала землю своей пеленой, а тучи стремительно разошлись по небу, уступив место новому месяцу, ландшафт начал значительно меняться. От огромных снежных бугров не осталось ни следа, им на замену пришли длинные изгибающиеся линии векового льда. Ветер в здешних местах дул не переставая, так что обычная снежная погода могла превратиться в сильную бурю.

— За этими льдами лабиринт?! — перекрикивая ветер, спросила Елена.

— Да, но нужно ещё перебраться через эти реки! — ответил Феникс.

Проблема с ветром коснулась и скакунов, не привыкших к таким погодным условиям: они медленно топали своими копытами по скользкой поверхности реки. Годрик поначалу подумывал даже спешиться и постараться пробраться к лабиринту своими силами, но, даже сидя верхом, начал ощущать, что его сносит, и отмел эту идею. Однако, несмотря ни на что, отряд медленно преодолевал метр за метром, и, казалась, должен был вовремя прибыть к месту назначения, как за их спинами раздался мрачный вой.

— Чёрт, волки! — вырвалось у Годрика.

— Волки тут не способны водится, это что-то посерьёзнее! И...

Не успел Феникс закончить, как со стороны показался огромный силуэт непонятного существа. Издалека было видно, как оно мощными передними руками отталкивалось ото льда и мощными прыжками приближалась к героям.

— Живо, на ту сторону! — скомандовал Феникс.

Оторвав взгляд от темного силуэта, герои хотели было пришпорить лошадей, но те, словно чувствуя неладное, что есть сил и возможностей понеслись к другому берегу. К счастью, до твердой поверхности оказалось не так далеко, а, преодолев еще несколько метров, герои преодолели и ветер. Скорость, однако, сбавлять никто не собирался — ведь, судя по непрерывному вою, зверь тоже последовал примеру отряда и не собирался отставать. Долго встречи с ним ждать не пришлось. Снег тоже сильно замедлял лошадей, и уже через минуту огромный серый ком ударом лапы снёс скакавшего впереди Феникса, отчего тот вместе со своим жеребцом отлетели на приличное расстояние.

— Спрячься за меня, Елена! — крикнул Годрик и, подняв руки, быстро пробормотал заклинание.

Идея оказалось не лучшей: вместо того, чтобы чудовище поразила молния, как это планировал маг, с неба упало пару капель воды. Существо застыло и медленно повернулось к героям: серое, размером в пять метров, с огромными руками и туловищем, но слабыми небольшими ногами, оно не было похоже ни на одно из животных, когда либо встречающихся Елене. Лицо же его было словно слеплено по старым сказкам, которыми пугали людей: большой сломанный нос, чёрные пустые глаза, растрёпанные густые брови, выступающая челюсть, утыканная кривыми зубами и широкий лоб.

— Годрик, что происходит!?! — обнажая клинок, спросила Елена.

— Магия, она не работает, что-то искажает её! — ответил маг, и, бросив тщетные попытки использовать заклинания, тоже вынул меч. Жёлтые глаза тролля с азартом оглядели двух стоящих перед ним людей, он так и чувствовал исходящий от них страх, отчего слюна медленно просачивалась меж его огромных зубов. Герои насторожились, Годрик спешил и, сделав пару шагов вперёд, пару раз взмахнул мечом, надеясь показать троллю, чтобы тот не рассчитывал на простой ужин. Громадину же это наоборот подвигло на действие — приняв выход мага за вызов, он в предвкушении легкой победы ударил ладонью по месту нахождению цели. Лежащий снег от удара подлетел на полметра, словно это была обычная пыль с книги. От удовольствия тролль исказил свою челюсть в подобии улыбки, но тут же с криком отдернул свою лапу, сделав шаг назад. На лапе, как потом осознал тролль, не хватает пальца, а из оставшейся части фаланга струей била кровь. Ярость захлестнула существо, глаза его покраснели, мышцы напряглись, зрачки забегали по земле, но от героев и след простыл, всё, что он увидел — это как две лошади стремительно бежали по застывшей реке. Не помня себя от ярости, ревя, словно дикое животное, тролль бросился в погоню за обидчиками.

— Быстро уходим, когда ярость в нем утихнет, по запаху он поймёт, что мы его одурачили, — сказал Годрик и, схватив Елену за руку, побежал прочь от места боя.

Отвлечь тролля и проскользнуть за него маг придумал буквально за секунды, девушка, к счастью, тоже успела слезть с лошади и, когда лапа

чудовища опустилась на Годрика, поспешила ему на помощь. Парень, к счастью, увернулся, немедля отсёк палец монстру, затем, схватив Елену, помчался за спину тролля.

Герои бежали так быстро, что их ноги едва касались земли, но каждый раз, когда они это делали, за ними вздымался столб снега. Однако, как бы Годрик с Еленой не старались, было слышно, что чудище разочаровалось ненайденными трофеями, и уже вовсю спешили обратно. Маг оказался прав — в пылу своей ярости тролль просто забылся и погнался за первым, что увидел, но, придя в себя, всё-таки взял след героев. Существо уже не хотело пытаться поймать наглцов, поэтому стоило им попасть в его поле зрения, как огромный валун, оказавшийся под рукой тролля, немедленно полетел в Годрика и Елену. Упавший валун, к удаче героев, не попал на них, но повалился таким образом, что перекрыл им путь побега. Годрик остановился и поймал несущуюся позади Елену. Выругавшись, маг подвинул девушку за себя и вынул меч.

— Я отвлеку его, а Вы бегите! — пояснил он и приготовился бежать на тролля.

— Нет, — схватила Елена Годрика, — оставайтесь на месте!

— Но...

— Это приказ!

Годрик повернулся, чтобы возразить девушке, но неожиданно встретился с ней глазами. В голове обоих крутились странные мысли, возможно, всё это было из-за осознания скорой кончины, а может, были более весомые причины. Правда, подумать над сложившимся моментом не дала ситуация: буквально через несколько секунд сильным толчком Елена оттолкнула Годрика в другую сторону, да так, что тот свалился с ног, а на то место, где они стояли, пришёлся удар огромной руки. Ярость, вложенная в этот удар, оказалась настолько сильной, что на его месте послышался треск земли, и веками промерзшая почва обрушилась под героями.

Феникс медленно приоткрыл глаза, сплошная белая пелена вокруг предательски ходила ходуном, сильно болели сломанная при падении спина и практически раздробленная рука. Коню досталось не меньше: бедное животное мучительно дышало, каждый раз стараясь набрать в покорёженную грудь больше воздуха, периодически издавая звуки боли и в панике стараясь подняться на единственную целую конечность. На долгое восстановление Феникс не рассчитывал, поэтому, перевернувшись на спину, он с трудом приподнялся и, собрав всю волю, бросил верхнюю часть своего тела, послышался сильный хруст. Сильная боль насквозь пронзила его тело, вырвавшись через крик, который, казалось, было слышно на многие метры ледяной пустыни. Немного потерпев, Феникс, словно тряпичная кукла, повалился на снег.

Горы, горы, это самые древние жители Ардикта, их величие и мощь часто восхвалялись в древних рукописях. Одни уверяли, что это остатки дворцов создателей, которые, разочаровавшись в своих подопечных, решили покинуть этот мир, другие считают, что горы — это живые титаны, некогда ходившие по всей территории, но за свои попытки уподобиться создателям были прикованы создателями к земле. Вот и сейчас, смотря на этих исполинов со своего места,

Феникс думал о том, что движение литосферных плит заставляет людей придумывать всякую ересь.

Долго, правда, размышлять Феникс не стал, пробежав еще несколько секунд, он с трудом поднялся на ноги. Прихрамывая на правую ногу, которая была сломана сильнее левой, он медленно подошёл к лежащему неподалёку животному.

— Мёртв, прошу, мёртв...

Феникс повторял это как молитву, в надежде, но животное оказалось живым. Бросив свои тщетные попытки подняться, конь тихо лежал, уставившись в одну точку, было видно, как из его ноздрей поднимался легкий прозрачный пар, медленно растворяясь в воздухе, а одна из конечностей покрылась стекающей кровью. Феникс вынул целой рукой свой меч, боясь реакции коня, он старался сделать это, как можно тише. Миллиметр за миллиметром, не касаясь краев ножен, но в последний момент предательская сталь всё-таки скользнула, издав металлический звон. Жеребец устало повернул свою голову в сторону бывшего наездника, но, измученный болью, снова повалил её на землю. Фениксу показалось, он сделал это даже с каким-то пониманием того, что сейчас должно произойти. Старательно удерживая одной рукой меч, всадник медленно приподнял его, но левая рука, как оказалась, была не в лучшем состоянии. Совершив еще одну попытку, Феникс понял, что не сможет нормально поднять меч для удара, да и сам удар может не получиться, доставив животному страшные муки. Приложив все усилия, всадник осторожно опустил острие меча на вздымающуюся грудь животного; жеребец из последних сил принялся дергать единственной конечностью, стараясь уйти из-под оружия. Несмотря на повреждения руки Феникса, меч с легкостью достиг сердца животного.

— Подойдешь ближе, и я тебя на части порву, Габриэль, — не вынимая меч, произнес Феникс.

— Практически во плоти, а слуги мне не соврали — чутьё у тебя и вправду звериное, а оскал?

Не мешкая, Феникс быстро вынул меч из коня и, стараясь задать ему правильную траекторию, ударил в то место, где должен был стоять Габриэль. Однако, опустившееся оружие смогло разрубить лишь лежавший на земле снег.

Глава 14.

Тайны темноты.

Годрик не понимал, что происходит, сильное течение подземной реки несло его, Елену и тролля с огромной скоростью. Обхватив ударившуюся об камень девушку, маг всеми силами старался не уйти под воду; к его счастью, пловцов среди троллей никогда не было, так что их ненавистник быстро пошёл ко дну, в панике не успев прихватить с собой героев. Правда, его дело могла вполне закончить река, стремительная и глубокая, она то и дело кидала девушку и парня со стороны в сторону, то поднимая вверх, то резко швыряя вниз. Годрик, как мог, старался удержать Елену, хотя порой чувствовал, что

может пойти на дно вместе с ней; он не знал, сколько ещё мог продержаться, всё усугубил и потолок пещеры, который с каждым разом становился всё ниже и ниже, пока вовсе не оставил место героям. Однако, даже не смотря на это, Годрик до последнего прижимал к себе девушку.

Удача же, однако, не покинула героев, и уже через несколько секунд выкинула обоих в спокойное озеро с небольшим каменным островком посередине, на который и выбросило утопающих. Годрик не помнил себя от усталости; наглотавшись воды, ощущая каждый синяк, образовавшийся от встреч с валунами, он довольно быстро поднялся на ноги и затащил практически не дышавшую девушку на берег. Не теряя времени, маг попытался вывести воду из организма с помощью магии, но вовремя вспомнил, что мог и наоборот образовать внутри легких ещё больше воды или воздуха. Однако, другого варианта он не видел. Сбравшись с силами и максимально освободив свой разум, он принялся медленно чертить руками символы на теле Елены. Задача казалась непосильной, маг мог не только не помочь девушке, но и убить себя, а это полностью ставило под удар весь план Феникса, который, возможно, не смог пережить удара тролля. Мысли о поражении всё больше одолевали Годрика, руки мага затряслись и не хотели подчиняться, символы, которые он старался рисовать, просто-напросто были незаконченными, а жизнь Елены постепенно угасала. На его лбу проступил холодный пот, глаза превратились в белое стекло, а дыхание прекратилось.

«Она умрёт, она умрёт, это бесполезно, сдайся».

Хрипящие голоса доносились со всех сторон. Годрик почувствовал, как сотни жадных глаз уставились на него — мёртвые и хищные, они жаждали свежей души. Неупокоённые тёмные души, чьё предназначение бродить по земле, оскверняя её и подчиняя своей воле всё новые жертвы, они были червяками, поедающие здоровое яблоко, постепенно отравляя его.

— Идите к чёрту! — не выдержав, прокричал Годрик и, сжав руку над Еленой, поднял кулак над головой, от чего пещеру озарил яркий свет. Небесно-белое светило было куда ярче солнечного и теплее обычного огня. Освещая самые дальние уголки тёмной пещеры, оно словно волна омывала прячущиеся там тёмные души.

— Прекрати! Хватит!

Шипение превратилось в крик, от которого Годрик невольно сжался, души кричали сильнее, чем горящие заживо люди, каждый их зов усиливался, отражаясь от чистой глади озёрной воды и кривых стен пещеры. Продержав огонь еще долю секунды, маг обессилено упал на землю, светило, следовавшие его рукам, вернулась обратно в тело Елены, выпустив напоследок яркую волну белого света. Крик прекратился, крошечная тьма вновь поглотила всю пещеру.

Обессиленный и практически потерявший сознание, Годрик, вслушиваясь в наступившую тишину, медленно приподнял голову. Елена всё так же неподвижно лежала на каменном полу. Несмотря на бледный цвет кожи, её грудь плавно поднималась и опускалась, а из полуоткрытых губ виднелся лёгкий прозрачный дымок. Маг вздохнул с облегчением и, опустив голову, сомкнул глаза.

Сны к Годрику приходили редко и чаще забывались с наступлением рассвета, но приснившееся сегодня, казалось, не забудется никогда. Ему снилось, словно его учитель медленно крадётся по длинным чёрным туннелям. Боясь каждого постороннего шума, старик осторожно переступал через толпы шныряющих крыс, которые, словно сторожевые псы, скалили на него свои кривые зубы. Годрик не понимал, где находится, и куда именно идёт учитель, но, словно замороженный, следовал за ним. Вскоре туннель прекратился, и кромешную тьму прорезал свет небольшого гуляющего по сырým стенам огонька. Оказалось, что он исходил из большого круглого помещения, в центре которого находилась огромная статуя какого-то божества, но из-за темноты невозможно было точно сказать, какого. Помещение заполняли множество людей, чьи лица скрывались под серыми капюшонами, они держали в руках непонятные сферические предметы. В центре у подножья статуи также виднелась непонятная чёрная фигура.

— Братья и сёстры! — сказал человек в центре, возводя руки вверх. Этот голос Годрик узнал бы из тысячи, властный и сильный, способный навести страх на самого лютого зверя, герцог Габриэль.

— Сегодня настали сложные времена. Некогда великая и могущественная империя, объединившая под своим крылом сотни народов, увядает. Оставленный нашими предками чудесный плод давно начал своё гниение, а наш священный император слишком юный, дабы увидеть всю картину происходящего. Сладкоголосые змеи, сидящие у его трона, ублажают слух императора баснями о процветании и мире. Но у змеи есть не только язык, два ядовитых клыка, две приёмные сестры императора, принесённые в священное гнездо — они только и ждут момента, когда Священная гвардия, веками служившая верой и правдой благому делу нашего народа, отвернётся, оставив беспомощной дитя им на растерзание.

Габриэль выдержал паузу, старик, стоявший рядом с Годриком, осторожно спрятался в глубь туннеля.

— Братья и сёстры. Я взываю к вам, к тем, для кого империя — не пустой звук, к тем, кто поклялся до последнего стоять на страже великих заветов. Мы должны отрубить голову змее, пока не стало слишком поздно. Мы должны спасти империю, даже если для этого придётся принести большие жертвы. Мы должны сделать ради нас и будущего!

Последние слова Габриэля звучали тихо, но Годрик чувствовал внутри себя сильнейший резонанс, внутри голос герцога буквально кричал и взывал своей правильностью к каждому уголку души мага. В конце концов, он даже не заметил, как его учитель осторожно вышел из-за стены и присоединился к толпе слушателей.

— Сегодня, — продолжал Габриэль, — мои верные последователи, наш Бог явился ко мне. Его голос нёс в себе боль и страдания, он более не может смотреть, как разрушается его наследие, он устал ждать, как страдает его народ. Посему он предрёк, что на закате, знаменующий конец года Кровавых жрецов и наступление года Равновесия, он придёт в этот мир. Придёт, дабы вывести этот мир из тьмы и навсегда ввергнуть в неё оступившихся. А сейчас, братья и сёстры, давайте восславим его и принесём ему жертву одного из старых врагов, чтобы ощутить на себе благословение нашего Бога!

После этих слов Габриэль поднял руки вверх, и стоящая позади него статуя принялась светиться сначала обычным огнем, который затем поменял свой цвет на кроваво-красный. Загипнотизированный в туннеле маг почувствовал, как по его спине пробежал легкий холодок, который, словно раскалённый кинжал, возился в спину Годрика, и тот чуть не упал от ужаса.

Горевшая красным пламенем статуя была не кем иным, как Террамулом. Древним, давно забытым божеством, чьё предназначение — хаос и разрушение. Туловищем напоминающий человека, но имевший вместо головы и ног продолжение в виде чёрного ящера. Легенды приписывали его пасти тысячи зубов и около десяти зрачков, которые вмещались в два глазных разреза, которые брали своё начало у самых ноздрей и заходили ему за голову. Рук у божества было четыре — огромные и сильные, они плавно переходили из человеческих в чёрные когтистые лапы ящера. Спину его до самого хвоста покрывали костяные острые шипы, изогнутые в разные стороны.

Однако, грозный вид тёмного божества не шёл ни в какое сравнение с его коварством и магией. Будучи маленьким, Годрик часто слышал от наставников, как тёмный бог, даже будучи заточённым, мог влиять на целые города, заставляя тех любыми средствами вытащить его из тюрьмы, в которую его так давно посадили маги древности. К счастью, такие попытки всегда сводились на нет великими хранителями древности. Но империя росла, погрязшая в голоде, рабстве и алчности, она со временем забыла свою историю.

Статуя тёмного бога вывела мага из транса, немного растерянный, но всё же владеющий своим телом, он принялся оглядываться по сторонам в поисках своего учителя. Но было слишком поздно, старик, уже поняв, что его провели, молча стоял рядом с Габриэлем. Годрик хотел было последовать за учителем и попробовать вытащить его, но тут сон принял свойственный в таких ситуациях оборот. Когда маг оттолкнуться от земли чтобы прыгнуть, его прыжок оказался не выше пары сантиметров, а то и ниже. Бег Годрика превратился в легкую прогулку, а попытка растолкать толпу собравшихся — в бесполезные потуги мыши сдвинуть кота. Габриэль же, тем временем читая древние молитвы, протянул старику свою руку. Учитель Годрика молча взялся за неё своей.

— Похоже, Вы с подарком, — усмехнулся Габриэль. — Отлично.

По руке старика мелькнуло остриё — церемониальный кинжал, магическим образом появившийся у герцога, настолько легко и быстро прошёл сквозь неё, что Годрик на мгновение решил, что Габриэль промахнулся. С небольшой задержкой кровь принялась хлестать их старика, скончавшись, он рухнул на пол, оставив отрезанную руку у герцога. Годрик, обезумевшей от происходящего, уже не просто расталкивал смотрящих, а старался ударить их, заставив уступить ему место, но тщетно — удары были слабее детских и словно каждый из них относил его всё дальше и дальше от жертвенника. В конце концов, Годрик бил уже по воздуху, а последнее, что он увидел, был его мёртвый учитель.

Елена осторожно положила руку на лежащего без сознания мага, по его лбу скатывались холодные ручьи пота. Девушка ничего не помнила и боялась сделать хоть какое-то лишнее действие, боясь навредить магу. На лице Годрика раз за разом читалась дикая боль, руки то сжимались добела, то разжимались, тут же стараясь ухватиться за каменный пол, а дыхание

усложнялось с каждым вздохом. В таком состоянии Елена держала мага на руках несколько минут, стараясь не поддаваться панике, пока в один миг все его действия не прекратились, а тело, успокоившись, не обмякло у неё на руках.

— Годрик, Годрик ты меня слышишь? — рука девушки мягко легла на шею мага.

Пульс молчал, как и другие признаки жизни вплоть до дыхания.

— Годрик! Годрик!

Голос девушки дрожал, не зная, что делать, она занесла свою руку, которой проверяла пульс, и резким движением ударила бездыханное тело по щеке. Удар, ещё, никакого эффекта это не возымело, тогда девушка быстро вскочила босыми ногами на каменный пол и понеслась к воде. Набрав немного воды, Елена несколько раз облила лицо Годрика. Пульса не было. Губы девушки затряслись, на глазах стали наворачиваться слёзы. В отчаянии она снова принялась давать пощёчину за пощёчиной.

— Годрик!

Ситуация словно возвращала в прошлое Елену, где она, ещё будучи маленькой девочкой, бегала по дворцу в поисках своей сестры, чтобы показать, какое чудесное одеяние привезли ей из зелёных чащ Вергена, но та, словно на зло, как сквозь землю провалилась. Елена уже обыскала весь дворец, спросив у всей прислуги, что попадалась ей на пути, но всё тщетно. Тогда девочке ничего не оставалось, и она, перескакивая через чёрные квадраты на полу, поспешила к своей маме.

Герцогиня Эрла Феодарис считалась самой прекрасной женщиной всей восточной империи, дочь первого представителя священного ордена герцога Такифа. Люди говорили, что красота герцогини уступали лишь её доброте: нежная, словно цветок лилии, она не выносила рабский труд и всячески влияла на мужа, дабы прекратить нечеловеческие условия Хилонсов. Влияние, к слову, она имела большое, часто бывая на светских раутах Эрла, радовала гостей своим чудесным пением, вводя в транс каждого присутствующего человека.

Елена застала свою маму в саду, она часто там бывала в это время года — нежный запах сирени своим прекрасным ароматом часто напоминал герцогине о её светлом и теплом крае, а аквигелия с тюльпанами с головой уносили прекрасную Эрлу в детские воспоминание. Тот день не стал исключением — маленькая Елена, как всегда, на цыпочках, пробралась к своей маме, чтобы выскочить и напугать сидевшую в своем плетёном кресле герцогиню. Однако, добравшись до цели, девочка расстроилась — мама не сидела, как обычно, читая или размышляя, веки её были закрыты, а руки аккуратно сложены друг на друге. Поначалу Елена не хотела будить спящую красавицу, но, потом, подумав, решила, что лишь немного разбудит её — быстро спросит про сестру и уйдет.

— Мама. Мама.

В первую попытку голос девочки был нежный и практически не слышан.

— Мама, ну, мама.

Вторая и третья включили в себя лёгкое расталкивание и попытку несильно повисить голос. Но в ответ была лишь тишина.

— Мама! Мама хватит! Я знаю, ты меня слышишь!

Тишина, только тишина в ответ.

— Елена, что с тобой? — голос Годрика вернул девушку в реальность.

Елена даже не заметила, как слёзы катились по её щекам, а она уже уткнулась в грудь мага. Поняв, что происходит, она резко отпрыгнула от Годрика словно ошпаренная, но потом снова обняла ожившего.

— Задушишь... Мисс Феодарис... Елена...— откашливаясь, молил о пощаде Годрик.

— Прости, ты живой. Живой, но твоё дыхание — ты был мёртв, я проверяла твой пульс! Сивилла постаралась?

— Ни в коем случае, — откашливаясь, поднялся Годрик, — просто у магов во сне останавливается пульс.

Такой ответ вполне устроил Елену, и она вздохнула с облегчением.

Островок, на котором очнулись герои, оказался не единственным участком земли, но Годрик заинтересовался одним из наиболее длинных и теряющимся в темноте пещеры.

— Нам туда, — указал он Елене на свое открытие, — этот хребет, скорее всего, приведёт нас к берегу, а там есть шанс найти проход.

— Или это обычная пещера, не относящаяся к лабиринту, или мы тут умрём от голода.

— Феникс бы сказал, что нужно быть чуть оптимистичнее и спокойно следовать своему плану.

Феникс, что с ним случилось после встречи с троллем, жив ли, или и его жизненная магия так же подверглась изменениям, как и магия Годрика? Елену ужасала одна мысль о том, что он может сейчас лежать, переломанный, в холодном снегу, а то и хуже — мёртв. Годрик же гнал от себя такие идеи, и, не долго думая, нырнул в воду. Девушка не ожидала такой необдуманности от своего напарника — помимо холодной температуры, там могла обитать различная хищная живность, которую долгое время держали на диете. Однако, опасения оказались напрасными: вынырнувший Годрик проплыл пятьдесят с лишним метров, спокойно добрался до каменистого хребта. Сомнения Елены, однако, от этого не уменьшились, но, смирившись с безысходностью, она, задержав дыхание, нырнула вслед за другом. Ледяная вода оказалась даже менее гостеприимной, чем рассчитывала девушка: стоило ей погрузиться в неё с головой, как множество мелких иголок пронзило тело героини.

Годрик наблюдал за девушкой с небольшим опасением, готовый, в случае необходимости, броситься ей на помощь, но уже через несколько секунд Елена выплыла и начала быстро приближаться к берегу. Маг был приятно удивлён, несмотря на свою выносливость, ему крайне не хотелось лезть в воду ещё раз. Наблюдая за приближающейся Еленой, он ещё раз подумал о том, как она испугалась, когда его астральное тело совершило прыжок в воспоминания учителя, а возможно, и самого Габриэля. Старик всегда говорил ему, что враньё — порождение страшнейшего из всех зол и часто является предвестником многих бед. В этот раз это во благо, ей необязательно всё знать, убеждал себя он.

— Опять, что-то под нос себе бормочешь, — вылезая из воды, сказала Елена.

— Что, прости? — спросил Годрик, помогая ей подняться.

— Твоя привычка разговаривать с самим собой, ты постоянно делаешь это, ну и что в этот раз подсказало тебе твоё второе я?

— Есть одна идея, магический капкан, несмотря на то, что нацелен на сдерживание моих сил, так же является производным магии. Впрочем, говоря простым языком, я чувствую, как натянута эта сеть, — объяснял Годрик, следуя вперед.

— То есть, ты можешь вывести нас к лабиринту? — удивилась Елена, ступающая позади мага.

— Мы уже в нём.

Слова Годрика обрадовали и насторожили Елену, маги прошлого, участвовавшие в различных войнах, хорошо знали своё дело, намного лучше, чем новое поколение, которое сейчас служит скорее развлечением для тех, кто платит.

— А что, если лабиринт охраняется? — не выдержала Елена.

— Всё возможно, но если мы встретим охрану города в этих катакомбах, то я с ней разберусь.

Слова Годрика немного успокоили девушку, но не самого мага. Он не врал ей, говоря о том, что чувствует капкан магии, но немного умолчал про сгусток черной материи, который пришёл в движение, стоило им ступить на хребет, ведущий к входу в лабиринт.

“Как славно, похоже — это маг”, — промычало существо, медленно переставляя свои шесть механических ног. “А вторая — не маг, как не славно, не славно!” — злобно завывало оно, словно малое дитя, бешено вращая своим единственным глазом, сделанным из стекла, заключённым в железо и по форме напоминающего небольших размеров подзорную трубу. Однако, завидя перед собой маленькую крысу, пожирающую своего собрата, замерло: “Не мага ведь тоже можно убить! Очень славно”, — существо обрадовалось, задёргнувшись всем своим телом, изображая приступ смеха — в этот момент оно жалело, что не способно исказить улыбки из-за плотно опоясывающих рот стальных нитей. Правда, что означало жалеть или смеяться, оно не знало, для этого были электрические импульсы, поступающие через паразита, закреплённого пожарными ремнями за спиной. Если поступал лёгкий разряд в лобную часть круглого как шар черепа, то оно смеялось, в височную — злилось, а если в другие, то ничего не происходило, сбой. Сбой было тем словом, которым владело существо, которое почему-то чётко помнило и там яростно старалось сохранить. Были и другие словосочетания, которые наполняли словарный запас существа, например — маг, убить, славненько, а если точнее, это было предложение. Оно не знало, почему это делает, и даже не пыталось узнать из-за отсутствия каких-либо желаний или мотиваций, оно не жило, оно существовало.

Годрик медленно провёл рукой по стене, наскальные руны и вырезанные фигуры украшали длинный коридор, к которому их привёл хребет. Тёмный и сухой, этот проход тянулся на десятки метров в глубь с большим количеством различных поворотов в другие туннели, образуя десятки ходов. Маг ещё раз постарался разобраться в наскальной живописи, но глаза, привыкшие к свету, мало могли разглядеть в густоте чёрного цвета, не видно было даже, куда

делать следующий шаг, спасало лишь то, что каменный пол был выложен с точностью до самых мелких состыковок.

— И как только они это возвели? — решила нарушить молчание Елена.

— Как всё великое в этом мире, через смерть тысяч людей, — сухо ответил Годрик.

— Возможно. Думаешь, Феникс жив?

— Да. Нет. Я не знаю, — более раздраженно произнёс Годрик.

— Да что с тобой?! С тех пор, как мы тут оказались, ты ведёшь себя странно!

— Я такой же, как и всегда! Это ты задаёшь idiotские вопросы!

Годрик уже не сдерживался и перешел на крик. Раздражённая таким поведением, Елена замерла на месте и скрестили руки.

— Единственный idiot здесь — ты! Ты ничего не объясняешь, только идёшь вперед, что-то бормочешь себе под нос!

Елена чувствовала, что в ней говорила не только она, но и давнее непонятное чувство страха перед темнотой.

— Ну, прости, тебе же больше нравится идти за Фениксом — он тебе больше по душе, вот только какая жалость — он предпочёл Сивиллу!? Или Леонард!? А может, ты хочешь переспать с ними двумя — так ведь веселее?!

По лабиринту эхом прокатился звук шлепка. Удар ладони пришёлся на щеку Годрика, от которого он словно пришёл в себя и увидел, как перед ним стояла Елена со слезами на глазах. Он хотел было сказать, что не хотел, но девушка оттолкнула его и побежала вглубь туннеля.

— Елена! Постой, прошу, это не безопасно! Елена!

Маг надеялся, что сумеет нагнать Елену и извинится, но как бы быстро он не бежал, нагнать девушку не получалось.

Погоня продолжалась несколько минут, пока Годрика не ослепил яркий свет из поворота, куда забежала Елена. Протерев свои глаза и немного привыкнув к свету, он сделал несколько шагов вперёд. Оказалось, что свет исходил из большого холла, в центре которого светил огромный по размерам кристалл.

— Елена! Елена! — прикрывая глаза рукой, звал девушку Годрик.

— Уходи, — прозвучал голос Елены.

— Елена, прости, пожалуйста, я не...

— Уходи... Живо...

Голос Елены был тихим и расстроенным, а эхо, исходившие от стен комнаты, не давали сориентироваться магу, но скоро на белом фоне Годрик смог разглядеть тёмный силуэт. Обрадовавшись, что девушка решила остановиться, он ускорил шаг, пока она не решилась на ещё один кросс. Годрик не понимал, почему, но от этого бега его ноги словно стали ватными, а голова страшно болела.

— Прости, я не хотел этого, Елена... Ты права, я не должен... должен был... я не.

Годрик замер, его язык не мог пошевелиться, даже грудные мышцы с трудом позволяли ему дышать. Рука же, прикрывавшая глаза, бессильно упала вдоль тела, падавший на неё свет уже не обжигал глаза, и тогда одна точка превратилась в две стоящие друг за другом. Через несколько секунд точки

окончательно приняли форму, впереди спиной к Годрику стояла Елена, а перед ней стояло непонятное создание уродливой формы. По спине мага пробежались мурашки, именно этот сгусток энергии он видел и именно его он потерял, когда погнался за девушкой. Годрик никогда не встречал ничего подобного: ростом в два с лишним метра, оно передвигалось с помощью специальных ног и каким-то образом воздействовало на возможность человека двигаться, а так же говорить. На что оно было способно, было тяжело предположить — тварь не имела своих рук, но при этом тяжёлые механические ноги легко могли перемолоть кости героям. Правда, делать нечто подобное оно не торопилось, первая реакция к существу пришло через несколько секунд молчания, точнее, так показалось Годрику. Промычав что-то вроде “Маг, не маг, славно, славно”, оно забилось в сильных конвульсиях, похожих на припадок, увидев которые, Годрик готов был поклясться, что принял за смех. Раздумья мага прервал голос Елены, она всё ещё пыталась промолвить слово “уйди”, даже подавленный её разум хотел уберечь друга. Однако, девушку слышал не только Годрик — тварь, поймавшая их, закончив свой смех, тоже заинтересовалась возможностью девушки разговаривать, и сделало несколько шагов вперёд, приблизившись практически вплотную к ней. Обездвиженный маг почувствовал, как внутри него разгоралось пламя ярости, он не понимал, почему, но это бездействие заставляло его испытывать сильнейшую боль. По помещению пронёсся звук выходящего пара, механические ноги монстра отпустили его на пол, и из-за его спины медленно выползло белое, похожее на слизняка, существо. Слово расстояния момент оно осторожно сползло на пол и не спеша двинулось в сторону Елены. Вены Годрика вздулись от напряжения, но как бы он не старался пошевелить хотя бы пальцем, не получалось. Слизняк же уже практически добрался до девушки, которая все ещё шевелила губами, складывая всё то же слово. Раздался дикий вопль боли — попав на ногу Елены, тварь принялась поедать её плоть, Годрик видел, как тысячи маленьких ртов на теле слизня, отрывая по кусочку, жадно питались плотью девушки. Крик словно вырвал все внутренности из мага, не помня себя от ярости, он с тяжёлым трудом поднялся на ноги. “Не славно”, — произнёс механический монстр и, поднявшись на свои четыре конечности, затрясся всем телом. Годрик чувствовал, как терял равновесие, тьма окутывала его глаза, а из носа и ушей хлынула кровь. Но крик Елены затмевал его чувство боли, чувство самосохранения, каждый шаг мог убить мага, любая очередная попытка поднять ногу. И вот он уже стоял вплотную к слизи, тот всё сильнее вгрызался в ногу девушки, принося невыносимые муки. Остальное для Годрика происходило в бреду; используя остатки своих сил, он сильным ударом ноги запустил слизня в дальний конец помещения и, замученный, упал на пол. “Убить мага! Убить мага!” — слышалось мычание механического существа, но Годрику было всё равно, он сделал, что хотел, пока слизь будет медленно поедать его, Елена умрёт от потери крови, не испытав те муки, которые предстояли ему.

— Заткнись, — прозвучал голос в голове Годрика, как ему показалось, но когда его тут же сменил хрип механического монстра.

Феникс давно бродил в лабиринте в надежде, что остальные тоже выжили и нашли вход в лабиринте. Крик Елены заставил его нестись по коридорам

быстрее хищника, преследовавшего свою жертву, и поспел как раз вовремя. Меч, брошенный Фениксом, вошел в жирную голову монстра по рукоять, сломав при этом его стеклянный глаз. Если бы существо могло кричать от боли, то этот вопль заполнил бы весь лабиринт, но вместо этого можно было услышать лишь истошный хрип. Не мешкая, Феникс быстро приблизился к существу и, вырвав меч из головы, одним движением располовинил монстра на две части. Уцелела только железная подставка, которая неподвижно стояла с расчлененным трупом.

Годрик не мог понять, происходило ли это во сне, или он уже бредил от того, что слизень принялся поедать его. Последней картиной, которая мелькнула перед его глазами, был удар ногой Феникса по слизи, от которого тот размазался о стену.

Глава 15.

Башни ветров.

Сны в этот раз Годрику не снились, лишь необъятная тьма, в которой он обычно пребывал, обняла его разум. Елена, как он мог тогда поддаться эмоциям и подвергнуть её опасности, зачем врал, был ли в этом смысл? Вопросы повторялись один за другим, заставляя мага опять и опять ощущать свою беспомощность в той ситуации с механическим монстром, а этот звук его железных конечностей до сих пор эхом расходился в голове Годрика.

Этот самый шум и привел мага в себя — открыв один глаз, он увидел, как перед ним то вперед, то назад двигалась какая-то железка с характерным звуком. Ярость перемешалась со страхом и, неуклюже вскочив на ноги, Годрик рухнул с небольшой высоты на пол.

— Решил окончательно себя сломать?

Механический звук прекратился, перед Годриком стояли Феникс с Еленой на руках и железная платформа, на которой уже не было никакого существа.

— Где? — выдавил из себя Годрик.

— А, ты про жирдяя? Я не мог нести тебя и Елену, поэтому пришлось позаимствовать его тележку, уверяю тебя, он был не против, — ответил Феникс и аккуратно опустил тело девушки на механизм, протянув руку Годрику, — давай подсажу.

— Не стоит... Я могу... Могу сам...— ответил Годрик, поднимаясь на дрожащие ноги, — она... Как она?

— Жива. Не переживай, — успокоил Феникс и оторвал одну из ног механизма, сделав из него подобие костыля для мага, затем, подняв Елену на руки, обрушил ударом ноги чудо инженерной мысли. На что Годрик учтиво кивнул головой.

Следующая часть пути прошла в тишине. Всепоглощающая вина пожирала Годрика каждый раз, когда он пытался начать разговор. Ему казалось, что он готов взорваться каждый раз, когда поворачивался к Фениксу и его взгляд падал на Елену

— В этом нет твоей вины, — прервал молчание Феникс.

— Перед тем как это случилось, мы поссорились, я.

— Ты тут не причём. Дело в том существе, что вы встретили.

— Ты знаешь, что это? — удивился Годрик.

— Да, это одна из игрушек магов прошлого. Многие изгнанники находили себе пристанище в таких местах, как ледяные пустыни. Не найдя себе применение в обычной жизни, они отправлялись на войны или вот такие строительства подальше от назойливого правительства и любопытных граждан.

— Ты что-то вспомнил?

— Немногое, такое просто так не забудешь. Магические механики славились своей страстью к машинам и ненавистью ко всему органическому. Их отчаянные попытки приблизиться к совершенству в этом вопросе приводили к страшным последствиям. Одним из таких последствий были горгульи. Рецепт был прост. Из специальных мест достать белых слизней, чьё основное пропитание — живая плоть. Особенности такого вида слизней заключалась в возможности подавлять основные функции организма жертвы. К сожалению для жертвы, чувство боли не входит в основные. Свою медлительность такие твари компенсировали возможностью паразитировать на особо крупных видах животных, заставляя тех следовать своим указаниям. В этом была и проблема, и решение для магов. Осталось найти такое животное, которое они могли контролировать, дабы заселить паразита и разработать своеобразный симбиоз.

— Транспорт и убийца. Но разве этот червь не мог пересечь на другой транспорт?

— На любой, но стоило ему хоть раз присоединиться к определённому человеку, как другой его не устраивал. Одни говорили из-за простоты в управлении, другие твердили что-то по поводу благоприятной среды, но факт оставался фактом — был необходим человек. Точнее, марионетка, чьё тело будет вечно служить слизию транспортом и домом.

— Хорошо, поймали человека, посадили слизня, в чём сложность, зачем такие модификации? — спросил Годрик, намекая на свой костыль.

— Человек не вечен. Тогда-то и приняли решение о первой модернизации человека, но тут возникла ещё одна проблема — человек должен был быть живым и подчиняться магам. Людей рубили и пилили, ещё живых, их тела подвергали сильнейшим изменениям, начиная с мозга, заканчивая ногами. Первый образец показал себя как нельзя лучше: помимо внушаемого ужаса от одного вида, он также мог справиться с целой толпой людей. Успех. Но...

Феникс прервался и остановился; казалось, словно эти слова он и сам слышал впервые. И то, что он услышал дальше, не особо ему понравилось.

— Но? — нетерпеливо повторил Годрик.

— Но успех продлился не долго. Человеческий разум оказался не так прост, как животный, найдя способ сопротивляться, люди добирались до слизней, отрывая их от себя и приходя в ужас от увиденного. Эти проблемы решались магами просто — сначала подопытным удалили руки. Потом и ротовую полость заклепали, ноги тоже пришлось изменить — люди умудрялись ими разбегаться и убиваться об стены, — Феникс прервался, — такие эксперименты возмутили общественность. По всей видимости, тут им всё же нашли применение.

Годрик почувствовал, как по его спине пробежал холодок. Он понимал, почему Феникс выдержал ту паузу и не знал, хотел ли он услышать это.

— Так это был один из Хилонсов? — неуверенно спросил он.

— Не знаю, тут дело не в расе, а в устройстве мозга — предпочтительнее всего были маньяки убийцы с приличным послушным списком, — ответил Феникс, но, заметив реакцию Годрика, добавил, — меня это тоже мало утешает.

Маг ничего не ответил, лишь кивнул и посмотрел на спящую Елену.

— Ты спас её, ты это знаешь? — спросил Феникс.

— Спасибо, её ты, а я лишь подверг опасности, — отрезал сухо Годрик.

— Нет, ты не виноват, одно из способностей, которым наделены механические горгульи — это возможность влиять на разум через расстояние, сея раздор. Поэтому маги прошлого и любили это оружие — способности слизней природные и не имеют отношения к магии, поэтому ты их не видишь, а сама горгулья, чей след ты видел, может быть за несколько метров от тебя. Созданная суматоха позволяет охотнику добраться до жертвы и сожрать её. Ты же продержался достаточно долго, и то, что ты решил пожертвовать собой. Яд, выделяемый зубами слизня, убил бы Елену, и я бы ничего не мог сделать.

— Феникс? Это всё что ты вспомнил?

— Да, эти волны подавления, я их чувствовал на себе очень давно.

Дослушав, Годрик замер.

— Понятно, как думаешь, уничтожив империю и освободив Хилонсов, мы прекратим эти бессмысленные жертвы?

— Нет, — без раздумий ответил Феникс, — ты можешь убить сотни плохих людей и посадить на их место других. Но человеку нужна война и неравноправие. Он живёт ради этого, радуется, когда кому-то плохо, давит тех, кто слабее и придумывает всё более извращённые способы убивать себе подобных.

— Но, тогда зачем? Зачем мы это делаем? Какова наша цель?

— Однажды ко мне пришла девушка и попросила помочь ей восстановить справедливость. Помочь отомстить обидчикам и убийцам. А ещё я хочу вспомнить и понять, кто я. Зачем был рождён и кем. И ты знаешь, зачем ты тут. Так что руби всех, кто встанет у тебя на пути, ты всё равно не прав.

«Ты всё равно не прав». Годрик прекрасно понимал это уже давно, или догадывался, но сама мысль об этом пугала. Делая хорошо одним, ты делаешь зло для других. Для человека, который всю жизнь жил под гнётом людей, постоянно твердящих про нерушимые идеалы единой империи, мысль о чувствах других казалась неуместной, и даже дикой. Любое решение, принятое им, кого-то не устраивало, а мир не делился ровной полосой на чёрное и белое, он был сложнее, намного сложнее.

Дальнейший путь проходил без особых осложнений, не считая лестниц, которые являлись настоящим испытанием для Годрика.

— Не спеши, те механические ноги всё равно передвигаются намного медленнее, — говорил Феникс, когда замечал, что маг уже на пределе. Но на это Годрик лишь благодарственно кивал головой и, приложив усилия, преодолевал очередную ступень. К жизни мага вернулась возможность пользоваться своей магией; пройдя несколько метров после последнего

лестничного пролёта, герои заметили, что коридоры начали принимать жилой вид. Горящие факелы, ухоженные стены, отсутствие вековой пыли и огромная запертая дверь, сделанная из железа.

— Заперта? — спросил Годрик.

— По всей видимости, кто-то в городе осведомлён о цепных псах, сидящих в лабиринте.

— Ты хотел сказать, псе? — поправил Феникса Годрик.

— Хотел, сказал бы.

— Но я чувствовал изменение в магии, и лишь одно, — удивился маг.

— Пусть так, идём, мы опаздываем.

Слова Феникса заставили Годрика осторожно взглянуть за спину и неуверенно пожать плечами, ему даже послышался звук шагающих механических клешней где-то в чёрной мгле лабиринта.

Железная дверь легко поддавалась удару ноги Феникса и, слетев с петель, пролетела добрые двадцать метров.

— Громко, — заметил Годрик.

— У тебя есть навыки взломщика? — спросил Феникс.

— Ты забыл, я могу колдовать, мы ведь покинули капкан.

— Твоё колдовство будет куда громче падения сотни таких дверей. А теперь поспешим, Елене всё хуже, кровотечение остановить было просто, но яд вывести можно только в специальных условиях.

— Может, сначала займёмся ей, а уже потом возьмём город?

— Нет, для вывода такого яда нужны ведомые в этом деле знахари и, желательно, маги круга жизни. Надеюсь, Сивилла не только мёртвых умеет воскрешать.

— Сколько времени у нас есть?

— Двенадцать часов, чтобы взять город, или она умрёт.

За двенадцать часов взять город, да не просто город, а сокровищницу Империи — в голове это звучало даже безумнее, чем на словах. Однако, Годрик уже видел, на что был способен Феникс.

В коридорах за дверью оказалось довольно спокойно, лишь постоянный треск огня нарушал идиллию тишины. По словам Феникса, герои уже преодолели подгорный лабиринт и двигались в канализации города, из которой можно было попасть в любую точку. Любую точку он выбрал быстро, это была стальная лестница, ведущая к деревянному люку на потолке коридора. Первым поднялся Феникс, оставив Елену на руках Годрика, он осторожно приподнял крышку, послышалась стальная цепь, заперта. Стараясь особо не шуметь, Феникс протиснул руку в образовавшуюся щель и, нащупав замок, сжал его с такой силой, что тот треснул, словно грецкий орех. Открыв люк, он аккуратно спрыгнул с лестницы и, забрав Елену, одним прыжком исчез в открытом проходе.

— А меня так же можно? — усмехнувшись, спросил Годрик.

Забравшись на последнюю ступень лестницы, маг быстро окинул взглядом комнату, в которой оказался. Полки с книгами, разбросанные по углам мышеловки, деревянные ящики различных размеров и сильный запах сушёной травы. В комнате царила темнота, свет падал из открытой двери, Феникса и Елены же маг не наблюдал.

— Годрик, вылезай быстрее, помоги.

“Вылезай быстрее, мог бы и помочь”, — думал Годрик, закрывая за собой люк. Однако, когда Годрик зашёл в открытую комнату и увидел очнувшуюся Елену, чуть не обронил свой костыль. Девушка лежала на широкой стойке, взгляд её был устремлен в потолок, а грудь вздымалась в желании ухватить больше воздуха, руками же она намертво схватилась за деревянные края.

— Что с ней?! Феникс?! — закричал Годрик, стараясь быстрее дойти до Елены.

— Не паникуй, это не яд она бредит, — спокойно констатировал Феникс, снимая серый мешочек со стены. — Елена, успокойся. Дыши ровно, — успокаивающе приговаривал он.

Вытащив из мешочка горстку порошка, Феникс осторожно поднёс его к лицу Елены так, что часть его она сразу же вдохнула. Тот подействовал практически моментально, через несколько секунд девушка уже спокойно дышала и ослабила хватку, но глаза были открыты до тех пор, пока Феникс не провёл по ним рукой.

— Яд. Мы должны... — «помочь ей», хотел сказать Годрик.

— Это не яд, — перебил его Феникс, аккуратно укладывая мешочек в карман, — это воспоминания боли, которой она испытала, Елена думает, что её всё ещё едят живьём.

— Это настолько болезненно? — неожиданно даже для себя спросил Годрик.

— Да, слизи отрывают небольшие кусочки от жертвы, а их зубы лишь кажутся острыми. Мы можем только представлять, какой ужас она пережила, — объяснил Феникс, вынимая из комода небольшой футляр. — Так, корень астраты, а это тебе, пожуй, я пока уложу Елену на чердаке, там есть мешки с травой.

— А если те твари пойдут за нами? — не выдержал Годрик.

— Успокойся, — поднимая Елену, сказал Феникс, — их питательная среда — тот самый капкан, лишаящий тебя силы. Жуй, — повторил Феникс и исчез на чердаке.

Пожав плечами, маг открыл футляр, в нем лежал небольшой прессованный кубик желтоватого цвета с неприятным запахом серы. На вкус всё оказалось ещё хуже, Годрику казалось, что он пережёвывает прогнившее яблоко, предварительно смоченное в самом крепком спирте. От мысли выплюнуть ненавистный кубик маг отвлекал себя, рассматривая помещение, в котором они оказались. Выполнено оно было из камня, деревянными были стойка и полки, висящие за ней, там же, в определённом порядке, были развешаны небольшие мешочки различных цветов. Окон в помещении не было, лишь три позолоченные подсвечника и большое количество различных живописных портретов, расположенных по всему периметру. Каменная лестница, по которой поднялся Феникс, стояла с правой стороны от стойки, и была громоздким дополнением ко всей обстановки. Дверь же, из которой вышел Годрик, была слева и вела, как он понял, в кладовую, где хранился товар.

Феникс спустился с чердака довольно быстро. Заверив мага в безопасности девушки и в их скором возвращении, он направился к выходу из помещения.

На улицах Нереила царила ночь. Погруженный в крепкий сон, город мало походил на Серос, и куда меньше — на Рив: мрачные серые стены тут украшались мраморными статуями и возвышенными колоннами, улицы были выложенные из обработанных красных камней, привезённых из самой столицы, а любовь горожан к чистоте была выше всяких похвал. Крыши домов тоже были выполнены в своём неподражаемом стиле: покрытые сотней мелких разноцветных стекляшек, они то и дело переливались под светом луны.

Ориентироваться в городе оказалось довольно сложно, из-за частой практики узких улочек и трёх-двухэтажных домов, героям приходилось несколько раз менять своё направление. Смене курса так же способствовали часто встречающиеся патрули, коих в городе было приличное количество, Годрик насчитал пятерых. На удачу героев, большинство из них было изрядно подвыпившими.

Ворота же тоже оказались со своими нюансами. Громадное строение представляло собой стальные двери с толщиной, по меньшей мере, метров в пятьдесят, причём, такие же двери открывались и в другую сторону, образуя, таким образом, стометровую толщину. Стены же вполне могли вместить на себе несколько, не одну, армию и свыше тридцати баллист, либо до десяти требушетов.

— Нам туда, — указал Феникс на ничтожно маленькую дверцу в основании стены.

Дверца охранялась двумя часовыми; одетые в черные шубы, меховые шапки и обмотанные метровым шарфом, они походили на спящих огромных пингвинов, вооруженных стальными пиками. Завидя двух незнакомцев, охранники принялись перешёптываться в надежде, что сосед узнал, какие проверяющие на этот раз прибыли к их посту.

— Стоять на месте...— донеслось из-под намотанного шарфа. — Представьтесь!

— Разве солдат не должен представляться первым? — спокойно спросил один из незнакомцев с более старым видом.

— Гвардеец Боргов Верт! — громко и невнятно представился охранник, — теперь прошу представиться Вас!

— Годрик, ученик Роланда, враг империи и, в частности, герцога Сероса Габриэля Праша, а так же захватчик Рива, города-тюрьмы, и, с недавних пор, покоритель Нереила, сокровищницы самого императора, — указал Феникс на мага.

Охранники в недоумении переглянулись изумленными взглядами.

— А Вы? — спросил второй стражник.

— А я тут так развлекаюсь.

После этих слов Феникс моментально выпустил из рукавов два ножа для резки овощей, те быстро достигли жертв, пронзив грудь двоих стражей насквозь и, согнувшись от удара о стену, рухнули на землю. Вслед за метательным оружием последовали и сами охранники.

— Покоритель Нереила? — удивленно взглянул на Феникса Годрик.

— Согласен, немного переборщил. Да и во время взятия Рива ты спал, — улыбнулся Феникс.

Покачав головой, Годрик толкнул дверь, та тихо заскрипела.

Спрятав трупы за винтовой лестницей, Годрик и Феникс, быстро накинув на себя одежду охранников, принялись подниматься вверх. Однако, уже через несколько сотен ступенек герои поняли большой недостаток зимних шуб в тёплом помещении, особенно при таком интенсивном движении.

Лестница не имела никаких поворотов и лишних пристроенных комнат, поэтому привела героев к единственной двери на самой своей вершине.

— Слишком просто, нужно быть настороже, — заметил Годрик, увидев, что дверь не заперта.

— Вот зачем ты это сказал? Теперь, если нас поймают, это не будет неожиданностью, а если не поймают, то я буду разочарован, — съязвил Феникс, заходя в помещение за Годриком.

— Вы не будете разочарованы, — послышался незнакомый женский голос в темноте.

Дверь за героями захлопнулась, и Феникс услышал, как прозвучал звук арбалетов. Годрику же повезло меньше, на его руках, ногах и шее затянулась крепкая огненная тетива, созданная, по меньшей мере, двумя волшебниками. Свет озарил комнату. Всё, как и предполагал Феникс — в его сторону смотрели десять арбалетов подряд, а мага связали по рукам и ногам тремя колдунами, помимо этого в засаде участвовали около шести человек, вооружённых мечами.

— Дёрнись, и мальчишка умрёт, — зазвучал тот же голос, но обладателя не было видно.

— Да нет, мне и так хорошо, может, покажешься? — попросил Феникс.

Девушка стояла за толпой вооружённых, одетая в чёрное платье, сапоги и перчатки, она с ехидной улыбкой рассматривала своих пленников.

— Ведьма...— процедил сквозь зубы Годрик.

— Да, всё верно. А вы те, кого разыскивает Габриэль.

— Да нет, мы просто дверью ошиблись, у вас их тут так много, — с серьёзным видом сказал Феникс.

— Ха-ха, — взорвалась хохотом ведьма, — да неужели, а ты, видимо, местный шут? В любом случае Габриэль предвидел такой вариант и ваше появление.

— Значит, предатели добрались...— стараясь отодвинуть веревки, произнёс Годрик.

— Ага, и...— прервавшись, ведьма вынула из мешка одного из солдат голову старейшего, — и был крайне шокирован столь радушным приёмом. Ха-ха-ха. Простите, в общем, это небольшой подарок от Габриэля.

— Оставь себе, дрянная...кх-кх...— узел на шее мага затянулся сильнее.

— Как невежливо. Обожаю, пойдёшь в мою коллекцию, через несколько занятий будешь приносить мне обувь и есть с моих рук. Но не держи на меня зла! Вам всё равно не открыть эти ворота.

С этими словами ведьма отошла в сторону. И вправду, ворота отпирал волшебный замок, основанный на специальном ключе, разработанном при его создании. В целом, механизм состоял из массивного кристалла жёлтого цвета, чья магия отпирала основные замки. Также присутствовали различные рычаги, которые отвечали за открытие самих ворот, которые также были защищены магией ключа. Город не взять.

— Убить их, госпожа Виола? — спросил один из магов, натягивая верёвки сильнее.

— Идиот! — закричала ведьма, ударив того по лицу. — Ты же слышал — мальчишка пойдёт со мной, а этого шута закройте в темнице. Только не в городской, одна из башен вполне сойдёт.

— Слушаемся! Пошли, давай!

Годрик с надеждой взглянул на Феникса, но тот лишь молча выполнил приказ, последовав за двумя стражниками.

— А если он вырвется? — тихо спросил арбалетчик.

— У нас его друг, он даже дышать будет по приказанию. Жаль, конечно, что я не увижу, как Габриэль усмирит его, ну да ладно, у меня уже есть свой приз.

Виола Нарс, маг часто слышал о ней в своей юности, в то время никто не мог представить существо более безнравственное, чем эта женщина. Во времена покорения ледяной пустыни она руководила своим личным отрядом, состоящим из самых свирепых и безумных воинов империи. Наводившие страх на своих и чужих, эти псы войны не щадили ни женщин, ни детей. Проходящие мимо тех деревень, где побывало войско Виолы, ужасались страшным деяниям, совершённым по её приказанию. В конце концов, после окончания войны, под давлением общественности, император расформировал отряд ведьмы. Сама же Виола отказалась от предлагаемой должности во дворце и отправилась в темницу Царка, куда ссылались самые страшные враги империи, где лично проводила пытки, казни, а порой и суд.

Годрика, связанного по рукам и ногам, притащили в небольшой дом недалеко от врат. Мага разместили на железном стуле, предварительно начертив несколько рунических гаверов, лишаящих его силы. Годрик не сопротивлялся, он не знал, что ему делать, план Феникса провалился, как и сам Феникс, а Елена медленно умирала на чердаке дома травника.

— Ну что же ты так погрузился? Давай, я тебе расскажу, как обошла твой острый нюх на магию? — паясничала ведьма.

— Маг не ощущает другого мага, пока тот не пользуется силой... — безучастно ответил Годрик.

За ответом мага последовал сильный удар ногой в грудь.

— Не люблю, когда меня перебивают. Ну, ничего, скоро ты будешь подчиняться беспре...

— Не буду, — отрезал Годрик, за что схлопотал удар по лицу, от которого упал вместе со стулом.

— Беспрекословно. Говорить ты сможешь только с моего позволения, есть, пить, дышать.

— Я не собираюсь...— очередной удар ноги пришелся по лицу.

— Заткнись! — рассвирепела Виола.

— И не подумаю, пока ты не выполнишь моё условие.

Ведьма был вне себя от бешенства, и хотела нанести ещё один удар, но, поразмыслив, дьявольски улыбнулась.

— Говори.

— Девушка. Она отравлена, если спасешь её, я склонюсь.

— Годрик, ученик Роланда, станет моей ручной собачкой! Заманчиво, но какой мне прок, если я могу пытать тебя до тех самых пор, пока ты не станешь таким же покладистым, как другие до тебя?

— Ты знаешь, кто я. Значит, тебе должно быть известно, что я — это не все, и мою волю не сломить никогда. Я скорее умру, чем стану прислуживать.

Виола задумалась, в её глазах читалось желание испробовать свои силы на этом упрямце, но, немного поразмыслив, решила, что лучше не испытывать судьбу и разобраться с той, о ком говорил Годрик самостоятельно.

— Хорошо, магический договор, я вылечу твою девушку, а ты поклянешься мне в вечном служении. Клянешься?

— Клянусь, — не раздумывая, сказал Годрик, после чего комнату наполнил пронзительный хохот ведьмы, её руки взмыли вверх, пол затрещал, а окна забились от порыва ветра. Маг почувствовал, как он падает в необъятную тьму, как его тело перестаёт подчиняться ему и единственная мысль увядает в лонах его разума.

— Я убью тебя! — прорычал один из стражников и бросился в бой.

Феникс без особой заинтересованности отправил в полёт его убитого товарища, и, сделав шаг назад, с лёгкостью уклонился от меча. Стражник побелел — этот момент показался ему вечностью, он видел, как заложник с лёгкостью разобрался с тремя, сопровождавших его, и десятью охранниками тюрьмы. От ожидания он даже не заметил, что выронил оружие и уже просто лежал на земле, свернувшись калачиком. Однако, Феникса мало интересовал валявшийся перед ним человек, из-под которого текла желтая лужа, он лишь мрачно осматривался по сторонам. Маленький двор башни был плохо освещён и походил на заброшенный. Ветхие ворота, полуразрушенные маленькие хижины. Только стены, да и сама башня, выглядели как недавно построенные, по всей видимости, военных интересовала лишь их целостность. Феникс обошел строение несколько раз — один вход, и сотни окон, смотрящих в сторону тропы, а также несколько специально пристроенных балконов, на которых размещались по одной баллисте.

— Мы должны помочь им! — настаивал Леонард. — Возможно, что они не добрались до города, или же их схватили непосредственно в самом городе! Нужно что-то предпринять!

— Успокойся, Леонард, прошу тебя, нам не взять ворота Нереила, они неприступны для такой горстки наспех подготовленных воинов, — парировал Дариус, рассматривая карты.

— Леонард, я уверена — Феникс не пропадёт и вскоре подаст сигнал, — вмешалась Сивилла.

— Неизвестно, как скоро, мы уже перебили три внешних патруля города и, кто знает, возможно, упустили кого-то. В любом случае, они уже могут послать гонца к Серосу и готовиться брать нас в кольцо! Я уже молчу про предателя.

— Послушай, стоит нам ступить на тропу, как по нам откроют огонь с двух башен, мы даже не дойдём до стен города, которые тоже охраняются не одним десятком опытных, хорошо оснащённых и обученных. Я не поведу людей на самоубийство, не в этот раз.

Леонард умолк, Дариус говорил, не поднимая глаз. В нём странным образом чувствовалась та ноша, которую он принял много лет назад, подняв на

бунт Хилонсов, когда был молод. Многие тогда лишились жизни за свою дерзость. Целых три месяца самопровозглашённый вождь держал в руках город Куп, что располагался в западной части Ледяных пустынь, три месяца Хилонсы совершали дерзкие вылазки, грабя караваны и освобождая соседние деревушки. Однако, дерзкому плану по освобождению родных земель не дано было сбыться, уверовав в свои силы, Дариус решил нанести удар напрямик по Серосу, дабы не допустить прилива новых войск Эпифиратов. Неизвестно, каким образом, но о планах мятежников прознали в Серосе, и по приказу управляющего города был разработан план, который вскоре окрестили дорогой крови.

Войско Дариуса в то время практически равнялось по числу гарнизону города, но всё равно сильно уступало по подготовке и оснащённости. Решив, однако, что ожидания лишь придаст врагу сил, вождь незамедлительно ринулся на Серос, в надежде освободить по пути деревни, пополняя провизию и войска. План казался идеальным, но куда бы не попали войска Дариуса, везде их ждала лишь смерть и разрушение. Зная о приближении мятежников войска Эпифиратов уничтожали все возможные поселения на их пути, а несогласных подчиниться убивали. Убитых было огромное количество, но Дариус всё вёл свои войска, ведомый ненавистью и злобой, он забыл про сон, еду, питьё. Его воины так же старались следовать примеру своего военачальника, но провизия всё равно закончилась за несколько суток. Плюс ко всему прибавились частые ночные нападения Эпифиратов, уносящие многие жизни из слабеющей армии Хилонсов. Но Дариус не желал поворачивать, ему казалось, что Эпифираты не могли обескровить столько деревень. Но они могли, и делали это без какого-либо зазрения совести.

Про Дариуса говорили, что он никогда не оглядывается, но когда он подошёл к стенам Сероса и оглянулся, то осознал, что всю эту кровавую тропу протоптал он, всадник смерти. Дальше известно лишь, что войска вождя были с лёгкостью разбиты, те, что бежали в горы, скончались от голода, те, что сдались, либо были повешены, либо отправлялись в подземелья и на рудники. Дариус же должен был вечно гнить в городе-тюрьме, пожираемый своими мыслями.

— Пойду, поинтересуюсь, что удалось разведке, — предложила Сивилла, и, только поднялась со стула, как тут же упала в него обратно.

Сильный земной толчок чуть не обрушил палатку и не сбил с ног Леонарда, даже Дариус, придя в себя, ухватился за стол.

— Землетрясение? — спросила Сивилла.

— Ну, мы ведь в горах, — подтвердил Леонард.

— Что-то больно сильное, — добавил Дариус.

Герои стояли неподвижно, пока в палатку не вбежал один из лучников.

— Прошу прощения, вождь, — поклонился воин.

— Докладывай, — выпрямился Дариус.

— Одна из башен, охраняющих тропу... Вождь... Она рухнула на соседнюю... От обеих остались лишь камни.

Услышав такие новости, вся компания ринулась на выход из палатки, роняя всё на своем пути.

Передний фланг войск Хилонсов хорошо размещался за окрестными скалами таким образом, что легко мог вести наблюдение за городом, основная же их часть, дабы не выдать своего местоположения, разбилась на две группы по обе стороны от тропы в Нереил. Герои же находились на переднем фланге, чтобы руководить действиями обеих армий, но, даже ожидая чего угодно, они, практически не моргая, смотрели на обрушенные башни, над которыми ещё клубилась пыль.

— Нечего рассматривать! — крикнул Дариус. — Дайте сигнал передовым войскам готовиться к атаке! И передайте войскам на левом фланге и правом фланге к наступлению!

Стоящий рядом лучник, не кланяясь, быстро удалился в сторону сигнальных огней, а компания снова удалилась в палату.

— Леонард, ведёшь первый легион. Я присоединюсь, когда оба войска сойдутся у тропы, — раздавал указания Дариус, надевая броню, — на флаг, конечно, мало похоже, но, думаю, сигнал более чем явный.

— Есть! — воскликнул Леонард и выбежал из палатки.

— Сивилла, возьми свой спецотряд мёртвых, Леонарду нужно время для сбора, и проверь башни, Феникс должен был приложить к этому руку.

— Справлюсь, вождь, будь уверен, — отрапортовала Сивилла и выбежала из палаты.

Глава 17.

Черные пески.

Отряд Сивиллы насчитывал свыше двадцати мёртвых — десять мечников, пять лучников и пять алебардчиков. Во время возвращения в город многие с неодобрением отнеслись к такому пополнению в отряде: «Мёртвые должны быть мертвы, — говорили они, — нельзя гневить Создателя». Однако, Сивилла не обращала на это никакого внимания, ей необходимо было время, чтобы трупы пропитались её магией и не смогли выйти из под контроля или разложиться в процессе использования. Мёртвые воины были мастерами своего дело при жизни, остались ими и после смерти.

Первыми до башен добрались алебардчики, Сивилла же и остальные подошли позднее. Она видела, как суетятся защитники города, бегая по стенам и перекрикиваясь, между собой. По словам разведчика, первой рухнула восточная башня, зацепив и обрушив вторую. Немного поразмыслив, Сивилла приказала трём из своего отряда направиться к западной башне. Сама же, прихватив остальных, побежала к той, что послужила причиной разрушения.

Добравшись, Сивилла была ошеломлена — Феникс с вывернутой рукой молча сидел на основании разрушенной башни и старательно прикуривал одной рукой длинную деревянную трубку.

— Ты куришь?! — возмутилась Сивилла.

— Долго же вы. Пытался, не понравилось, — еле живым голосом процедил через зубы Феникс.

— Что дальше?

— Бери своих людей и быстро уходите в туннели, — выкинув трубку, ответил Феникс, указывая на остатки башни за ним, — по ним вы попадете в городские стены, там будет длинный коридор, двигайся прямо, и ты окажешься в комнате управления, нужно уничтожить кристалл защиты с помощью твоей магии.

Сивилла кивнула головой и указала своим мечом на заваленную кирпичами основу, трое из её отряда быстро расчистили её, и нашли нужный люк.

— Ты идешь? — спросила Сивилла.

— Я бы с радостью, но, боюсь, я немного потянул спину.

Некромантка хотела было сказать, что не время для подобного рода шуток, но потом заметила, как Феникс упирался об остатки башни и не мог ровно держаться.

— Ты сломал спину?

— Башня была тяжелая, пришлось немного подрубить её и приподнять, а теперь хватит стоять и глазеть на меня. У тебя мало времени, они могут обрушить тоннель или наши начнут. Не вздумай сама идти в комнату управления.

Стараясь больше не мешкать, Сивилла удалилась в тёмный тоннель, по которому бежала вместе со своим отрядом. Плохо освещённый, практически разваливающийся подземный проход привёл их к небольшой железной двери, которую выбил возглавлявший строй алебардщик. В коридоре по обе стороны располагались четыре охранника, сразу же набросившиеся на неприятеля, однако, несмотря на то, что все мечи достигли цели, мертвец спокойно пронзил одного из нападающих своим оружием, прибив к потолку. Трое остальных открыли, было, рот от изумления, но подоспевшие двое мечников несколькими взмахами обезглавили нападавших. Следом за ними появилась и Сивилла с лучником, к счастью для неё, очень вовремя, так как резкий подземный толчок обрушил тоннель, засыпав остальную часть отряда. Не обращая на это никакого внимания, девушка показала рукой на коридор и, разместившись за мечниками и алебардщиком, продолжила движение.

Управляющие главными воротами были шокированы известием об уничтожении башен и, понимая важность защиты входа в город, принялись быстро устанавливать необходимые щиты с помощью магии. Но ворвавшийся в комнату мертвец застал их врасплох — алебардщик, открыв дверь одним ударом, разрубил несчастного мага, сидевшего неподалеку, пополам. Вторым на очереди оказался воин, который одним прыжком пронзил ходячий труп своим мечом, но оружие прошло насквозь, и герой застыл практически у самой морды монстра, на что тот ответил сильным ударом черепа. От такого воин упал без дыхания. Следующему повезло больше — он отсёк мертвецу голову, а вскочивший маг с помощью молнии разорвал труп на части. Правда, радость от победы длилась недолго, вошедший лучник выпустил точные стрелы в мага и воина, оборвав их жизни. Завязалась драка, сидевшие в комнате принялись метать молнии и огонь в ходячие трупы, те же, в свою очередь, старались забрать как можно больше с собой. Разумеется, мертвецам было не тягаться с магами, и через короткий промежуток времени лучник превратился в пепел, последовав за своими братьями.

— Сдавайся, ведьма, мы знаем, что ты там! — прокричал один из магов, указывая рукой на темный коридор. — Выходи, не то мы сами пойдем за тобой!

Сивилла выругалась, припоминая заваленных под землей воинов, но сдаваться некромантка не собиралась, приготовившись к сражению, она развела руки и уже готова была идти, как коридор наполнил звук мощного грома. По спине девушки пробежал холодок, сердце заколотилось сильнее, такого она никогда не слышала, пять, нет, десять раз подряд прогремел этот рёв дракона. Это так сильно подействовало на неё, что она даже не заметила, как упала на пол, прикрывшись руками.

Голова гудела, Сивилла чувствовала, как клубы пыли садились на неё, проникая глубоко в лёгкие, затрудняя дыхания. Еле поднявшись на ноги, прикрываясь рукой, она сделала несколько шагов вдоль по коридору. Уже не понимая, возвращается она к туннелю или идёт напрямик в комнату управления, Сивилла старалась просто придерживаться стены и удалиться от эпицентра взрыва. Шаг, ещё, вслепую нащупывая кирпичик за кирпичиком, до тех пор, пока её рука не провалилась в пустоту. Не нащупав опоры, Сивилла потеряла равновесие, но тут же почувствовала, как кто-то схватил её за руку.

— Умереть решила? — спокойно спросил Феникс.

Понимание к Сивилле пришло, когда густая пыль начала рассеиваться, оступившись, она оказалась одной ногой практически в пропасти. Комнаты управления уже не было, как и части стены. Казалось, словно огромный валун, запущенный гигантом, пробил большую часть стены, проделав большую пробоину в стене. Наблюдения Сивиллы прервал очередной удар грома. От этого звука некромантка почувствовала, как сердце забилося медленнее, в горле пересохло, а тело застыло в ужасе.

— Бежим! — закричал Феникс и, подняв Сивиллу на руки, побежал по коридору.

Ещё один залп пришёлся напрямик на то место, где стояли герои. Сивилла уже не понимала, что происходит, всё снова наполнилось пылью и грохотом. Феникс же спокойно бежал в определённом направлении.

Вскоре герои уже не слышали звуки грома, лишь мёртвая темнота и тишина окружала их. Феникс, решив, что достаточно ушел от эпицентра разрушения, поставил Сивиллу, а сам осторожно опустился на пол, чувствуя, как дрожат его ноги. Некромантка стояла, словно огородное пугало, дыхание её было учащённое, зрачки расширены, кожа блее белой, а в голове всё ещё гремел тот звук.

— Как ты? — переводя дух, спросил Феникс.

Но Сивилла была слишком взволнована, чтобы сразу ответить на какие либо вопросы.

— Сивилла, ты в порядке? — повторился Феникс.

— В порядке ли я? В порядке... Нет, Феникс, не в порядке! Что это за фокусы?! Почему ты ничего не говоришь?! Никогда! Твои секреты! Достало!

Некромантка не заметила, как перешла с шепота на крик, девушку охватила истерика. Не сумев закончить свою мысль, она заплакала и села рядом с Фениксом.

— Устала от моих секретов? — усмехнулся Феникс. — Я тоже устал от своих секретов. Думаешь, я знаю больше тебя? Так я вынужден тебя разочаровать.

Всякий раз, принимая решения, чем-то жертвуя, чем-то рискуя, я словно должен довериться другому себе. Словно кто-то очень давно записал на листке, что нужно делать и закрепил это глубоко в моей голове. Вместо того, чтобы просто оставить пресловутое предсказание или пророчество, кто-то решил подшутить и создал ряд моментов, которым я должен следовать. А самое забавное во всем в этом, это то, что чем я ближе к выполнению этой цели, тем слабее и уязвимее я становлюсь.

— В чём же твоя цель? — спокойно спросила Сивилла.

— Я не знаю, — пожал плечами Феникс. — Однако я знаю, что у нас сейчас нет времени на панику — Леонарду, Годрику и Елене нужна наша помощь, а мы тут по душам беседуем,— улыбнулся Феникс и, поднявшись на ноги, подал руку Сивилле. Некромантка, недолго думая, приняла его помощь.

— Я не думала, что ты можешь выражать такие эмоции, — ехидно добавила она.

— А я и не могу, просто ты ещё не отошла от шокового состояния. Страх, знаешь ли, штука сильная, мне даже показалось, что ты плакала.

— Ключевое слово показалось. Кстати, где Елена?

Долго Фениксу рассказывать о девушке не пришлось, стоило Сивилле услышать про отравление, как она, забыв обо всем случившимся, схватила героя и понеслась в неизвестном направлении. К счастью, дверь, в которую вошли Феникс и Годрик, оказалась не далеко.

Вид города был уже довольно плачевный, за несколько минут войска Хилонсов успели провести успешную дальнюю атаку и снести небольшую часть стены, некогда удерживавшую ворота, от чего тебе упали, подгребая под собой небольшие постройки города. Войска так же успели пробраться в образовавшуюся дверь и уже скрестили мечи с гарнизоном. Герои попали практически в самое пекло, линия обороны города проходила уже непосредственно на улицах и представляла собой десятки разрозненных отрядов, которые пытались оказать сопротивление неожиданной атаке. Внезапность сыграла важную роль для Хилонсов, уравнивая их с экипированными войсками Эпифиратов. Однако, было отчётливо видно, как тяжело приходилось первому отряду до поступления поддержки во главе с Дариусом.

Без боя прорваться у героев не получилось. Завидев несущуюся со всех ног Сивиллу, трое воинов сразу же попытались её обезглавить, но даже не полностью восстановившийся Феникс смог с лёгкостью опередить девушку и несколькими прямыми ударами раскидать обидчиков в разные стороны. Тяжело было разобрать, что творилось в городе — кровь то и дело проливалась на недавно выпавший белоснежный снег, люди выбегали на улицу в надежде скрыться от орды разъярённых варваров, но тут же получали булавой или топором по голове. О милосердии Хилонсы ведали не больше, чем Эпифираты, так что не щадили никого, каждый их удар уносил жизни невинных людей. Дариус, конечно, давал указания своим полководцам о контроле над воинами, но в пылу битвы тяжело уследить за тысячей обезумевших демонов. Даже не нужно было особо напрягать извилины, чтобы выдать фразы вроде «я случайно» или «я не заметил». Так или иначе, трупы штабелями лежали на улицах города, порой, даже делая шаг, нельзя было нащупать твёрдой земли,

так как шёл второй или третий ряд. Положение не спасло и появление Дариуса на поле боя — приведённая им часть воинов быстро вошла в кураж.

Герои же были заняты своими делами; попав в торговый квартал, они уже виртуозно скакали по крышам в попытке найти нужное им здание.

— Как ты мог не запомнить, где находится Елена?! — злилась Сивилла.

— Очень просто, в тот момент было темно, хоть глаз выколи! — не отставал Феникс. — И я не скакал по крышам!

— Может, поищем по низу?!

Взгляд Феникса упал на улицы, по которым ровным строем шли уже перегруппировавшиеся силы Нереила.

— Лучше не стоит, — сказал он практически себе под нос. — Стой! Вон та!

Сивилла моментально замерла на одной из крыш. Феникс указывал на двухэтажное деревянное строение с тёмно-серой черепицей.

— Я иду! — нетерпеливо ринулась Сивилла.

— Подожди! — остановил её Феникс, схватив за плечи.

Девушка, не ожидая такого, принялась истошно вырываться, уговаривая отпустить её, но тщетно, держал Феникс её крепко. В его голове проплывали те немногие варианты, с помощью которых можно было бы проникнуть в дом без особого привлечения внимания. Одно дело — полуживым прикрывать Сивиллу с её собственной силой, другое дело — делать это с Еленой на своих руках. Однако, долго думать не пришлось, очередной гром прогремел в небе над Нереилом, от которого у некромантки свело каждую мышцу, и она безвольно повисла на руках Феникса. За громом последовал характерный свист, рассекающий воздух, и отряд, шедший неподалеку от дома травника, смело большое чёрное ядро. Когда поднявшаяся буря снега осела, большую часть группы воинов либо разорвало, либо поранило, оставив кричать о помощи. На их мольбы нехотя стали собираться соседние отряды, стараясь оттащить раненых, что дало шанс Фениксу и Сивилле незаметными проникнуть в необходимый им дом. Однако, стоило двери распахнуться и героям сделать пару шагов, как у горла Феникса оказался ржавый клинок.

— Ещё шаг, и ты подохнешь!

Голос принадлежал Елене, девушка крепко сжимала клинок и явно не узнавала друзей.

— Елена, это мы, — стараясь не делать резких движений, сказала Сивилла.

— Заткнись! Заткнись! Вы убили мою мать, вы подохнете!

— Елена!

— Успокойтесь, — спокойно попросил Феникс, — Елена, у тебя болевой шок. Сколько тебе лет, ты помнишь?

— Заткнись!

— Что ты мне сказала тогда в темнице? Ты помнишь, Елена? Ответь!

Девушка запуталась, в её стеклянных глазах билось безумие и ярость. Но Сивилла этого и ждала, увидев краем глаза, что Елена ослабила хватку, она налетела на неё, сбив с ног и оставив небольшую царапину на шее Феникса. Клинок, всё ещё остававшийся в руках девушки, несколько раз промелькнул перед лицом Сивиллы, но, к счастью, на третий подоспел Феникс и выбил ударом ноги оружие из рук Елены.

— Елена, что ты мне сказала в темнице? Что ты мне сказала тогда? Ты искала справедливости, ты говорила, что твою мать убили, а имя отца истоптали в грязи, посадив в тюрьму империи. Ты искала справедливости, Елена, помнишь?

Девушка тяжело дышала, безумие в глазах заменил серый туман, а на смену яростным ударам пришла усталость и тяжесть в руках.

— Я хотела наказания и спасения. Я, простите. Я.

— Всё нормально, Елена, успокойся. Пойдёмте, уверен, линия нападения уже удалась значительно вперёд. Ты можешь идти?

Девушка неуверенно покачала головой в разные стороны, а потом вверх-вниз. Приняв это за положительный ответ, Феникс осторожно помог ей подняться на ноги и, придерживая, вывел на улицу.

Хаос, творившийся в Нереили, тяжело передать словами. Войска Хилонсов, действительно, уже были глубоко в городе, некоторые отряды даже умудрились подойти вплотную к дверям замка. Но такие успехи были достигнуты весьма кровавыми методами — на улицах города многие трупы были просто разорваны от тяжёлых чёрных ядер, а из зданий большая часть была или разрушена или горела.

Герои же медленно продвигались подальше от центра битвы. Ноги их увязали в том кровавом болоте, что растекалось в разные стороны и не имело конца. От такого даже Сивилла почувствовала сильное головокружение и тошноту.

— Ты-то чего? — спросил Дариус, заметив её бледный вид.

— Думаю. Правильно ли ты поступил, отдав им это оружие. Один вид того, на что оно способно, вызывает во мне дрожь. Оно убило столько народу, и я боюсь представить, скольких ещё убьёт.

— Война, это всегда страшно. Но тут дело не в оружии, а в людях, которые её ведут. Кроважность — это то, что всегда будет им присуще, её пытаются скрыть в красивых домах, больших дворцах, шикарных приёмах и пышной жизнью, но тщетно. Если убрать всё это, взглядеться вглубь человеческой сущности, то можно увидеть, что там всё заполнено кроваво-красным цветом.

Глава 18.

Пустяк.

— В общей сложности, потери отряда Леонарда составили тысячу двадцать пять человек. Приемлемо, в общем.

— Это не приемлемо, у нас слишком мало людей и каждый воин на счету!

Дариус еще раз обвёл взглядом дымящиеся руины города. Он и не думал, что когда-нибудь окажется на балконе великого замка Нереила, сокровищницы Эпифиратов. Правда, город встречал совсем не обещанными красотами. Несмотря на убранные трупы, земля словно успела пропитаться кровью и запахом.

— Простите, вождь, если позволите, я удалюсь, — дождавшись кивка, воин вышел из комнаты.

Помещение, в котором обосновался Дариус раньше, принадлежало герцогу Борду, правителю Нереила. Борд был явным представителем знатной молодежи: став, по наставлению отца, представителем города, в свои двадцать четыре года он не особо интересовался делами государства. В его комнате всё кричало об огромных вложениях в дорогие и ненужные вещи: стулья из красного дерева, мраморные статуи с алмазными вставками, меха и золото. Женщины, бывавшие в чертогах Борда, называли это место пещерой старого дракона. Да и во всём замке это было единственное нетронутое войсками Хилонсов место.

— Выглядит, конечно, крайне эпично, даже жаль нарушать момент.

— Феникс. Даже не знаю, что сложнее научить тебя стучаться, или лошадь разговаривать, — усмехнулся Дариус, не отрывая взгляда от города.

— Да. Только жаль, веселого мало, — опустившись на стул, сказал Феникс.

— Так Годрика...

— Пропал. Я обыскал весь город, но не нашёл ни единого следа, который мог бы нам помочь, — произнёс Феникс, прикрыв глаза.

— Ты ведь знаешь, что тебе нужно выспаться? — обернулся Дариус.

— Я человек, и осознаю момент усталости, — ответил Феникс, всё так же с закрытыми глазами.

— Иногда я в этом сомневаюсь, — пожал плечами Дариус и, выдержав небольшую паузу, добавил. — Как Елена?

— Она в порядке, кто-то вылечил её и сделал это крайне вовремя. Боюсь, что ещё немного, и она могла не дожждаться помощи.

— Не связываешь это с пропажей Годрика?

— Связываю. Но мысль, построенная лишь на предположении, не материальна.

Повисла тишина, Дариус несколько раз прошёлся по комнате от балкона к картам и снова окопался в своих мыслях. Его беспокоила пропажа Годрика, да и о предположении Феникса он догадывался, но предпочёл последовать совету друга. Вот только и без этого хлопот было не мало, по строгому настоянию Сивиллы, мирное население перевели в бывшие районы рабов, а освобожденные Хилонсы представляли не более чем истощённые тени тех людей, которых доставили когда-то в Нереил. Размышления Дариуса прервал стук в дверь.

— Не побеспокою?

— Сивилла? Что-то случилось? — спросил Дариус.

— Да, то есть ничего особенного... В общем-то я искала Феникса. Хочу ему кое-что показать, — ответила Сивилла. — Правда, вижу, даже ему нужен сон.

— Хватит решать за меня, хочу ли я спать. Это что-то по поводу Годрика? — поднялся Феникс.

— Не совсем. Пару ядер из громовых колоколов попали в монумент на площади. В общем, вам надо взглянуть на это.

Вздыхнув, Феникс поднялся со стула и вместе с Дариусом последовал за девушкой.

Площадь Нереила раскинулась на многие метры. Покрытое кирпичом пустынное пространство располагало на своей территории единственное

строение в виде сорокаметрового монумента, построенного ещё при основании города. По легенде, этот памятник установили в честь победы над Хилонсами.

Сейчас же монумент валялся разбитый, словно разделяя город на две части. Но внимание людей привлекло не это, а образовавшаяся от падения памятника дыра в земле.

— Есть мысли? — спросил Дариус, подойдя к образовавшемуся кратеру.

— Ради этого вы меня разбудили? Под городом пролегает сеть катакомб и туннелей, а дел и так невпроворот, предлагаю просто засыпать и забыть об этом.

— Я и сама об этом думала, вот только под площадью лабиринт не пролегает, — вмешалась Мария. — При строительстве города предполагалось оставить некоторые места нетронутыми всвязи с трудностями грунта.

— Какова глубина? — спросил Дариус.

Не дожидаясь ответа, Феникс подошёл к краю, слегка пнул лежавший на краю камень. Все замерли в ожидании, однако хватило минуты, чтобы понять, что ответа от камня можно не ждать.

— Мария, мне нужна самая длинная верёвка, что ты сможешь найти, — взглядываясь в темноту, сказал Феникс.

— Сделаю, — словно отрапортовала Мария и удалилась.

— Я с тобой, — решила Сивилла. — И не спорь, это моя находка!

— Да пожалуйста, я даже подумываю остаться тут, — усмехнулся Феникс.

В тот же момент вернулась Мария с несколькими воинами, которые несли с собой несколько больших мотков верёвки, опасаясь, что длины одной не хватит.

Первым начал свой спуск Феникс, обвязавшись несколько раз и привязав один из концов к остаткам монумента. Он рассказал кучке воинов, что как только достигнет дна, то два раза дёрнет за верёвку, в случае опасности — трижды, ну а четыре — если нужно обрубить конец.

— Ах да, чуть не забыл, — стоя у пропасти, щёлкнул пальцами Феникс. — Если дёрну пять раз, то скиньте мне кружку эля, если можно, покрепче.

Дариус одобрительно кивнул, и двое героев скрылись во тьме расщелины.

— И почему он не прыгнул туда, я думала, он способен совершать такие фокусы, — заметила Мария.

— Почти. Думаю, дело в высоте. Если бы Феникс прыгнул, то после приземления переломал бы себе все кости. Ну да ладно, иди, занимайся громовыми колоколами, я слышал, из десяти неразорвавшихся осталось всего три.

Спускаясь в кромешную темноту, Сивилла размышляла о том, что могло ждать её и Феникса внизу. Возможно, это была просто естественная яма, над которой поместили огромный монумент, дабы украсить город. «Нет, это глупо, — говорила она сама себе, — разве есть в этом смысл? Не легче ли было тогда просто засыпать её или оставить в качестве естественного кратера»? Чем больше Сивилла пыталась разобраться в происхождении этой ямы, тем больше вопросов возникало в её голове.

— Феникс? А помнишь, вы рассказывали, как ты отдал жизнь Елены в руки Леонарда? Это тоже было прописано у тебя на листочке, или ты сам знал, что он не убьёт её? — решила отвлечься Сивилла.

— Чего это ты вдруг? — удивился Феникс.

— Ну, знаешь, это сейчас он не отходит от её кровати, а тогда... Ты ведь знал, что он её не убьёт?

— Нашла, чего вспомнить. Разумеется, знал, думаешь, иначе я бы стал рисковать жизнью Елены?

— Зная тебя, да.

— Тогда зачем спрашиваешь? — усмехнулся Феникс.

Сивилла улыбнулась — действительно, глупо спрашивать то, что и так знаешь, но разговор с Фениксом успокаивал её.

— Стой, — приказал Феникс и дважды потянул за верёвку, оба замерли.

— Что-то не так? — оглянулась Сивилла.

— Мы практически на земле, — ответил Феникс, обыскивая свои карманы.

— Ты ещё и в темноте видишь? Но если ты прав, зачем мы остановились?

Феникс ничего не ответил, лишь осторожно вынул из кармана три светящихся камня.

— Я думала, от комнаты управления ничего не осталось, — удивилась Сивилла.

— Почти, — ответил Феникс и выкинул один из кристаллов на землю — по яме разлился яркий синий свет.

Дно бездны оказалось искусственно созданной комнатой, вместо характерных неровных камней эти представляли собой специально вырезанные гладкие стены. В середине комнаты находился трёхступенчатый круглый алтарь с четырьмя колоннами по краям.

— Там, на алтаре! — воскликнула Сивилла.

Феникс не сразу понял, на что указывала некромантка, но, приглядевшись, увидел небольшой камень, покрытый грибным наростом и плесенью.

— С одной стороны я понимаю, что для камня алтарь просто так никто строить не будет. Однако, я ничего не вижу.

Покачав головой, Сивилла развязала верёвку и прыгнула на землю. Всё ещё ничего не замечая, Феникс последовал за ней, попутно рассматривая помещение. Больше всего его смущало отсутствие каких либо записей или рунических рисунков, обычные ловушки казались тут тоже весьма уместны, но даже их не было. Размышления Феникса прервал крик Сивиллы.

— Живой!

— Не пойму, ты так на помощь зовёшь, или радуешься? — подospel Феникс.

— Очень смешно! Сделай что-нибудь! — разозлилась Сивилла.

— Могу только попросить его отпустить тебя.

Удивившись, девушка посмотрела на свою руку, которую поглотил камень — как оказалась, нечто похожее на конечность человека схватило Сивиллу.

— Пусти её, или я отрублю твою руку, — спокойно попросил Феникс.

Камень затрясся и резко отёрнул свою руку от некромантки.

— А теперь покажись, — приказал Феникс, но ничего не произошло. — Я уже выяснил, что ты понимаешь угрозы, не заставляй меня проверять, понимаешь ли ты их физическое исполнение.

— Не... не... не... — Моментально зазвучал измученный и хриплый голос в попытке выразить протест, но за этим последовал звон цепей. Наблюдающая

за происходящим со стороны Сивилла, наконец, смогла разглядеть под плесенью и грибком что-то смутно напоминающее живого человека.

— Хорошо, говорить можешь, а сейчас постарайся быстро изложить, с какой целью тебя тут заперли, чтобы я мог вернуться к более важным делам.

— Это ты про громовые колокола? — перебила Сивилла.

Однако, не успел Феникс ответить, как камень тут же запрыгал вокруг него, издавая радостные звуки. Сивилла от неожиданности даже чуть не свалилась с алтаря, но, удержав равновесие, смогла разглядеть лицо существа — беззубое, серое и дряблое.

— Что же тебя так обрадовало? — удивился Феникс — Колокол? Про? Гром? Последнее слово вызвало ту же положительную реакцию, что и до этого.

— Подожди гром? Громогласный? — неуверенно добавила Сивилла.

Радости бедолаги не было предела, существо прыгало и истошно хлопало своими подобиями рук.

— Теперь я ничего не понимаю, что значит Громогласный? — спросил Феникс.

— Именно. Это тот полководец, что возглавлял силы сопротивления Хилонсов в войне с Эпифиратами. Мне Леонард рассказывал. Правда, он говорил, что когда отряд сопротивления прижали... Никто не выжил. Но я не понимаю, как он выжил.

— Выжил... Сивилла, задержи дыхание, живо! — закричал Феникс, вытащил ещё один кристалл и ударил им о пол. По бездне разошелся синий огонь, от которого существо завопило, словно дикое животное.

— Что происходит?! — откашливаясь, спросила Сивилла.

Ничего не ответив, Феникс указал на существо. Камень бился в диких конвульсиях, с его зелёной плесени исходил чёрный едкий дым, мелкие принялись быстро разбежаться, а цепи грозно зашумели. Сивилла не верила своим глазам, буквально за несколько мгновений обросшее и мерзкое существо превратилось в стоящего на коленях воина, на котором были увесистые чёрные цепи.

— Кто вы? — удивленно спросил Громогласный.

— Это сейчас не имеет значение, у нас мало времени. Нам нужно знать, по какой причине Вас тут заперли.

— Причина? Заперт? О чем вы?

— Вы ведь Громогласный? Тот самый, что руководил восстанием Хилонсов? — вмешалась Сивилла.

— Громо...кто? Что тут? Да я... Война! Мы должны сразиться с Эпифиратами! Мы должны выиграть эту войну!

— Вам её не выиграть, — прервала разглагольствование Грима Сивилла.

— Что ты несешь?! — возмутился Грим.

— Я говорю правду. Восстание, которое Вы затеяли, провалилось с треском, считалось, что Вы сдались, а лично Вас убили ещё до суда.

— Если в двух словах, то тебя считали мёртвым. До недавнего времени, — добавил Феникс.

Грим в своей голове отрицал всё услышанное, но сердце словно чувствовало некую правду, и всеми силами старалась её принять. Настало

молчание, Громогласный чувствовал, как его раздирают на части, что-то внутри распирает его, ввергая в пучину безумия.

— Провалилась? — говорил он сам себе — Провалилась... Да... Я помню... Помню... Нет! Нет!

— Да. Но это было давно, сейчас мы собрали новую армию и готовимся выбить Эпифиратов, — сказала Сивилла, старательно подбирая слова.

— Так вы Хилонсы? — более спокойно спросил Грим.

— Не совсем, но мы помогаем Хилонсам. Так как Вам удалось выжить? Вы помните?

— Да, помню, — ответил Грим. — Помню. Но мы не сдавались! Это... Да... Нас предали! Я отчётливо помню тот день. Эпифираты решили покинуть ледяные пустыни и предложили нам мирный договор. Все решили, что они устроят нам ловушку, но их корабли действительно собрали войска и отчалили. Лишь один император должен был остаться, дабы показать силу их намерений. Как мы были глупы! О, Создатель! Как мы были наивны!

— Что вас ждало на той встрече? — постарался не потерять нить Феникс.

— Встреча... Да, я помню... Императора там не было, но этот смех... Они обманули нас, прибывшая часть войск была уничтожена их красными жрецами, во главе с... Да, это он виновен! Я помню!

— Кто? Кого Вы помните?

Сивилла хотела было подойти к Гриму, но её схватили за руку. Испугавшись, девушка резко повернулась, глаза Феникса смотрели в пол, он сжимал свои пальцы на её запястье. Сивилла чувствовала, как от него исходила тёмная аура, не та, что она привыкла ощущать, нет, уверенность и сила уступили место холоду и тревоге.

— Феникс? — дрожащим голосом произнесла девушка. — Это был?

— Планы императора были просты, — продолжал рассказ Грима Феникс. — Кровавые жнецы должны были устроить апокалипсис в Ледяной пустыне, превратив её в пустошь. И единственный, к кому они могли обратиться, был Террамул.

Голос Феникса звучал в голове Сивиллы отдалённым звоном. Его слова пугали и путали девушку.

— Откуда ты? — неуверенно попробовала она спросить.

— Потом. Пора уходить, — словно ни в чём не бывало, перебил её Феникс, — скоро газ начнёт действовать снова, а мы и так прилично надышались им.

— А как же Грим Громогласный? Мы должны спасти его!

— Его не спасти! Сивилла, ты думаешь, император просто так запер Грима здесь? Чтобы кто-то пришёл и освободил его? Очнись, мы не в яме! Это тюрьма, созданная магами Эпифиратов, теми же, что поместили ловушки в лабиринте!

— Ты о чем? — удивилась Сивилла.

— Тот газ поддерживал здесь специальную атмосферу, в которой его законсервировали. Человек в ней живёт вечно, осознавая, что он живёт и неспособный покончить с собой. Долгое нахождение в таком месте вызывает болезни организма и невозможность дышать обычным воздухом.

— Но...

— Он прав, — вмешался Грим. — Вам нужно уходить, если вы и действительно помогаете моим потомкам, то дело всей моей жизни может

быть исполнено, и Хилонсы вновь станут свободным народом. У меня будет лишь одна просьба...

— Сивилла, ты брала с собой кинжал? — спросил Феникс, девушка отстранено кивнула. — Оставь его мне и поднимайся вверх.

— Думаешь, я маленькая девочка! — разозлилась Сивилла.

— Дело не в этом, просто газ снова наполняет яму, а я не могу точно сказать, сколько времени требуется для привыкания.

Спорить Сивилла не стала, сжав кулаки, она осторожно вынула и медленно передала спрятанный за спиной кинжал Фениксу. Девушка не понимала, почему, но всей душой противилась тому, что должно произойти, хоть и понимала, что так правильнее. Последнее, что помнила Сивилла, была мёртвая тишина за её спиной. Когда она взялась за канат, когда постепенно начала подниматься вверх — тишина, везде за ней следовала тишина.

Глава 19.

Сошедшие с ума.

— Значит, просто яма? Ну, думаю, её можно засыпать? — спросил Дариус.

— Да, — ответил Феникс, сматывая веревку, — а Сивилла давно ушла?

— Как только выбралась. По-моему, она отправилась к Елене. Ах, да! Феникс, приходила Мария, пока тебя не было, и просила взглянуть на чертежи... Феникс?

Дариус оторвался от карты и оглядел площадь, однако, герой уже растворился в толпе.

Леонард ещё раз прошёлся по лазарету в поисках лекаря. Последний раз он застал его спящим в одной из палат тяжело раненых, старик сидел и тихо напевал что-то себе под нос, вертя в руках старинную монету, покрытую засохшей кровью. Взятие города оказалась задачей сложной для Хилонсов, Леонарду это было понятно, как никому другому, но больше всего его разочаровало новое оружие. Он считал, что для проникновения в город хватило бы и старых катапульт, которые не разрывались от выстрелов, ещё история с Еленой. Хоть девушка и пришла в сознания, её внутреннее состояние оставляло желать лучшего. Да и сам он из-за беспокойства о родных перестал высыпаться. Каждую ночь Леонарда преследуют кошмары о том, что герцог узнал, кто помог бежать Фениксу и уже давно расправился с его семьей.

Обратно в палату к Елене Леонард вернулся без лекаря, прихватив с собой немного еды и воды, правда, застал он девушку не одну.

— В общем, я не смогла ничего рассказать Дариусу. Думаю, Феникс решит, что ему стоит знать, — закончила Сивилла.

— Что знать? — вошел Леонард.

— Знать, что среди нас есть любители подслушивать чужие разговоры, — ответила Сивилла. — И давно ты тут?

— Неприлично давно, слышал, вы с Фениксом нашли что-то интересное. Не расскажешь?

— Мне кажется, тебе об этом лучше услышать от самого Феникса. А ты, похоже, не особо занят поисками Годрика?

— Вы его не найдёте, — хриплым голосом еле прошептала Елена.

— Елена, прошу тебя, я сам расскажу, а тебе необходим отдых, — попросил Леонард, раскладывая еду.

— Забота тебе не к лицу, — съехидничала Сивилла.

— Будешь слушать, или продолжишь свой театр? — увидев, как Сивилла пожимает плечами, Леонард продолжил, — Елена смутно помнит про то, что произошло, но рассказала о некой женщине, как она говорит. Точнее, об определённой женщине, Виола Нарс, известная в высоких кругах своим безумием и кровожадностью. Ну, знаешь, купается в детской крови, ест крыс на завтрак, мучает хороших людей и тому подобное. Нарс провела специальный обряд, во время которого Елена и пришла ненадолго в сознание. Однако, лишь на время.

— Кровожадный маньяк спасает чужую жизнь? — прервала Сивилла.

— Мне тоже это показалось странным, — прохрипела Елена, но тут же прокашлялась.

— Вы думаете... Годрик к этому причастен? — спросила Сивилла.

— Нет. Мы в этом уверены.

После ответа Леонарда в комнате повисла тишина, каждый хотел, что-то сказать или спросить, но не знал, что будет уместно.

— Плохо, — решила нарушить тишину Сивилла, — но не стоит отчаиваться мы, что-нибудь придумаем. Леонард, пожалуй, нам стоит оставить Елену, ей нужно отдохнуть. От тебя, в частности.

Леонард ничего не ответил, лишь пожал плечами и удалился из комнаты.

— Думаешь, Годрик выжил? — спросила Елена.

— Не знаю, — остановилась в дверях Сивилла. — Мы находимся в тяжёлом положении, Елена, я боюсь, тучи сгущаются всё сильнее.

— Но у нас ведь есть Феникс, он поможет нам?

— Отдыхай, Елена, тебе нужны силы.

Ночь в Нереиле оказалась намного теплее, чем в Серосе или Риве, лишь прохладный ветер, гуляя по улицам города, напоминал людям, что они живут на северных широтах. Наиболее сильно это ощущала Елена, из-за небольшого количества оставшегося яда её тело горело, а голова трещала, словно после удара топором. Не сумев уснуть, девушка поднялась с постели, и на трясущихся ногах проследовала к окну. Комната Елены располагалась значительно выше других больных, поэтому вид из неё открывался практически на весь город. Бегающие маленькие огни в окнах домов напоминали девушке о временах спокойной жизни со своей семьёй. Она вспоминала, как любила вместе с сестрой, отцом и матерью наблюдать за ночным городом с вершины их старинного замка. Елена тяжело вздохнула, по её горячей коже пробежался приятный холодок воспоминаний, унося девушку в глубокое и беззаботное детство. Лишь одно не отпускало её — слова Виолы Нарс. Елена не всё рассказала Леонарду, когда сознание вернулась к ней, ведьма схватила её за шею и шипящим змеиным голосом произнесла лишь одну фразу: «Передай спасибо вашему убийце магов за подарок».

— Кхм-кхм... — прокашлялся Феникс, стоявший в дверях комнаты.

— Вечер добрый, Феникс. Я, вроде как, должна поблагодарить тебя за своё чудесное спасение там, в лабиринте, — разочарованным голосом прохрипела

Елена. — Но не буду. Скажи мне, что ты чувствуешь, отправляя других на верную смерть? Нет, скажи мне, — девушка медленно повернулась на своих дрожащих ногах. — Скажи! Ты мог спасти Годрика, мог помочь ему?! Я долго думала, знаешь, когда практически умерла, мне не было страшно, когда ты сказал Леонарду убить меня, не было страшно, когда мёртвый Сивиллы столкнул меня с той стены, даже когда та тварь пожирала меня, мне не было страшно! Знаешь, почему? Потому что я была уверена! Уверена в тебе, уверена, что ты не предашь, что ты придёшь, и так же думал Годрик!

— Но главное ведь не это, — спокойно сказал Феникс.

— Сивилла рассказала мне, — голос Елены перешел на шёпот, глаза смотрели прямо на собеседника и были словно мертвы. — Тот список у тебя в голове, это правда? — Феникс ничего не ответил, лишь отвёл взгляд в сторону. — Так, значит, правда, ход событий predetermined, и ты знаешь, кто из нас должен умереть? Почему, Феникс? Объясни? Почему ты не спас Годрика?

Слова Елены звучали тихо, но в комнате они были настолько громкие, что от них даже воздух содрогался. А наступившая тишина сделала их ещё громче.

— И ты даже не собираешься оправдываться? — спросила Елена и снова повернулась к окну. — Более я тебя не задерживаю.

— Я рад, что тебе лучше, Елена.

Закончив фразу, Феникс не спеша растворился в темноте. Остаток ночи девушка провела возле окна, рассматривая звёздное небо и более не опуская глаза на город.

Утро для Леонарда выдалось тяжёлым, совершать обходы постов ему пришлось до глубокой ночи, так что поспать, практически, не удалось. Радость ему приносила лишь короткая передышка в обществе Сивиллы и Елены, которые с самого утра готовились к встрече на военном совете. Собрание проводил Дариус, и, по большей части, оно носило ознакомительный характер о ситуации в пределах окрестностях города.

Леонард явился на совет самым последним. Оно проходило в здании старого суда, так что всё было похоже больше на судебное заседание, нежели на военный совет. Открыв двери, Леонард попал в круглую комнату с несколькими уровнями, на каждом из которых было несколько каменных скамеек, скреплённых вместе. Так же в судебном помещении находились характерные для них статуи десяти воинов правосудия, каждая располагалась симметрично другой, и не одна не встречалась взглядом с другой. Судейское место располагалось в центре, а позади него стоял десятиметровый пьедестал с тремя тронами, сделанных из золота и серебра, на случай присутствия членов королевской семьи. Все комнаты была исполнена из мрамора с некоторым добавлением драгоценных металлов, точнее, то, что от них осталось — Хилонсы зря время терять не любили.

Оценив зал на удовлетворительно для столь важного заседания, Леонард поздоровался со знакомыми ему людьми, и, перекинувшись с ними несколькими соображениями, присел в первых рядах.

— Попрошу всех заткнуться! Вождь! — завопил один из присутствующих в зале, стоило Леонарду занять своё место.

Второй раз глашатаю надрывать голос не пришлось, в зал неспешно вошел Дариус, как всегда, сопровождаемый Еленой и Сивиллой. Такого серьёзного

облачения, в котором был вождь, никто не ожидал — на нём была чёрная мантия, рубашка и штаны, кожаные башмаки, волосы коротко стрижены, кожа гладко выбрита, а на руках меховые перчатки. Дариус шёл быстро, так что Елена и Сивилл еле поспевали за ним, но, несмотря на это, держался прямо и уверенно.

— Всем сесть! — приказал Дариус, дойдя до судейского места. — Все вы знаете, для чего я вас собрал, — продолжал он спокойным голосом. — Буквально вчера мы взяли Нереил — город, который построен как непреступная крепость, способная десятки лет сдерживать врага. И я, как и вы, горд, что мы смогли добиться такого успеха, смогли скинуть с плеч столь мощного врага! Доказали Эпифиратам, что почва, на которую они посягнули, принадлежит сильным людям! И без боя мы её не отдадим! — зал наполнили гром оваций и криков. — Однако! Последнее сражение ещё впереди, и нам не стоит расслабляться. Разведчики сообщили, что со стороны Сероса к нам движется практически сотысячное войско, что сильно превосходит наши силы. Войско Эпифиратов двигается к нам через восток, а это значит, что они будут здесь в течение четырёх суток, не считая прошедших, они будут, тут преодолев Впадины Ифы, Бурлящие истоки и равнины Востока. Хочу услышать ваши предложения.

По помещению прокатился шёпот. В зале суда присутствовали тридцать восемь человек, каждый представитель одного из разделённых легионов и два-три инженера. Каждый дотошно спорил с товарищами по поводу своей теории победы, но первым поднял руку Баркус, командир восьмого легиона конных войск. Баркуса Леонард знал в лицо, потому как лично освобождал его от неприятеля, когда совершал очередной поход. Невысокого роста, среднего телосложения, Баркуса ценили, прежде всего, за его проворство и талант обмана.

— Вождь, — начал он, приподнимаясь. — Мы немного посовещавшись. — Баркус обвёл рукой часть зала, — приняли решение, что тут и думать нечего, мы должны остаться в замке и дать бой войскам Эпифиратов тут. У них нет таких пушек, как у нас, так что, немного подлатав стены, мы можем вполне успешно отстоять город. В конце концов, у нас есть свои козыри в рукаве, а в этом ущелье больше тридцати человек все равно не пройдут.

Зал оживленно принялся переговариваться, а Дариус молча всматривался в толпу.

— Хорошее предложение, Баркус, — встал один из присутствующих, — но Эпифираты могут и не давить на нас, им достаточно просто осадить нас у входа в ущелье, отправив восточку в свои земли с просьбой о помощи. Так, пока мы будем тут сидеть, наша провизия медленно, но верно подойдёт к концу, а бежать из этого места мы уже не сможем.

Выступавшим был Дорос, один из тех, кто отбывал наказание в Риве. Высокий для Хилонсов, он напоминал цаплю своими худыми длинными ногами. Славился Дорос, прежде всего, своим спокойствием и рассудительностью.

— Критика — это всегда хорошо, Дорос, но, возможно, у тебя хороший план имеется? — ехидно спросил задетый Баркус.

— Да, представь себе, вождь. Я предлагаю выйти из города, предварительно предав его огню. Когда Эпифираты войдут в ущелье и поймут

наш обман, то постараются сразу же удалиться, но выходить из города они смогут лишь небольшими кучками. Наши войска с ними...

— Не согласен! — прервал Дороса Баркус. — Город нельзя предавать огню! Эпифираты вполне могут воспользоваться разведкой! Послав небольшую группу войск, они разместятся у входа в ущелье. Мы можем потерять город и ещё не успеть полностью его уничтожить.

— Они спешат, им нет дела до разведки! — возмутился один из сторонников Дороса.

— Глупости, они воины! Разведка — необходимый элемент!

Зал разразился спорами, каждый пытался перекричать сидящего рядом, даже несмотря на то, что кричали об одном и том же. «Всё превратилось в подобие свинарника,» — усмехнувшись, подумал Леонард, и, решив, что разнимать спорящих себе дороже, постарался сесть поудобнее. Дариус тоже особо не торопился завершать идейные сражения, увлечшись обсуждением возможных вариантов с Еленой и Сивиллой.

Безумие творилось недолго, прервал её влетевший в зал Феникс. Выглядел он явно моложе, узнать его сразу смогли лишь Елена и Леонард.

— Долго ты, — заметил Дариус, когда Феникс подошёл к судейскому месту.

— Дела, — отмахнулся Феникс. — Я гляжу, у вас тут весело.

— Куда нам до тебя, — вмешалась Сивилл. — Не томи, они замолчали, а это дорогого стоит.

— Я немного услышал из вашего хора, — повысив голос, начал Феникс, — однако, вынужден вас огорчить, вы все правы. К сожалению, это приводит нас к следующему печальному выводу — вы все не правы. Попытаться встретить врага здесь означает для нас верную смерть, выйти из города — тоже смерть, только более растянутая, что же лучше? — молчание сменили непонятные взгляды. — А лучше будет ударить по врагу первыми.

Взгляды сменились на перешёптывания и удивление, но прерывать Феникса никто не решился.

— Войска Эпифиратов движутся через восток в сотысячном количестве. Это значит, что были задействованы все ближайшие отряды и снят практически весь гарнизон города. Справиться с такой толпой будет проще, если воспользоваться характеристиками местности, сражение будет проходить у Бурлящих Истоков. К счастью, река никогда не замерзает и, согласно разведке, именно до неё герцог Габриэль идёт. Мы ударим по разделённым войскам Эпифиратов, к счастью, река довольно обширная, и помощь к ним просто физически не успеет.

— Что насчёт громовых колоколов? — прервала речь Феникса Елена.

— Ничего, мы не успеем их с собой взять.

— Когда же ты планируешь выступить, что так торопишься?

— Сегодня ночью. Нужно собрать всех, кто способен держать оружие, Леонард, для твоего отряда задача сложнее. Разведка Эпифиратов наверняка постарается разведать местность, нужно разбить мобильные отряды и отправить вдоль реки, убить всех, кто придёт с той стороны. Войска герцога слепы, пусть такими и остаются. Предложения? Вопросы?

Однако, ни того, ни другого не поступило.

— Решено. Выступаем ночью, всем приготовить войска, много с собой не брать, мы либо победим и возьмём Серос, либо сдохнем. Тогда в другом мире лучше не попадайтесь мне на глаза, а то узнаете, что и после смерти можно умереть!

Слова Феникса вызвали в зале бурю положительных эмоций, суд наполнили люди, готовые идти за своим спасителем и навсегда сбросить цепи рабства. Даже Леонард поддался общему восторгу, вкушая важность своего задания.

— Елена, ты остаёшься, — спокойно сказал Феникс, повернувшись к судейскому месту.

— Что?! — возмутилась Елена и удивилась Сивилла.

— Феникс, Елена, конечно, только недавно встала на ноги, но она вполне может пойти с нами и наблюдать в тылу, — попыталась защитить девушку Сивилла.

— Нет, — непреклонно ответил Феникс.

— Что происходит, Феникс?! Новый план за одну ночь?! Твоё заявление?! Да ты даже помолодел! А не дело ли это рук Габриэля? Дариус, мы должны прервать сбор войск!

— Прошу тебя, Елена, уверен, Феникс просто за тебя волнуется, да и мне тоже кажется неплохой идеей дать тебе отдохнуть, — распустив совет, вмешался Дариус.

— Я не собираюсь отдыхать... Леонард, прошу, хоть ты им скажи!

— Скажу, но после сражения, сейчас нужно поспешить, сколько людей брать с собой? — с ходу спросил Леонард.

— Берёшь столько, сколько у нас лошадей, для патрулирования нужны медведи, так что отправь их вторым отрядом, кроме тех, что несут мой груз. Дариус, людей нужно собрать за кратчайший срок, и взять как можно больше оружия. Сивилла, берёшь телеги с мёртвыми, которые я приготовил, их нужно погрузить на дно реки, и не забудь воскресить, а то течение может унести трупы. Елена. Ты остаешься. Это приказ.

Глава 20.

Ржавые цепи.

Природа в Ледяной пустыни всегда враждебно относилась к силам Эпифиратов. Ветер обжигал их кожу, звери раздирали их плоть, земля уходила у них из-под ног. И с каждым годом их жизнь в снегах протекала всё сложнее, поэтому, когда войска Сероса получили приказ о немедленном нападении, реакция была приближённая к митингу. Однако, спорить было бессмысленно, выбора людям не оставили, вопрос встал умереть по возвращению на родину, или попытаться остановить врага на подходах.

Вечером Эпифираты переправили значительную часть своих войск на другой берег реки.

— Сэр, часть воинов уже переправилась, маги говорят, что течение сдерживать все тяжелее, — отпартовал один из переправленных солдат.

— Бред! У нас нет времени на отдых, нужно переправиться до заката солнца! Ускорьте войска или попадете на плаху!

— Слушаюсь! — прохрипел воин и быстро побежал к валившимся с ног магам. Войска Эпифиратов вел рыцарь Фагон Кау, один из приближённых к герцогу Габриэлю, известный своим фанатизмом и яростью в сражениях. Однако, планы военных советников заключались, скорее, во внезапном нападении и полном разгроме. К счастью для восставших, рыцарь не был особо силён в стратегии, и отмахнулся от потери разведки, сославшись на поджимающие сроки.

Солнце всё ближе приближалось к горизонту, когда Эпифираты услышали звуки марша. Тысячная армия Хилонсов не теряла возможности произвести впечатление — впереди шагали одни из самых крепких и высоких воинов, одетые в серые доспехи с нарисованными на щитах черными скрещенными топорами. Для большего эффекта даже нашлись барабаны.

— Эх, Феникс пропустит все веселье, — разочаровано произнес Леонард. — Ладно. Запускай!

Конница Леонарда была разделена на две части и медленно скакала рядом с основным войском. По приказу своего командира конники ускорились и, опередив пехоту, воссоединились на фронте строя. К тому времени войска Эпифиратов сумели выставить несколько шеренг и отослать вестника.

Бойня началась со встречи пеших воинов и конницы. Для Эпифиратов расклад оказался плачевным, буквально за один момент в их рядах наступил хаос и неразбериха. Фагон, получив такой доклад, от ярости чуть не зарубил посланника, но вовремя взяв себя в руки, приказал перевести все имеющиеся силы навстречу врагу.

— Что делать с магами, сэр?!

— Обойдемся без этих идиотов! Пусть продолжают помогать с переправой, мы справимся с этими дикарями даже голыми руками! — так Фагон еще никогда не ошибался.

Леонард метался по полю боя, словно обезумевший, звуки клинков казались ему сладостной мелодией, а крики умирающих только больше разжигали в нём огонь ярости. Парень настолько потерял голову, размахивая мечом, что даже не заметил, как чуть не попал им по одному из своих. Дариус тоже времени зря не терял — вооружившись длинным мечом, он практически разрубал врагов на две части, мастерски обращаясь со своим оружием, воодушевляя своих воинов.

— Феникс собирается подойти к концу боя?! — отразив удар, спросил Леонард у Дариуса. — Ещё и Сивиллу забрал.

— Он обещал большой сюрприз для Эпифиратов! Так что... — в очередной раз, увернувшись от меча, Дариус продолжил. — Так что... — удар меча повторился. — Да хватит уже! Так что, давим их!

Сказать оказалась легче, чем сделать, блестящая атака Хилонсов помогла им сильно потеснить Эпифиратов, но прибывающее подкрепление склоняло часы весов в сторону оборонявшихся. Даже Леонард чувствовал, как руки его начали ослабевать, но, услышав женский голос, воспрянул духом. «Сивилла тут, значит, и Феникс неподалеку!». Какое же было его удивление, когда он увидел неподалёку на возвышенности отбивающуюся от врагов Елену.

Девушка была наряжена в форму обычного воина, не хватало лишь шлема, который, скорее всего, слетел во время боя. Леонард, отразив несколько ударов, за несколько шагов сократил расстояние между ним и девушкой.

— Елена, тебе было велено остаться в замке!

— Леонард, Феникса надо остановить! Он специально привёл нас сюда, мы не выиграем в этой битве! Оглянись!

Парень последовал совету Елены. Удары мечей сотнями прозвенели в его голове, мучительные крики каждого умирающего, ярость ослепила его, надежда о победе. Отвлёкшись, Леонард получил ранение в плечо и, оступившись, упал на спину. К счастью, Елена вовремя это заметила и кинула в нападавшего метательный нож.

— Леонард?! Леонард?!

— Елена, похоже, у Феникса выросли крылья! — ответил Леонард.

Девушка удивилась словам друга, но, подняв глаза в небо, увидела, как огромные жёлтые птицы размеренно плыли по воздуху, всё быстрее приближаясь к земле.

Феникс еще раз взглянул в подзорную трубу: всё шло так, как он и рассчитывал, дирижабли не так сильно задержали войска, как он боялся.

— Я бы принесла больше пользы на поле боя. Зачем я тебе тут? — возмутилась Елена.

— Это да, я как раз присмотрел место, где тебя могли убить, а ещё ты не сможешь поднять трупы на слишком большом расстоянии. Поднять флаги! А нам пора на снижение.

Приказы были отданы. Пять идущих неподалеку дирижаблей в момент сменили курс, и, разойдясь по разным направлениям, принялись скидывать подожжённые набитые порохом бочки. Разразился гром, хоть снаряды и не долетали до земли, осколки убивали тысячи воинов. Привыкшие, Хилонсы ликовали, а по рядам Эпифиратов прокатился ужас. Хаос подкрепили мёртвые, восставшие из речных вод и налетевшие на магов.

— Похоже, Феникс и не думал о предательстве, — заметил Леонард. — А вон и он.

— С чего это ты взял? — спросила Елена.

— По-моему, только он может спрыгнуть с такой высоты и остаться в живых, — ответил Леонард, указывая на дирижабль, зависший практически над рекой, с которого действительно кто-то спрыгнул.

Елена, не сводя взгляда с падающего человека, осторожно подняла раненого друга на ноги. И всё казалось хорошо, но на горизонте показался странный тёмный воин. Словно ураган, он пронёсся между бойцами Хилонсов, вырезая одного за другим. Леонард тоже заметил палача, капюшон скрывал лицо убийцы, чёрные доспехи плотно прилегали к его телу, а оружие было целиком покрыто кровью.

— Елена, встань за мной. Боюсь, это по мою душу.

«Быстро ты соображаешь, но нет, я не за тобой», — голос прозвучал в голове Леонарда так громко, что он упал на колени и зажал уши. Тёмный воин устремился к Елене, игнорируя или отражая удары, если то требовалось. Девушка сразу поняла цель убийцы и, отступив на шаг, приготовилась принять бой. Но первый удар всё же принял на себя Леонард: придя в себя, он схватил

меч и, игнорируя боль, встал на пути палача. Мечи воинов скрестились, и начался танец смерти, каждый пытался найти слабость своего оппонента.

— Прости, Годрик, но, боюсь, я пришёл именно за тобой! — прорычал Леонард, нанося ещё один удар.

— Годрик!? Леонард, стой! — закричала Елена и оттолкнула Леонарда в сторону. Годрик застыл, чёрная пелена, окутывавшая его, медленно расступилась, маг снова почувствовал, как руки обретают прежнюю волю, а дыхание тяжело наполняет лёгкие.

— Елена...

Губы Годрика болезненно и медленно зашевелились, пальцы почувствовали, как тёплая кровь побежала по ним и капли стекали на холодную землю. Елена постаралась схватить воздух, но почувствовала, как жизнь медленно покидает её. Дрожащими руками девушка схватила рукоять меча, лишь тогда она ощутила, как холодное лезвие пронзило её насквозь. Годрик всё сильнее сжимал пальцы, дыхание участилось, а сердце заколотилось словно бешеное. Не в силах сопротивляться, маг быстрым движением вынул меч и с криком растворился в чёрном тумане.

Поднявшийся на ноги Леонард подхватил падающую Елену и медленно опустил её на землю.

— Елена! Елена! Держись, прошу! Феникс что-нибудь придумает!

— Леонард, послушай... Леонард, хватит... Я... Не доверяй Фениксу... Прошу, Леонард... Не... Доверяй...

— Елена! Елена, ты меня слышишь?! Прошу, говори, Елена! Елена!

Глава 21.

И каждый смертен.

Сивилла бежала всё сильнее, то и дело, проваливаясь в кровавый снег или спотыкаясь об очередной труп. Грудь девушки то и дело вздымалась, набирая в себя как можно больше холодного воздуха. Руки и губы её содрогались каждую секунду, не давая ни на минуту перевести дух. И вот, она добежала. Толпа плотного кольца обступила Леонарда, держащего на руках труп Елены, его пальцы плотно сжимались на её теле, а глаза бешено бегали в поисках безумства. Сивилла замерла, опустив голову, мир, казалось, остановился и стал для неё холоднее, падающие с неба снежинки уже не добирались до земли, а разговоры толпы превратился в бесконечный шум.

— Расходимся! Работы много, нужно быстро перебираться через реку! — послышался голос Феникса в толпе.

Кольцо людей начало медленно редеть, пока вскоре на холме не остались Феникс, Леонард и Сивилла. Трое героев почувствовали отчуждение и отрицание. Никто не хотел верить в произошедшее, никто из них не хотел этого видеть.

— Леонард, — прервал тишину Феникс, — Леонард. Тебе нужна помощь знахарей. Леонард?

Но ответа не последовало, Леонард лишь сильнее сжал убитую девушку.

— Последние её слова. Ты хочешь знать, что она сказала? — еле слышно сказал он. — Не доверяйте, Фениксу. Объясни мне, что ты ей сказал тогда? Что там случилось в этом подземелье?! — голос Леонарда начал расти. — Что случилось в подземелье, Феникс?! Где Годрик?! Где Елена?!

После последнего слова послышался удар ладони. Подняв глаза Сивилла увидела, как напротив дрожащего Леонарда с телом Елены, на колени упал Феникс, руками сжимая плечи парня. Глаза его были холодны, но не так, как это было раньше, дыхание ровное, спокойное, но в нём ощущалась тяжесть.

— Леонард, мы должны двигаться дальше. Я сам не знаю, что происходит, и почему так происходит. Но, если мы сейчас остановимся, всё пропало, каждая жертва, каждая отданная человеческая жизнь была напрасна. Мне нужен ты, чтобы возглавить отряды на штурм Сероса. Ты слышишь? Нам нельзя сдаваться.

— Нет... Нет, Дариус — он поведёт нас. Да, Дариус поведёт нас к победе! Да!

— Дариус мертв, Леонард.

Голос Сивиллы толкнул Леонарда в небытие, он чувствовал, как кровь перестала бежать по его венам, как последний луч, дававший надежду, угас. Холод — это всё, что царило там, куда опустился Леонард.

— Леонард. Прошу, мы должны быть сильными. Ты должен занять место Дариуса, а сейчас отнеси, пожалуйста, Елену к повозкам от дирижабля. Когда это закончится, мы похороним её со всеми почестями.

Слова Феникса тяжело доходили до парня, но, повинаясь им, он, словно один из мертвецов Сивиллы, медленно поднялся на ноги и, не отпуская тела, зашагал в сторону реки.

— Ты так и не сказал ему. Почему? — спросила Сивилла, смотря на стоящего на коленях Феникса.

— Он не должен знать. И тебя попрошу, Сивилла...

— О чем? Я не такая сильная, как ты, Феникс. Если ты не расскажешь, что среди армии Эпифиратов были и Хилонсы... Если ты не расскажешь...

— Не я, не ты...

— Это его родители, Феникс! Они мертвы, ты понимаешь?! Зачем ты сказал мне рассказать про Дариуса?! Ему и так не легко, понимаешь?!

— Я понимаю, я всё понимаю. Но прошу, не говори ему, ради его же блага, пока он находится в абстракции, нам нужно идти. В Серосе более не осталось живых людей, всех герцог отправил в качестве армии и при помощи чёрной магии. Но это означает, что город охраняет кто-то страшнее. Прошу, не говори ему, нам нужны все силы для финального боя, — сказал Феникс и, поднявшись с колен, обратил свой взор на Сивиллу. — И пусть всё это терзает лишь мою душу, если она у меня есть.

Глава 22.

Правда.

Войска Хилонсов недолго горевали над убитыми товарищами, времени у них оставалась всё меньше. Подгоняемые Леонардом, новым вождём, выбранным по настоянию Феникса, они быстро преодолевали то расстояние, что отделяло их от Сероса. Буквально за несколько часов людям пришлось забыть о горечах потерь и, сплотившись, устремиться к цели. Нового вождя, к слову, особо слышно не было, для людей это было странное перевоплощение — из активного и жизнерадостного — в хмурого и отчуждённого. Леонард в те два дня пути напоминал безжизненный труп, лишь иногда проявлявший интерес к телеге со сдутым шаром от дирижабля, где покоились два некогда дорогих ему человека. Феникс, правда, выглядел не лучше, несмотря на то, что практически всю дорогу он отдавал приказы и выслушивал донесения разведчиков, на его лице чёрными буквами читалась печаль.

«Леонард, прошу, то, что нам предстоит сделать, очень тяжело, посему, следуй всем моим указаниям, что я тебе дал»: вертелось в голове у парня, когда он провожал взглядом дирижабль, на котором в сторону Сероса уплывали Феникс и Сивилла. Однако, как бы морально не был настроен Леонард, то, что предстало перед его взором, повергло в шок всех. Серос, некогда белый город, превратился в чёрную цитадель, его башни превратились в острые когти, сжимающие стены, над крышами домов веяло тёмным туманом. Больше всего Леонарда поразила падающий чёрный снег, который окутал землю вокруг города и словно отравлял её своим прикосновением.

Наблюдавшие картину из дирижабля тоже были удручены открывавшимися видами. Сивилла даже не сразу поверила, что именно об этом городе она слышала так много интересного от Леонарда.

— Ощущение, словно город давно мёртв, — сказала она.

Феникс хмуро кивнул головой, он давно перестал понимать, что происходит вокруг него. Он словно просто плыл по течению в реке, воды которой для него были величайшей тайной.

План, который придумали герои, больше напоминал выбор пути слепого. Никто из них не знал, чего ожидать от герцога, на какие хитрости был готов этот человек и появится ли снова Годрик на их пути. Но, так как решать приходилось быстро, был разработан план, по которому весь удар на себя должны были принять войска Хилонсов во главе с Леонардом. Людям ничего не сказали, но и без этого не обошлось, без критики со стороны Сивиллы, которая настаивала на смене Леонарда, ведь парень выглядел, мягко говоря, разбитым. Однако, Феникс оказался непреклонен.

— Ему это необходимо, — повторял он.

И действительно, когда Леонард оказался неподалеку от города, он почувствовал, как его переполняет ненависть. Серос, как первый город Эпифиратов, казался парню символом мучений, рабства, несправедливости, что так долго терпел он и его народ. Леонард ощущал, как рука невольно сжалась в кулак, а сердце бешено заколотилось.

Ворота Сероса со скрипом и скрежетом раскрылись. Из тёмной бездны медленно, не касаясь земли, выплыли тысячи душ, облачённые в чёрные лохмотья с капюшоном, вооружённые двуручными мечами и секирами. Голову под одеянием заменял череп, мрачно взирающий на мир пустыми глазницами.

— Интересно, — удивился один из военачальников, восседавший на коне слева от Леонарда. — Сражались за свободу с людьми, так и не вкусив её плоды, тут же сталкиваемся с непобедимой нечестью.

— Обычные враги, только воют более злобно, — безучастно произнёс Леонард и развернулся к своей армии. — Люди Ледяной пустыни! Братья мои, сегодня настало время нам скинуть цепи рабства! Многие годы Эпифираты безнаказанно творили бесчинства на наших землях! Многие погибли ради этого момента! Но вот мы стоим у Сероса, их оплота и первого города, их монумента победы над нашими предками! И я прошу вас пойти за мной не только ради себя, а ради наших детей, нашего свободного будущего! За Ледяные пустыни! За Дариуса!

Закончив речь, Леонард развернул своего коня и, вынув меч, помчался на врага. Слова парня громом пронесли по рядам воинов, которые подхватили призыв своего нового вождя и последовали за ним.

— Вот видишь, он вполне справляется, даже лучше, чем ты могла себе представить, — заметил Феникс, подойдя к Сивилле.

— Я была бы полезнее там, — ответила девушка. — Скажи мне, если бы Елена послушала тебя, она бы выжила?

— Наш выход.

Игнорируя вопрос Елены, Феникс подхватил девушку на руки и перепрыгнул через борт дирижабля.

Приземлились герои неподалеку от входа в замок. Город был безлюден, некогда мраморные дома, прилегающие к замку, были разрушены, на их остатках клубился чёрный дым, медленно поднимающийся в небо.

— Я думала, мы разобьёмся! Ты же не можешь прыгать с такой высоты?! — переводя дыхание, удивилась Сивилла.

Феникс хотел ответить, но тут земля задрожала, стены домов затряслись. Звук шагов становился всё ближе, пока двери замка не раскрылись, и оттуда не вышло два огромных огра. Феникс сразу узнал двух братьев, некогда охранявших вход в тронный зал, но сейчас они предстали в абсолютно другом образе. Нижняя челюсть великанов выпирала, из нее торчали огромные клыки, золотые доспехи более не были одеты на них. Единственное, что было на ограх — это набедренная повязка, а из оружия оба предпочли молоты.

— Похоже, Габриэль послал за нами, — поставив Елену на землю, сказал Феникс.

— Дальше вам не пройти, букашки, мы прихлопнем вас! — прорычал один из огов.

— Довольно предсказуемо, — спокойно сказал Феникс, — и давно вы ходите в шестёрках у Габриэля или это так, подработка?

— Как ты смеешь! — разозлился огр.

Первый удар пришёлся на Сивиллу, но девушка вовремя успела отпрыгнуть и вынуть меч. Фениксу же повезло меньше, удар пришёлся не сверху в низ, как он надеялся, а с боку. От чего Феникс отлетел на изрядно приличное расстояние и врезался в стену. Девушка, завидев это, попыталась добежать до друга, но второй огр со смехом ударил молотом, практически попав по Сивилле, но к счастью ей, та вовремя увернулась. Феникс, тем временем, шатаясь, поднялся на ноги.

— Ну, что, кто тут шестерка?! — прорычал огр.

Великан обнажил свои зубы, искривившись в безумной улыбке и со всей своей силы ударил молотом по Фениксу. Вокруг поднялся чёрный снег, заслонив не только место удара, но и целиком великана.

— Феникс! — закричала Сивилла.

Девушка затаила дыхание, удар, казалось, должен был раздавить Феникса. Но когда снег осел, оказалось, что герой спокойно стоял, удерживая молот одной рукой. В горле же великана торчала рукоять меча Феникса, от чего тот, немного простояв, раскрыв пасть, словно не понимая, что происходит, рухнул на землю. Сивилла не могла поверить своим глазам, казалось, что Феникс даже не прикладывал никаких усилий, чтобы удерживать громадину у себя над головой. Второй же огр, увидев труп своего брата, пришел в ярость, взгляд его обезумел, кровь закипела, руки с такой силой сжали оружие, что дерево затрещало.

— Чёртов таракан, тебе конец! — завопил он.

Оставшийся великан сорвался с места и, словно валун, катившийся с горы, понёсся на Феникса. Сивилла, увидев это, за несколько прыжков оказалась справа от обезумевшего гиганта и нанесла два удара мечом по ногам огра. Раздался сильный животный рёв, и, споткнувшись, великан упал практически у ног Феникса.

— Убью... Убью... — повторял огр.

— Я обязательно учту это, — спокойно сказал Феникс и одним ударом руки снес голову великана, которая улетела чуть ли не в другой конец города. Сивилла замерла от удивления, вопросы буквально рождались каждую секунду в её голове. Но молчание никто не нарушал, в тот момент казалось, что друг перед другом стояли совершенно незнакомые люди.

— Нам пора идти, — решил нарушить тишину Феникс.

Поход продолжился, Сивилла так и не смогла сказать ни слова и просто последовала за своим другом.

В замке была полная тишина, разбитые статуи, разорванные картины, разбросанные предметы, создавали ощущение заброшенности. Стены внутри замка так же были чёрные и источали тёмный туман, образующий мрачное покрывало. Сивилле показалось странным, что в течение всего пути по коридорам замка им не встретился не один охранник, хотя герцог наверняка должен был предусмотреть проникновение. Мысли девушки развеяла таинственная фигура, возникшая у двери в тронный зал. Подойдя поближе, Феникс сразу узнал в таинственной незнакомке Виолу.

— Долго же вы, — улыбаясь, сказала она. — Но мне понравилась, как Артур расправился с теми ограми.

— Кто? — удивилась Сивилла.

— Ах, да, он же известен вам, как Феникс. Звучит так нелепо, не находите?

— Хватит уже заговаривать нам зубы, если Габриэль послал тебя остановить нас, то у тебя это плохо выходит, — ответил Феникс.

— Габриэль?! Ха-ха, нет, я тут не по его просьбе, во всём этом, скорее, есть моя личная заинтересованность. Понимаешь, Артур, наш многоуважаемый герцог планирует некий апокалипсис, со всеми вытекающими из этого обстоятельствами — хаос, голод, мрак, и тому подобное.

— Я думал, в этом вся ты, Виола, — перебил ведьму Феникс.

— Спасибо за комплимент, но нет. Мне нравится привносить всё это в жизни людей, но когда весь мир погрузиться в разруху, привносить в неё что-то подобное не имеет смысла.

— Звучит безумно, — сказала Сивилла.

— Вы меня в краску вгоняете, ну да ладно, за это время вы должны были меня уже убить и раскромсать на мелкие кусочки. Так что, мне пора и, да, приятно было увидеться, я скучала по тебе.

Ведьма слегка улыбнулась героям и, отойдя назад, растворилась в тумане стен. Не поверив своим глазам, Сивилла вынула меч и несколько раз ударила по месту исчезновения ведьмы, но по коридорам раздался лишь шум врезающийся в камень стали. Феникс же так и не сдвинулся в сторону, где стояла Виола, лишь удручённо пожав плечами, он направился к двери тронного зала. Сивиллу же это не устраивало, собравшись с мыслями, она перегородила путь своему другу, направив на того меч.

— Объяснись, — потребовала девушка.

— Я не понимаю, о чём ты, — спокойно ответил Феникс.

— Не понимаешь? Хорошо. Откуда тебе известна Виола, и почему она знает тебя? Кто такой Артур? Что знал заключённый в той бездне? Откуда тебе было известно, что будет с Еленой? Объясни! — последнее слово Сивилла выкрикнула.

— Я не знаю, — продолжал Феникс.

— Отлично, в таком случае, я послушаю Елену, мы отступаем и уходим из Сероса. А если подойдёшь ближе хоть на шаг, я убью тебя.

Сивилла не знала, говорила ли она правду, или просто блефовала, слова, словно сами срывались с губ, давние вопросы, таившиеся в ней, требовали ответов. Феникс же не проронил не слова, взгляд его был холоден, а дыхание спокойным. Девушка уже приготовилась получить отказ в физической форме и, возможно, присоединиться к тем двум ограм. Но, вопреки ожиданию, Феникс просто поднял руки и опустил голову.

— Хорошо, — сказал он.

— Х-х-хорошо? — неуверенно переспросила девушка.

— Да, мне надоело нести ответственность за решения, которые принимаю не я. Сейчас его примешь ты. Ты скажешь мне, что делать — уйти, остаться, прилечь. Но прежде, чем ты что-то скажешь, я хочу, чтобы ты прочувствовала этот момент. Там, за стеной города, тысячи людей отдают свои жизни во время твоих раздумий. И тысячи людей погибли ради того, чтобы мы пришли сюда и помогли им. Подумай над этим, и скажи, что я должен сделать. Уйти или пройти за эту дверь.

Феникс не поднимал головы и не опускал руки, Сивилла тоже не отступала. Голова девушки была забита, она словно боролась сама с собой, две её половины, одна Елены, другая Феникса, пытались решить, кто же прав, а кто нет. Она могла простоять так вечность, но тут перед её глазами предстали тысячи Хилонсов, которые, не жалея своей жизни, сражались с тенями, что кружили вокруг замка. Смерти этих людей, их рвение к победе и жажда обрести свободу, заставили сердце Сивиллы на мгновение остановиться и руки сами отпустили меч в ножны.

Глава 23.

Герцогство падших.

Без лишних слов, герои медленно отворили двери тронного зала, ни один из них не знал, чего следует ожидать в этом логове мрака, однако, каждый успел представить, как именно оно должно выглядеть. И, отчасти, оба оказались правы. Некогда белоснежные, стены были изрисованы кровавыми рунами, столы, расставленные по всему залу, ломились от количества убитых, а на каждом оставшемся столбе висело по несколько трупов, насаженные на шипы. Однако, внимание Феникса привлёк человек, которого приковали цепями к странному тотему, возвышавшемуся на бывшем месте трона. Когда он указал Сивилле на пленника, девушка чуть ли не в ту же секунду сорвалась с места, она сразу узнала мученика.

— Годрик! — закричала девушка.

Услышав своё имя, пленник принялся дергаться в разные стороны и мычать что-то невнятное. Но Сивилла и не думала останавливаться, добравшись до Годрика, она быстрым движением руки сорвала с его рта повязку.

— Стой! — закричал Феникс.

Но было слишком поздно, когда повязка слетела с Годрика, маг поднялся и, сломав цепи, удерживающие его, схватил Сивиллу за горло. Феникс среагировал незамедлительно, резким движением руки он вынул меч из ножен и со всей силы запустил им в Годрика. Молниеносная реакция Феникса убила бы мага, но, не долетев всего нескольких сантиметров, снаряд повис в воздухе.

— Хорошая попытка, но на твоём месте я бы не пытался её повторить.

Этот голос Феникс узнал сразу.

— Может, перестанешь прятаться за чужими спинами, Габриэль, — сказал Феникс.

Сивилла ничего не понимала, звук шёл отовсюду, казалось, что говорила каждая стена, но стоило Фениксу оскорбить герцога, как чёрный туман медленно стёкся к центру зала, и из него показался Габриэль.

— В отличие от тебя, Артур, я не трус, — спокойно произнёс он.

Герцога было не узнать, королевские одеяния сменила чёрная роба с вышитым на груди красным пером, кожа стала дряблой и синей, а глаза красными. Лицо Габриэля скрывал череп с начертанными на нём рунами.

— Отпусти парня и девушку, тогда мы и посмотрим.

— Эх, мой дорогой Артур, ты, похоже, так и не понял. Видишь ли, я не могу драться с тобой на твоём поле, в этом проклятом городе каждый кирпичик, каждый маленький камушек питает тебя. Ах, да, какой же я глупец, ну что же, у нас есть время поболтать, пока ваших друзей там убивают и приближают появление моего господина,— сказал Габриэль и отошел к ближайшему столу. — Видишь ли, у тебя наверняка много вопросов: кто ты, что тебя привело сюда, откуда эти голоса в твоей голове, которые говорят тебе, что делать...

— Может, снимешь этот череп, уверен, ты надел его для эффектного появления, а не потому, что он нужен для призыва твоего господина, — перебил Феникс.

— Когда-то, несколько лет назад, Эпифираты терпели сильные поражения от Хилонсов, их войска были сильны духом, хорошо вооружены и попросту давили нас на своей земле. В те дни великая Империя была на грани восстания, голод, частые феодальные войны и поражение в Ледяных пустынях обозначал бы полный разгром и исчезновение Империи как таковой. Но, когда мы совсем отчаялись, к великому Августу пришёл мой господин, он пообещал разгром Хилонсов, если мы создадим культ в его честь и присягнём на вечную службу. Так и появились Кровавые жнецы, великие маги. Дело оставалось за малым — объявив о капитуляции, мы заманили Хилонсов в ловушку, им было не совладать с нашей новообретённой силой, а также новыми воинами, прибывшими к нам. — Габриэль повернулся к Фениксу. — Големы. Сильные, быстрые, практически бессмертные, они даже были способны противостоять магам! Ты представляешь, Артур?! И знаешь, кто вёл их?! — рассказывая, герцог практически вплотную приблизился к Фениксу. — Ты.

— Ложь, — прорычал тот.

— О, нет, мой мальчик, разве ты не понимаешь, все твои старения, омоложения, ты не замечал, что чем ближе ты к источнику своей силы, тем более молодым и сильным ты становишься? Ты был лучшим творением господина, прекрасным воином, непобедимым! Но, увы. Вскоре у некоторых Жнецов проснулась совесть. Причитающие дураки были недовольны кровавыми расправами и новым режимом. Объединившись, им удалось прервать приход хозяина в эти земли, хоть и ценой многих своих жизней, но этого им было мало. Дабы предотвратить его возвращение, они заколдовали тебя, оружие, созданное на основе сил хозяина, оружие, которое должно было проснуться, если почувствует приход тёмных магических сил. Ты не человек, Артур, ты голем, убийца, плод магических ошибок, ты кто угодно, но не человек. Жаль, что их магия не сработала до конца, и ты привязался к этим, — герцог указал пальцем на Сивиллу, — ты был идеален, а из-за них ты теперь просто расходный материал. Ну, да ладно, у нас будет много времени поболтать, когда в мир придёт хаос. Ах, да, если вдруг решишь меня убить, — меч, висевший в воздухе, сдвинулся на Сивиллу, — то не забудь про неё.

Феникс взглянул на девушку, руки Годрика всё так же удерживали её за шею. Герцог же, перейдя от очередного стола к тотему, начертил последние кровавые руны. От чего земля задрожала под ногами героев, трупы, лежавшие на столе, воспламенились, между колоннами по краям зала образовались несколько порталов.

— Годрик, ты меня слышишь? — шёпотом спросила Сивилла, но тот ничего не отвечал. — Годрик, прошу тебя... Я знаю, что ты меня слышишь...

— Он тебя не слышит, девочка, — обернулся Габриэль, — Годрик теперь часть всего этого! В отличии от твоего друга, он сделал правильный выбор.

— Жаль, твой выбор был не правильный, — прозвучал голос Феникса, а за ним последовал сильный удар по Габриэлю, от которого тот рассыпался на чёрный туман.

— Глупец! — прорычал он, и меч моментально полетел в Сивиллу.

Однако, практически в тот же момент, в Годрика прилетел огненный череп, от которого тот упал на девушку, подставившись прямо под меч. Череп же принадлежал горевшему трупу, которого Сивилла сумела оживить. Годрик же даже не закричал, оттолкнув девушку, он, как ни в чём не бывало, вытащил из своего плеча меч и нанес несколько атакующих ударов. Сивилла, к счастью, сумела отскочить и вооружиться, между старыми друзьями завязался бой. Феникс же, тем временем, пытался нанести хоть один удар по возникающему из тёмного тумана Габриэлю. Но все его попытки оказывались тщетными, герцог же спокойно принимал и наносил ответные атаки, постоянно появляясь за спиной Феникса. Надежды у героя было мало, он был слишком медленный, а его ударов было недостаточно.

— Феникс! — закричала Сивилла.

Пока девушка защищалась от очередной атаки Годрика, один из мёртвых за её спиной вынул меч из её ножен и кинул его Фениксу. Бросок оказался очень сильным, Феникс понял. Схватив меч за рукоять, но, не замедляя, а наоборот, давая оружию свободно развернуть себя и прикладывая силы для его ускорения, Феникс нанес самый быстрый удар, который только можно представить. Скорость, с которой ему удалось развернуться и ударить в нужном направлении, была колоссальна, даже самый быстрый глаз не смог бы этого заметить. Цель оказалась поражена — Габриэль, не ожидая такого удара, не успел использовать магию, и почувствовал, как сталь пронзает его тело. Правда, герцог и не думал сдаваться, схватив и остановив меч, он пробормотал что-то себе под нос. Годрик после этого бормотания размяк, словно тряпичная кукла, и упал на пол, а туман, медленно бродивший по земле, окутал Феникса.

— Внемли голосу хозяина! — закричал Габриэль.

Феникс почувствовал, как его руки немевают, а ноги врастают в пол, что-то медленно проникало в него, заставляя разум кануть в небытие.

— Внемли, Артур, генерал войска тьмы, хозяин призывает тебя обратно в служение ему! — продолжал герцог, туман вокруг Феникса превратился в подобие водоворота, а из открытого портала слышались странные звуки. — Ты его детище, созданный из тьмы и...

Габриэль не успел договорить из-за Сивиллы, а точнее, мёртвого, который восстал по её приказу и налетел на герцога. Помогло это, правда, ненадолго — герцог, ожидая чего-то подобного, растворился в чёрном тумане.

— Ах, да, как я мог забыть о Вас, дорогая моя. Я бы сам с Вами разобрался, но, думаю, Вам будет приятнее умереть от рук вашего друга.

После слов Габриэля глаза Феникса открылись, в них не было ничего, кроме кромешной тьмы. Сивилла почувствовала, как по её спине пробежал холодок, а глаза наполнились слезами, но, не смотря ни на что, девушка вынула, сжала рукоять меча с ещё большей силой.

— Глупая девица! Ты умрёшь, даже не успев взмахнуть этим мечом! Но да, будет так!

Феникс сорвался с места, чёрный туман, лежащий на его пути, исчез, прокладывая путь прямо до Сивиллы. Девушка приготовилась принимать удар, сердце её бешено колотилось, ноги дрожали, но она даже не думала об отступлении. Но, когда до столкновения героев остался лишь шаг, Феникс упал

на землю, крича от боли в унисон с голосом Габриэлем, а по комнате пронёсся удар грома.

— Боюсь срывать ваши планы, — сказал Годрик.

Парень лежал, еле дыша, рука его была опущена в чёрный туман, а по телу бегал белый огонь.

— Чёртов мальчишка, как ты смеешь! — завопил Габриэль. — Твоя ничтожная магия не способна одолеть меня!

— А этого и не требуется...— процедил сквозь зубы Годрик.

По залу прокатился гром, за которым поспела и молния. Разряд энергии, вырвавшийся из портала, ударил в чёрный туман, именно в то место, где находил Габриэль. Крик герцога эхом разнесся по замку, туман, окружавший его, растворился, а сам он бился в дикой агонии. Феникс же на время вернулся в сознание, и стоило только этому случиться, как в воздухе промелькнул блеск меча. Как и всегда, цель была достигнута, череп Габриэля буквально разлетелся на две части, а с его смертью заскрипели и захлопнулись порталы.

Наступила гробовая тишина, нарушали её лишь треск костров и лёгкий сквозняк, поющий в коридорах замка. Но Сивилла всего этого не слышала, у неё в ушах всё ещё стоял шум от грома, всё вокруг казалось ей нереальным, а произошедшее — дурным сном. И лишь когда она увидела бездыханное тело Годрика, сознание вернулось к ней. Глаза парня были безжизненными, рука всё так же касалась пола, а сам он лежал на пьедестале. Сивилла не знала, что ей делать, слёзы словно просились наружу, но девушке не хотелось плакать, какие-либо эмоции для неё были бессмысленные. Не говоря не слова, девушка села на край пьедестала и аккуратно положила Годрика на ноги.

— Не советую, Сивилла, ты уже не вернёшь его, — подошёл к девушке Феникс.

— У тебя нога сломана, — спокойно ответила девушка. — Почему ты говоришь мне это сейчас, как же моё право на выбор? Феникс? Артур? Как же так, мы шли так далеко, потеряли так много, и проиграли...

— Проиграли? — переспросил Феникс.

— Этот мир надломлен, тьма постепенно проникает в него, пусть, не сейчас и не здесь, но я чувствую, как зло охватывает всё большую территорию. Оно вернётся, — держа Годрика на руках, сказала Сивилла.

— Пока ты не признал поражения, ты не проиграл. Собирай людей Рива и веди их далеко на восток.

— А ты? А Леонард? — удивленно взглянула девушка.

— Сивилла, Леонарда, каким ты его знала, больше нет, он не покинет эти земли, чем погубит свой народ. Я же слишком большая опасность для этого мира...

— Ты же не собираешься? Я не позволю тебе! Я воскрешу тебя! Ты слышишь!

Девушка и не заметила, как перешла на крик, всё её тело дрожало, а слова сами вырывались из губ. Феникс же аккуратно присел рядом с Сивиллой и, взяв её за руку, посмотрел прямо в глаза.

— Прошу тебя, последуй за мной, в последний раз, — его вторая рука коснулась её лица, — в последний раз и ты сможешь сама принимать решения.

— Я не хочу...

— Я тоже, но, пожалуйста, не признавай поражение и неси с собой память обо всех тех, кто погиб ради великой цели. О тех, кто сейчас спокойно спит в этих холодных землях. Пообещай мне, Сивилла, обещаешь?

Девушка закрыла глаза и через силу медленно кивнула, в тот же миг рука Феникса пропала, а комнату снова наполнили треск костров и свист ветров Ледяных Пустынь Ардикта.

Эпилог.

— Что значит — население Рива пропало?! — охрипый голос Леонарда разил воинов сильнее ножа.

— В-в-вождь, мы не имеем и малейшего п-понятия.

Глаза Леонарда наполнились яростью, всё его тело было обезображено, покрыто незаживающими ранениями, оно то и дело напоминало о себе жгучей болью. Призраки сильно потрепали его, лишив руки и глаза; по словам воинов, его полуживого, но всё ещё державшего меч в руках, унесли в тыл, а когда он очнулся, призраки уже растворились в той тьме, из которой пришли.

Вождь ещё несколько раз ударил кулаком по столу и, опустившись на стул, зарычал, словно дикий медведь. Но, постаравшись унять свою злость, кинул гневный взгляд на гонца.

— Бред... Что с Вастатом, Брегом и Такдраром?!

— Два города целы, вождь... — отрапортовал юнец.

— Два города? — вопросительно поднял бровь Леонард.

— Да, Брег и Вастат, но, боюсь, гавани Такдарома пусты, возможно, местные ушли на кораблях в море.

— Возможно? Мне не нужны догадки! Это всё чертова ведьма Сивилл! Я так и знал, что ей нельзя доверять! — снова вскочил Леонард.

— В-в-вождь, мы не нашли её тела, но я уверен...

Не успел гонец закончить, как единственная рука Леонарда впилась ему в горло, пригвоздив к каменной стене.

— Повторишь ещё раз, что в чём-то уверен, и окажешься захороненным неподалёку от массовой могилы Эпифиратов, под Ривом, ты понял? Ты понял?!

Гонец быстро качал головой.

— Отлично, — сказал Леонард и разжал руку, — всем остальным скажешь, что жителей Рива убили пауки, и что скоро мы выступаем войной на этих тварей. Тебе ясно? — юнец испугано кивнул. — Хорошо, а теперь пошёл вон.

Не дожидаясь повторного приказа, гонец исчез за дверью.

— Хорошо же ты поступаешь с друзьями, Сивилла, ну что же, ты сделала свой выбор.